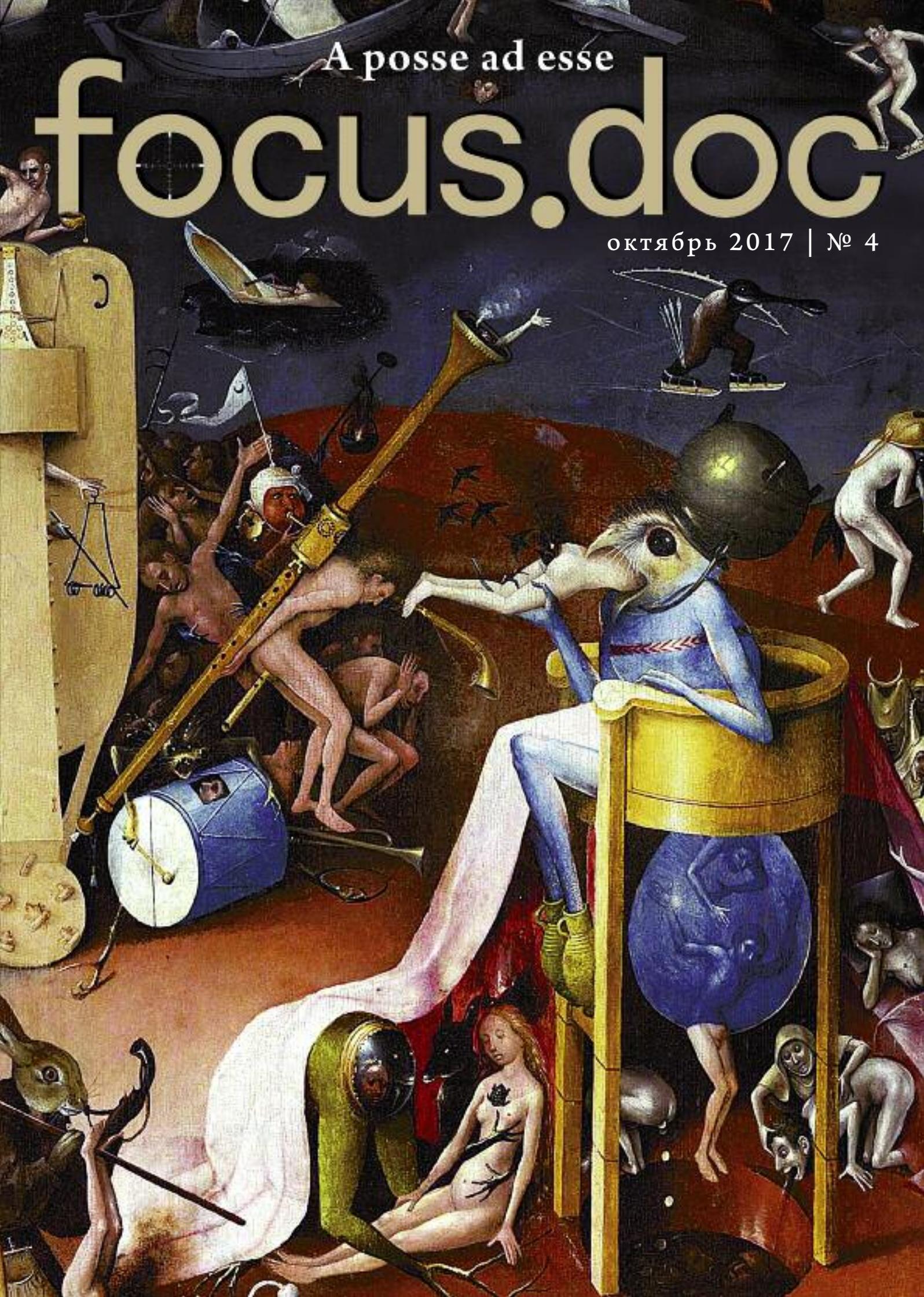
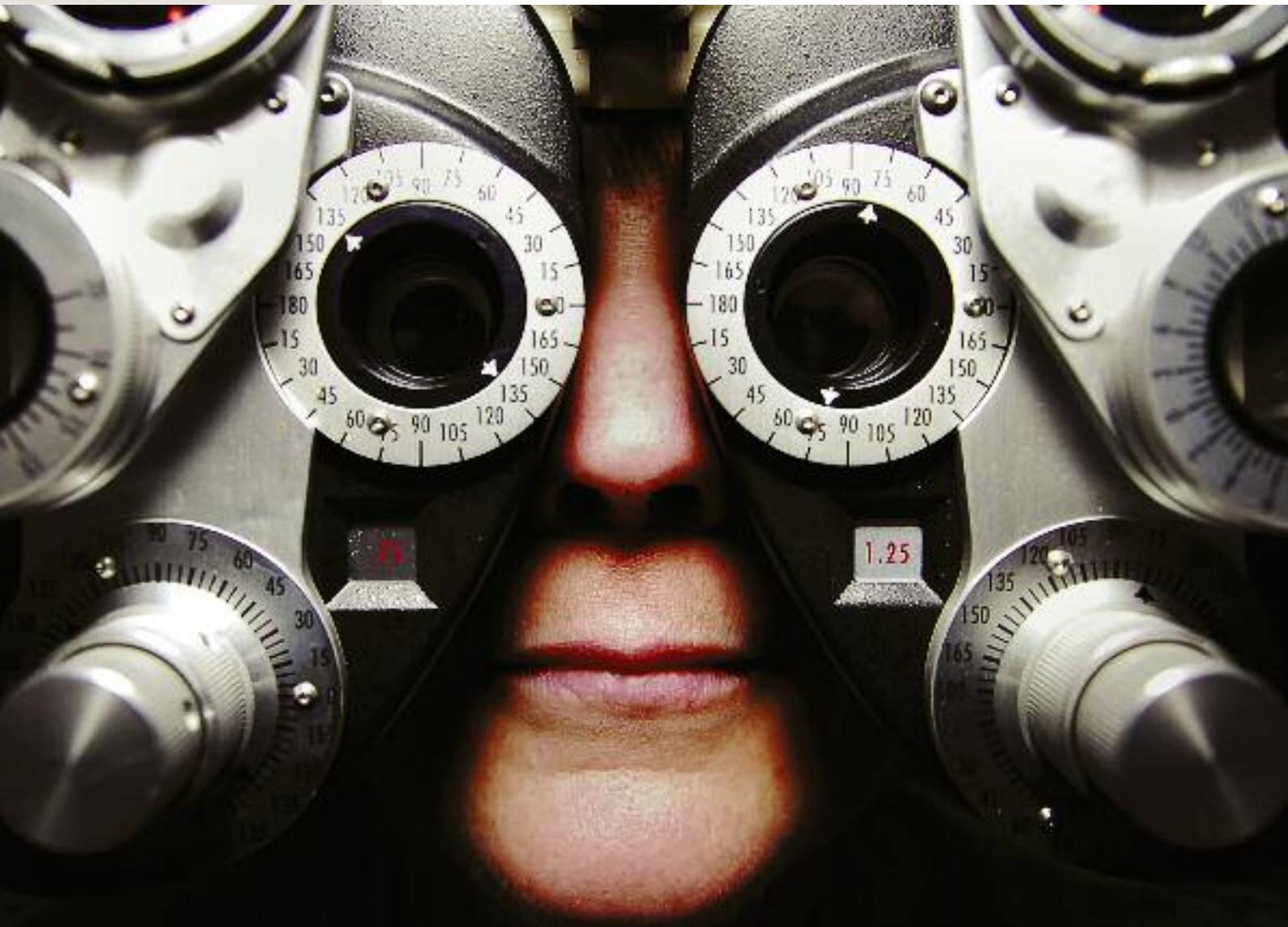

A posse ad esse

focus.doc

октябрь 2017 | № 4

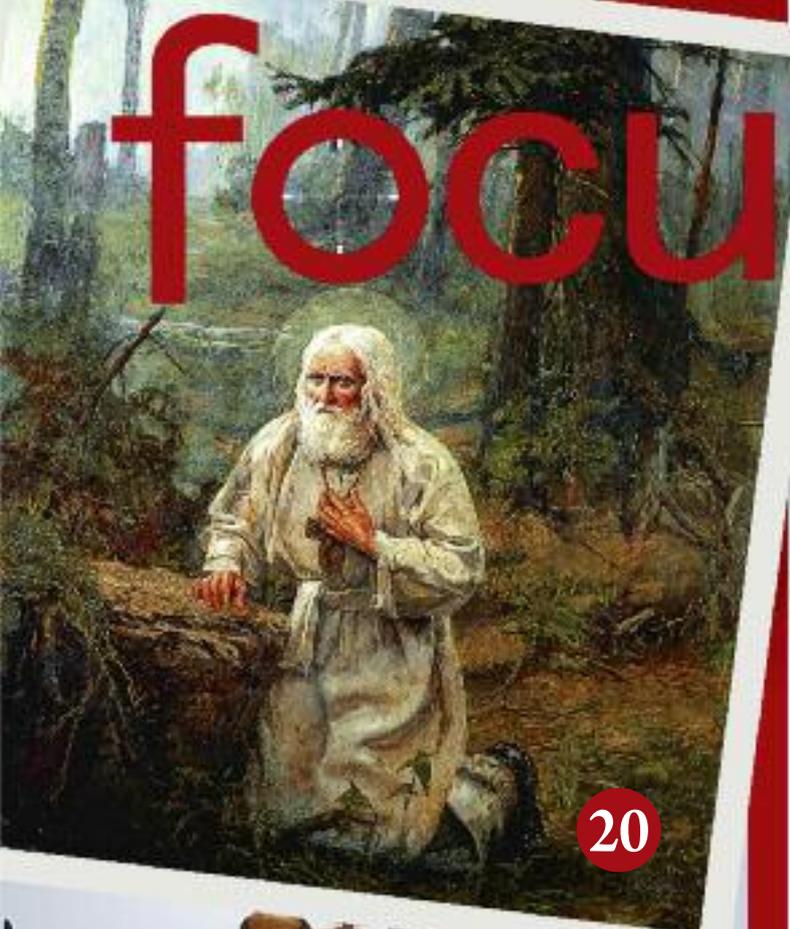
Интернет-журнал «Развитие»

Выходит два раза в месяц, публикуется на сайте dynamic-of-civilizations.ru и рассылается подписчикам по электронной почте.

Для подписки направляйте заявку в произвольной форме по адресу info@dynamic-of-civilizations.ru с указанием своей электронной почты.

focus.doc

октябрь 2017 | №4

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

3

С.Н. Белкин
**Революция 1917 года как
цивилизационный выбор России**

ИДЕОЛОГИЯ

6

В.Э. Багдасарян
**Похороны социализма были
преждевременными**
Социалистический эксперимент
в истории: теория и замысел

20

В.И. Немыченков
Культура и большие смыслы

ПОЛИТИКА

38

А.А. Нагорный
**Треугольник Россия–США–Китай
и индийский фактор**

СМЫСЛОСТРОИТЕЛЬСТВО

42

М.П. Остроменский
Изгнание «духа горя»

58

В.С. Левицкий
**Когда мы свободны, или Можно ли
отличить культурную энтелехию от
движения в «релятивистской струе»**

62

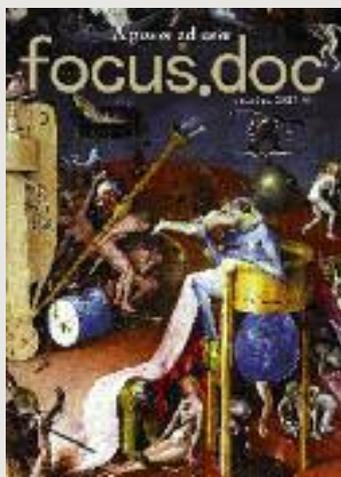
Памяти Гейдара Джахидовича Джемала
Из работ последних лет

80

С.Н. Белкин
Не уклони сердце мое

На обложке: Иероним Босх. Сад земных наслаждений. 1500–1510 годы (фрагмент)

**Информационно-аналитический
и общественно-политический журнал
Focus.doc**

Главный редактор: **Сергей Белкин**

Первый заместитель главного редактора:
Дмитрий Андреев

Заместитель главного редактора:
Вадим Прозоров

Арт-директор: **Олег Фирсов**

Ответственный секретарь:

Елена Колесникова

Адрес:

105077, г. Москва, Средняя Первомайская улица,
д. 4, оф. 17, редакция журнала Focus.doc

dynamic-of-civilizations.ru
info@dynamic-of-civilizations.ru

Издание осуществляется при поддержке
ГК «ЭФКО» в рамках проекта
«Цивилизационная динамика».

Управляющая компания «ЭФКО» в г. Москве:
119017, г. Москва, ул. Летниковская, д. 10,
стр. 2, БЦ Святогор-2
Тел.: +7 (495) 225-87-23; www.efko.ru

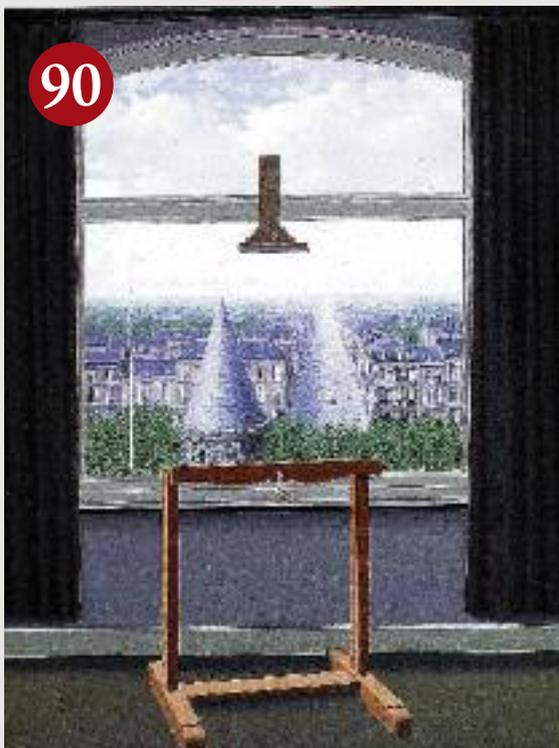
Журнал выходит 6 раз в год.

Тираж: 700 экз.

Подписано в печать: 28 октября 2017

Перепечатка материалов возможна только
с разрешения редакции. При использовании
материалов журнала Focus.doc в любой форме ссылака
на журнал Focus.doc обязательна.

Электронная версия журнала доступна после регистра-
ции на сайте dynamic-of-civilizations.ru. Бумажная вер-
сия распространяется по редакционной подписке.
Доставка журнала подписчикам осуществляется почто-
вой рассылкой либо путем получения номера в редак-
ции. Часть тиража распространяется бесплатно прямой
персональной почтовой рассылкой по собственной базе
данных, включающей руководителей органов государст-
венной власти, политиков, глав администраций субъек-
тов Федерации, общественно-политических деятелей,
ученых, представителей экспертно-аналитического
сообщества, творческих союзов, деятелей культуры.
Журнал бесплатно получают крупнейшие библиотеки,
университеты и академии, он также распространяется на
мероприятиях, проводимых с участием представителей
его редакции. Заявку на включение в персональный спи-
сок бесплатной рассылки направлять на электронный
адрес редакции. Редакция оставляет за собой право
отказать в бесплатной подписке без объяснения причин.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ДИНАМИКА

90

Экспертная сессия
клуба «Цивилизационная динамика»
«Русский менеджмент»

18 октября 2017 года

90 С.Н. Белкин

93 В.Э. Багдасарян

101 Ю.М. Осипов

102 М.Л. Хазин

104 В.Е. Лепский

НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

106

Революция 1917 года глазами
современников

Сергей
БЕЛКИН

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА как цивилизационный выбор России

Рассуждая о революциях 1917 года, я буду опираться на так называемый цивилизационный подход, базисом которого являются ценности. Ценностная матрица – это то, на основе чего и формируется общность, считающая себя (или ее считают) цивилизацией.

Ценностная матрица Российской империи к началу XX века была существенно повреждена.

В экономической области шел процесс развития капитализма, происходила ломка феодализма.

В сфере политической мысли возникли весьма глубокие теории – марксизм, социал-демократическая мысль. Они не только описывали ход истории, но и давали рецепты создания более справедливого государственного устройства.

В сфере практической политики сформировались действенные организации, стремившиеся к решительным действиям по переустройству государства.

Легитимность монархии ослабевала. Сложность управления огромным развивавшимся го-

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор журнала Focus.doc,
председатель клуба
«Цивилизационная динамика»

сударством нарастала, а адекватного отклика со стороны системы управления не последовало.

Против России действовали весьма сильные враги, стремившиеся к ее ослаблению или уничтожению, в том числе и военным путем.

В духовной – в широком смысле – сфере тоже наблюдалась ломка ценностей.

Авторитет господствующей церкви снижался, набирали силу нигилизм и безверие.

В области культуры бушевали такие явления, как модернизм, искавший некоего нового будущего, и декаданс, то

есть упадок. Нарастал отказ от прежних целей, прежней роли и прежнего языка искусства.

Научная картина мира переживала один из самых драматических периодов своего развития: на смену классической физике пришла современная, ломавшая представления о мироустройстве в целом.

В музыке набрали силу совершенно непредставимые в XIX веке формы и ранее абсолютно немислимое эмоциональное содержание.

→ В живописи совсем еще юный импрессионизм сменялся постимпрессионизмом, экспрессионизмом, абстракционизмом.

В архитектуре пришло время невиданных прежде форм.

В области морали наблюдался массовый отход от прежних норм поведения.

Собравшись на одном отрезке истории, эти процессы ввергли общество и государство в крайне зыбкое состояние. Россия вошла в зону абсолютной неустойчивости, для которой характерна возможность драматически больших изменений при даже незначительном воздействии, пережив которые система оказывается в совершенно новом – причем заранее непредсказуемом, – качественно ином состоянии.

Революция с точки зрения цивилизационного подхода означает качественный скачок в развитии локальной цивилизации, переход в новое состояние. И этот переход произошел в 1917 году.

Существует пропагандистский тренд в современной историографии, состоящий во внедрении мема «Русская революция 1917 года» – как бы объединяющего события и февраля, и октября. Цель этой пропаганды состоит в том, чтобы Февральскую революцию считать «главной и правильной», а то, что произошло в октябре и после, именовать не «Октябрьской революци-

ей», а «переворотом», зигзагом истории, трагическим маршрутом и заблуждением, которое удалось через семь десятилетий вскрыть и вернуться на «правильную дорогу».

С цивилизационной точки зрения это принципиально не так!

Февральская революция, несомненно, содержала в себе чрезвычайно существенные черты цивилизационной революции. Ценностная матрица разрушалась: упразднена монархия, сословия, внедрен целый ряд политических свобод и пр. Власть утратила легитимность – причем не только на уровне доверия народа, но и на уровне религиозном: помазанник Божий отрекся и был арестован, а в церквях перестали провозглашать «многие лета царствующему дому», заменив объект здравницы на «благодарное Временное правительство».

Февральская революция действительно открыла перед Россией дорогу к продолжению развития капитализма в более благоприятных, с точки зрения капиталистов, условиях. С цивилизационной точки зрения это означало не только слом старой, но и формирование новой ценностной матрицы, в которой главным должны были стать замена общинного, коллективистского мировоззрения большинства населения мировоззрением индивидуалистическим и приматом матери-

ального над духовным. Размышляя над этими свойствами русского человека, Николай Бердяев писал: «По своим понятиям о собственности русские крестьяне всегда считали неправдой, что дворяне владеют огромными землями. Западные понятия о собственности были чужды русскому народу. Земля Божья, и все трудящиеся, обрабатывающие землю, могут ей пользоваться. Навивный аграрный социализм был присущ русским крестьянам».

Русский народ и прежде всего крестьяне не принимали ни западных представлений о собственности на землю, ни внедрения рыночных отношений вместо общинного уклада. В этом протесте, который лишь усугубился после реформ Столыпина, разрушавших общинный уклад, вполне очевидны цивилизационные основания.

Конфликт был ценностный, но для его разрешения Февральская революция не смогла предложить ничего из того, что хотя бы как-то отвечало умонастроениям народа. Именно в силу этого Февральская революция завершилась бесславно, породив не цивилизацию, а мстительный выплеск в виде белого движения, принесшего гибель миллионам, схватившимся в братоубийственной Гражданской войне. Так что февральский цивилизационный поворот оказался поворотом в никуда, потерей управления, после которой машина сверзлась в пропасть.

Иного результата достигла Октябрьская революция, потому что она обращалась к ценностным основаниям русского народа. Причем то, что крестьянство может и должно (в союзе с рабочими) стать революционной силой, это уже не марксизм, это – ленинизм. Это – русское творчество, как и Советы. И это – цивилизационное движение, а не одна лишь политическая тактика и стратегия.

Более того: та ценностная матрица, которая была заложена сперва в виде политических лозунгов апреля 1917 года, затем в виде первых декретов, потом в виде институтов – Советов, наркоматов, планов развития народного хозяйства, позволила России не исчезнуть в гибельных ситуациях первых двух послереволюционных десятилетий.

В 1936 году было заявлено, что «у нас уже осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм». С этого момента можно говорить о появлении в истории человечества новой цивилизации – советской.

Подчеркну, что Октябрьская революция была, несомненно, именно революцией, а не переворотом: революции классифицируются не по форме мероприятий, а по социально-политическим последствиям.

Нескольких слов о последнем цивилизационном повороте, совершенном на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века.

С цивилизационной точки зрения, это попытка подчинить локальную (русскую) цивилизацию иной – западной – цивилизационной модели, пытающейся стать единственной в глобальном масштабе.

Поскольку русское цивилизационное ядро, основой которого является стремление к справедливости, эмпатия и коллективизм, еще не разрушено, этот поворот встречает сопротивление среды. Отсюда постоянные сетования нынешних «цивилизаторов» на то, что «народ не тот», что с «этим народом» провести реформы невозможно и т. д. Возможность цивилизационного поворота 90-х стала следствием потери управляемости и ошибочного целеполагания, следствием торжества тщеславия, алчности и эгоизма.

И последнее. Та исключительная сложность, многофакторность, неопределенность, через которые шли и продолжают идти Россия и русский народ, не достались ни одной другой стране, ни одному другому народу. Лично мне свойственно во всем искать и находить, видеть и чувствовать прежде всего проявления добра, ростки справедливости, порывы и прорывы к развитию. Отношение к истории своей страны определяет очень многое: как на уровне личной жизни «здесь и сейчас», так и в качестве дальнейшего развития общества и государства. Повторю когда-то мною написанное: вы можете ткать ткань собственной жизни из нитей горести, стыда, мстительности и ошибок – но тогда в этом и придется жить. Но можно соткать иное полотно: из гордости, побед, добросердечия. Только из этого и образуется ресурс развития народа. Любой период русской истории для меня подтверждает одно: наше предназначение и историческая миссия – поиск справедливого мироустройства. Поиск идет непрямым путем, с неудачами и ошибками, но и с победами, достижениями и радостью. Главное – сохранять и наращивать в себе ресурсы для такого движения вперед, а не лишать себя сил, энергии и творческого потенциала. В связи с моими словами легко вспомнить метафору о пессимистах и оптимистах, о наполовину пустом и наполовину полном стаканах воды. Только я предлагаю наполнить эту метафору важным смыслом: смотреть на происходящее как на динамический процесс и определиться в главном: из стакана воду выливают – тогда он наполовину пуст; или его наполняют – тогда он наполовину полон и перед нами совершенно иная перспектива.

Размышления о революции, цивилизационном выборе и многом другом – в материалах настоящего номера. **Ф**

ПОХОРОНЫ СОЦИАЛИЗМА БЫЛИ ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫМИ

Социалистический эксперимент в истории: теория и замысел

Сто лет минуло со времени одного из величайших в мировой истории свершений с точки зрения влияния на глобальный исторический процесс – Октябрьской революции. Демонтаж социализма в СССР дал основания утверждать, что социалистический эксперимент исторически провалился. Но правильна ли такая констатация? Имел ли место провал социалистической идеи или, напротив, к обвалу советской государственности привело отступление от ценностей социализированного жизнеустройства? Насколько, наконец, актуальна сегодня сама постановка вопроса – ключевого для социализма – о возможности построения государства социальной справедливости?

Идеал человечества и социалистический эксперимент

Тема несправедливости стара как человеческий мир. Развертка истории в различных версиях ее осмысления представляется как акт несправедливости. В библейской версии – это преступление Каина. В версии марксизма – присвоение результатов чужого труда, создание института частной собственности. В версиях цивилизационного изложения истории ее завязка сопрягается, как правило, с внешней агрессией, установлением власти завоевателей. В мире утверждается несправедливость. И далее общественная мысль начинает работать в направлении

Вардан Эрнестович Багдасарян – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

нахождения путей исправления сложившегося положения дел. Формируется мечта о справедливом жизнеустройстве.

Государство справедливости – это был идеал, который мотивировало человечество на преобразование действительности. Отсюда применение к этой идеальной перспективе категории исторического эксперимента. Эксперимент заключался в попытке человечества преодолеть неизбежность несправедливости в жизнеустройстве социума. Может ли быть государство без коррупции, без кумовства и клановости в формировании элит, без противоречий труда и ренты, без контрастов жизни бенефициаров и большинства? Рассмотрение всемирной

истории показывает, что таких государств не существовало. Но лучшие люди в истории человечества не оставляли надежды, что иное принципиально возможно.

Констатация несправедливости социального жизнеустройства приводила человека к развилке личного выбора: либо стремиться попасть в группу бенефициаров – либо добиваться переустройства самой несправедливой системы. Что может подвигнуть человека или группу людей ко второму выбору? Эти мотиваторы могут быть двоякого рода – ценностно-мировоззренческие и социально-прагматические.

Ценностно-мировоззренческие мотиваторы определялись острым переживанием факта несправедливости в отношении большинства, диссонанса воззрений и ценностей субъекта и существующей системы жизнеустройства. В истории известны примеры, когда представители бенефициариата жертвовали своим привилегированным положением ради счастья большинства. Особенно много таких примеров дает история России. Декабристы создали непреходящий образ этого рода жертвенности. Для такой жертвенности нужен был высокий уровень альтруизма, которым далеко не каждое общество обладает. Русская альтруистичность в значительной мере определялась христианской аксиологией. Евангельские интенции и установленная система жизнеустройства жестко диссонировали. В этом смысле можно говорить о революционности Нового Завета. В

Уильям Блейк. Адам и Ева нашли тело Авеля. Около 1826 года

христианских странах действующие законы и евангельские наставления имели существенные расхождения. Интенции Нагорной проповеди воспринимались как нравственный идеал, но не реальные законообразующие положения. Таким образом, именно в христианской культуре было заложено особо острое противоречие между реальным обустройством жизни и представлением об идеальном, должном. В исламе, воплощающем законодательно положения Корана в системе шариата, такой остроты этого противоречия, как в христианстве, не существует. Дехристианизация в этом отношении наносит удар не только по самому христианству, но и по потенциалам запроса человечества на построение государства социальной справедливости.

Социально-прагматические мотиваторы выбора индивидуальной стратегии борьбы за переустройство общества на началах социальной справедливости определяются отсутствием персональ-

ной возможности повышения своего общественного статуса. Несправедливость здесь уже понимается в личном ракурсе: несправедливо в отношении меня. Добиться же того, чтобы персональное положение было изменено без смены всей системы, оказывается невозможно. Выход – объединение людей в борьбе против системы. Марксизм формулировал это как развитие классового сознания. Человек понимает, что его индивидуальный успех связан исключительно с успехом всего класса, достигаемого в классовой борьбе (рис. 1).

Тема несправедливости стара как человеческий мир. Развертка истории в различных версиях ее осмысления представляется как акт несправедливости. В библейской версии – это преступление Каина. В версии марксизма – присвоение результатов чужого труда, создание института частной собственности

Античный квазисоциализм
Первые попытки построения общества социальной справедливости принято обнаруживать еще в античную эпоху. Тема справедливости заявляется как одна из дискурсивных компонент в рамках греческой философии. Аристотель выделял несколько видов справедливости. Первый из них – это уравнительная справедливость. Несправедливо для этой модели будет такое положение, когда один получает больше, чем другой. В уравнительном понимании справедливости это недопустимо. Второй вариант – распре- ➔

Рис. 1. Мотиваторы борьбы за построение государства социальной справедливости

➔ делительная справедливость. Несправедливо, если представитель элиты, являющийся по статусу вышестоящим, получает меньше или столько же, сколько представитель социальных низов. И третий вариант, который выделял Аристотель, – это справедливость-воздаяние. Несправедливо, если человек не получит за свой труд столько, сколько заработал. В соответствии с этими тремя вариантами понимания справедливости-несправедливости выстраивались три модели государственного устройства. С определенными оговорками в этой дифференциации можно различить три классические идеологии – социализм, фашизм и либерализм.

Нарицательный характер приобретут со временем предпринимаемые в период Античности эксперименты построения квазисоциалистического общества. Сегодня Спарта представляет собой своеобразный бренд, в рамках которого выхолощена сущность предпринятого спартанцами исторического эксперимента. Уникальность же этого эксперимента состоит в том, что он охватывал

несколько столетий. Несколько столетий существовало общество, организованное на принципах социальной справедливости. Сама по себе эта протяженность показывает отсутствие программируемого, как говорят либералы, провала экспериментов такого рода. Авторство спартанских законов принято связывать с полумифической фигурой законодателя Ликурга. Многие исследователи считают, что эти законы не были введены одновременно, а явились результатом длительного реформирования. Другие видят в спартанских порядках сохранение традиций догосударственного общинного существования. Идеология равенства воплощалась в Древней Спарте, в частности, в уравнении земельных наделов, недопущении роскоши, запрете на использование золотой и серебряной монеты, в совместных трапезах, общегосударственном совместном воспитании детей и др.

Однако социально справедливым спартанское государство можно назвать только с определенной оговоркой. Требования справедливости не распространялись на

рабов. Между тем численность илотов в Спарте приблизительно в семь раз превосходила численность спартанцев. Раб не считался человеком, а соответственно, и императив справедливости, по античным представлениям, на него не распространялся.

Но эта оговорка меняла суть дела. Фактор рабов, составляющих большинство, позволяет идентифицировать Спарту скорее как фашистское, нежели социалистическое государство. Неслучайна та подчеркнутая любовь к спартанским экспериментам, которая имела место в официальной культуре Третьего рейха.

Та же поправка должна быть сделана в отношении Платона, часто определяемого в качестве первого коммуниста. Платоновское идеальное государство, эксперимент по организации которого предпринимался в Сицилии, было не коммунистическое, а именно фашистское. Население в нем функционально разграничивалось на три касты – философов, стражей, ремесленников и земледельцев. Философам предписывалось реализовывать функции общественного управления, стражам – охранять общественный порядок и обеспечивать защиту от внешних врагов, ремесленникам – заниматься ремеслом, а земледельцам – земледелием. Не только общественные функции, но и воспитание, а также поведенческие стереотипы жестко соотносились с кастовой принадлежностью. Касты имели закрытый характер. Дети с рождения наследовали кастовую принадлежность родителей. Платон говорил о создании различных антропологических типов из различаемых по степени благородства металлов. В природе философов, утверждал он, содержится примесь золота, у стражей – серебро, у ремесленников и земледельцев – железо. Речь, таким образом, шла о справедливости в соответствии с принадлежностью к касте, а не справедливости холистической, не о справедливости для всех.

Христианский социализм

Идею всечеловеческой справедливости впервые исторически заявило христианство. В этом отно-

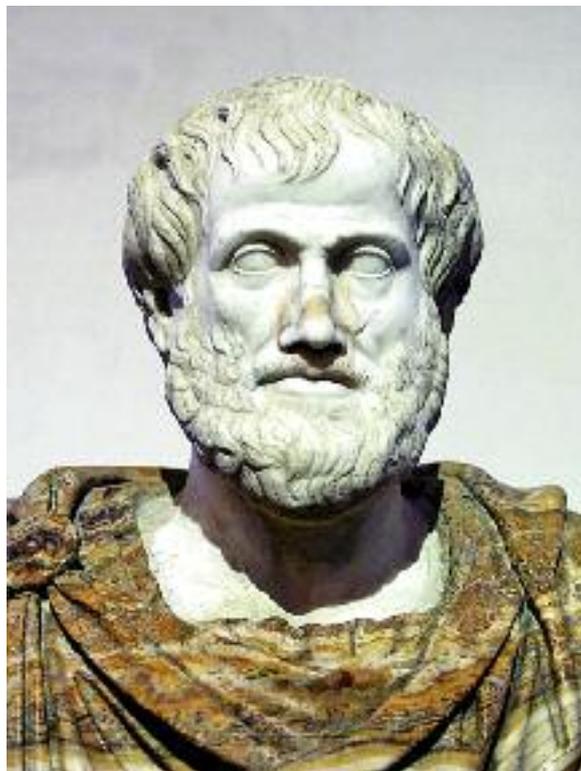
шении христианский эксперимент есть эксперимент социалистический. Справедливость заявлялась как одна из семи христианских добродетелей.

Нагорная проповедь Христа провозглашала определенные принципы построения нового мира – мира справедливости. Высшим ценностным мерилом называлась любовь. Любовь снимала противоречие в субъектности трактовки, что есть справедливо. Императив – «возлюби ближнего твоего» (Мф. 22:39) – означал недопущение в отношении «ближнего» несправедливости.

Но люди несовершенны. То, что было естественным для Богочеловека, оказалось непосильным для большинства людей. Христианская идея справедливости переосмысливается и перетолковывается уже в период Средневековья. В отношении замысла построения справедливого общества складываются три основных направления истолкования.

Гностическое направление отрицало буквальное евангельское прочтение справедливости. В Евангелии гностики видели тайный смысл, отделяемый от его профанического изложения для масс. Главное положение гностического направления: люди изначально неравны, и подлинно справедливым может быть только общество, построенное на принципах фундаментального неравенства. Модель общества социальной справедливости, ориентированного на большинство, гностики категорически отвергали. Идеологии неравенства эпохи Модерна – такие, как фашизм, – восходят еще к средневековому гностицизму.

Доминирующую линию в понимании воплощения евангельской социальной справедливости представляли трансценденталисты. Мир, констатировали они, фатально несправедлив. Сделать его справедливым в земной жизни невозможно. Воздаяние будет дано за гробом. Справедливость

вось. Осуждая мир социальной несправедливости, трансценденталисты подыгрывали ему. Такой подход трансценденталистов позволял критикам религии говорить о ее реакционной сущности как защитницы интересов правящих групп.

Реальная борьба за построение общества социальной справедливости ассоциируется с хилиастическим направлением. Хилиасты, в отличие от гностиков, понимали евангельские слова буквально. В отличие от трансценденталистов, они верили в возможность построения Царства Божьего на земле и боролись за это. Понятие «хилиазм» этимологически производно от слова «хилиос» – тысяча, то

есть подразумевает грядущее тысячелетнее царство мира и справедливости. Вся последующая борьба за построение общества социальной справедливости берет истоки в хилиазме. Хилиастическим учением являлся и коммунизм (рис. 2).

Одним из наиболее ярких теоретиков хилиазма был христианский мистик Иоахим Флорский. Мировая история перетолковывалась им на основе символики Троицы. Первый период – царство Отца – начинался Авраамом и заканчивался Иоанном Крестителем. Второй период – царство Сына – отсчитывался от прише- ➔

Аристотель (скульптурный портрет на фото)

выделял несколько видов справедливости.

Первый из них – это уравни- тельная справедливость.

Второй – распределительная справедливость.

И третий вариант – это справедливость-воздаяние

восторжествует на Суде Божь- ем. Позиция трансцендентали- стов парализовывала реальную борьбу за социальную справедли-

Рис. 2. Идеологические расхождения по вопросу о построении государства социальной справедливости в средневековом христианстве

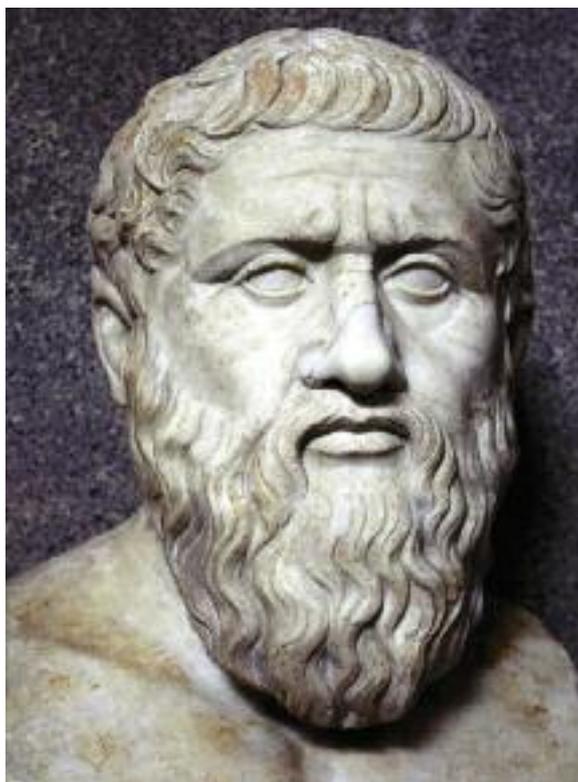
Таблица 1. Нравственный императив в религиях мира

Религия	Формулировка нравственного императива
Иудаизм	«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»
Христианство	«Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки»
Ислам	«Делайте всем людям то, что вы желали бы, чтобы вам делали люди, и не делайте другим того, чего вы не желали бы себе»
Индуизм	«Пусть [человек] не причиняет другому того, что неприятно ему самому. Такова вкратце дхарма – прочее проистекает от желания»
Конфуцианство	«“Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом?” Учитель ответил: “Это слово – взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе”»
Африканские традиционные религии	Пословица народа йоруба: «Тот, кто собирается взять заостренную палочку и проткнуть ею птенца, должен для начала попробовать это на себе, дабы почувствовать, насколько это больно»

→ ствия Христа. Но Иоахим предсказывал наступление в грядущем третьего периода – царства Духа. Это царство, по его утверждению, и будет реализацией принципов справедливости, и модель монашеской жизни должна распространиться на всё общество.

Главная проблема, с которой сталкивались хилиасты, – это несоответствие большинства людей представлениям об идеальном справедливом обществе. Чтобы справедливое общество было построено, необходимо, чтобы каждый из его членов не поступал несправедливо. Для этого требуется безусловное принятие и соблюдение нравственного императива. Удивительным образом нравственный императив – не делай другому того, чего не желаешь себе сам, – содержится во всех традиционных религиях. Люди, очевидно, издревле понимали, что данный принцип является ключевым. Другое дело – его соблюдение (табл. 1).

Столкновение с реальной несовершенной человеческой природой побуждало хилиастов применять насилие против большинства. Ими устанавливалась идеократиче-

Платоновское идеальное государство, эксперимент по организации которого предпринимался в Сицилии, было не коммунистическое, а именно фашистское

ская диктатура пассионарного меньшинства, и в итоге, борясь за идеал социальной справедливо-

сти, они сами его опровергали в практике общественного строительства.

Великие мыслители прошлого – социалисты и коммунисты

Навязываемый либеральными российскими СМИ стереотип сводится к оценке социализма как профанического и абсурдного учения. Популярным является цитирование Отто фон Бисмарка, заявившего: «Социализм в одной стране построить можно, но надо выбрать страну, которую не жалко». Однако на практике склонный к метафорическим высказываниям канцлер построил государственную систему со значительными квазисоциалистическими элементами. Оскар Уайльд обра-

щался к социализму, поскольку находил его эстетически привлекательным. Французские экзистенциалисты видели в нем бунт против объективизации, необходимости, законов, считали его прыжком в «царство свободы». Они признавались, что сначала объявляли себя коммунистами, а лишь затем начинали читать литературу коммунистических теоретиков.

Но если не акцентировать внимания на частных случаях, комму-

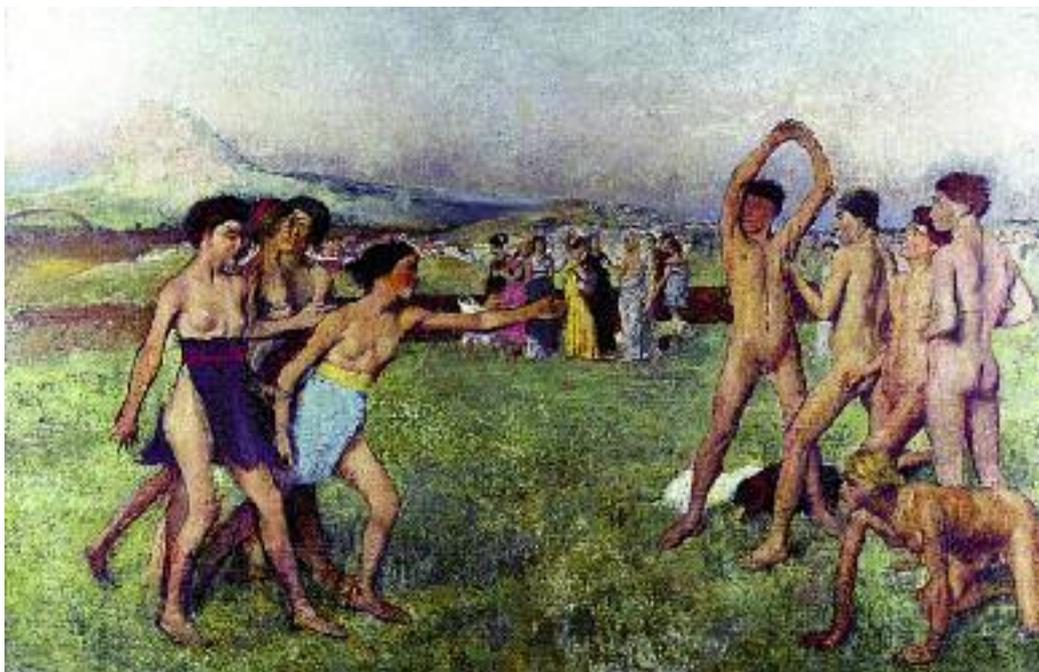
низм – начиная с социальной утопии Платона – возник как замысел организовать общественное устройство на принципах разума. Дихотомия капитализма и коммунизма воспринималась как антитеза хаоса и космоса. Плановая система являлась онтологическим выбором в пользу разума. По этой причине даже русские космисты во главе с Константином Циолковским и Владимиром Вернадским усматривали в коммунистической системе силу способную реализовать выдвинутые ими планетарные проекты. Большой популярностью в 1920-е гг. пользовались фёдоровские общины, представители которых идентифицировали религиозную философию общего дела, обретения человечеством бессмертия и освоения вселенной с коммунистической идеологией.

В разное время в рядах компартий состояли такие видные представители мировой интеллектуальной элиты, как Мартин Андерсен-Нексё, Луи Арагон, Анри Барбюс, Мануэль Бенавидес, Иоганнес Бехер, Жан-Ришар Блок, Поль Вайян-Кутюрье, Ярослав Гашек, Николас Гильен, Ренато Гуттузо, Теодор Драйзер, Альбер Камю, Поль Ланжевен, Пабло Неруда, Пабло Пикассо, Джанни Родари, Жан-Поль Сартр, Юлиус Фучик, Назым Хикмет, Поль Элюар и др.

Показательно отношение к социалистической революции в России великих мыслителей прошлого, являвшихся ее современниками.

Анатоль Франс: «Если в Европе есть друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в интересах народа».

Джавахарлал Неру: «Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой

Эдгар Дега. Юные спартанцы тренируются. Около 1860 года

Уникальность предпринятого спартанцами исторического эксперимента состоит в том, что он охватывал несколько столетий, на протяжении которых существовало общество, организованное на принципах социальной справедливости

цивилизации, к которой может двигаться мир».

Томас Манн: «Я хочу, чтобы никто не сомневался в моем чувстве уважения к историческому событию моего времени – русской революции. В своей стране она покончила с давно ставшими нетерпимыми анахроническими порядками, подняла духовный уровень народа, 90 процентов которого были неграмотными, создала несравнимо более человеческие условия жизни для народных масс. Она является величайшей революцией после политической революции 1789 года и, подобно ей, оставит своей след в жизни человечества».

Бернард Шоу: «Здесь, в России, я действительно убедился, что коммунизм может вывести человечество из его теперешнего кризиса и спасет от анархии и разрушения».

Рабиндранат Тагор: «В наши дни лозунги русской революции стали лозунгами всего мира».

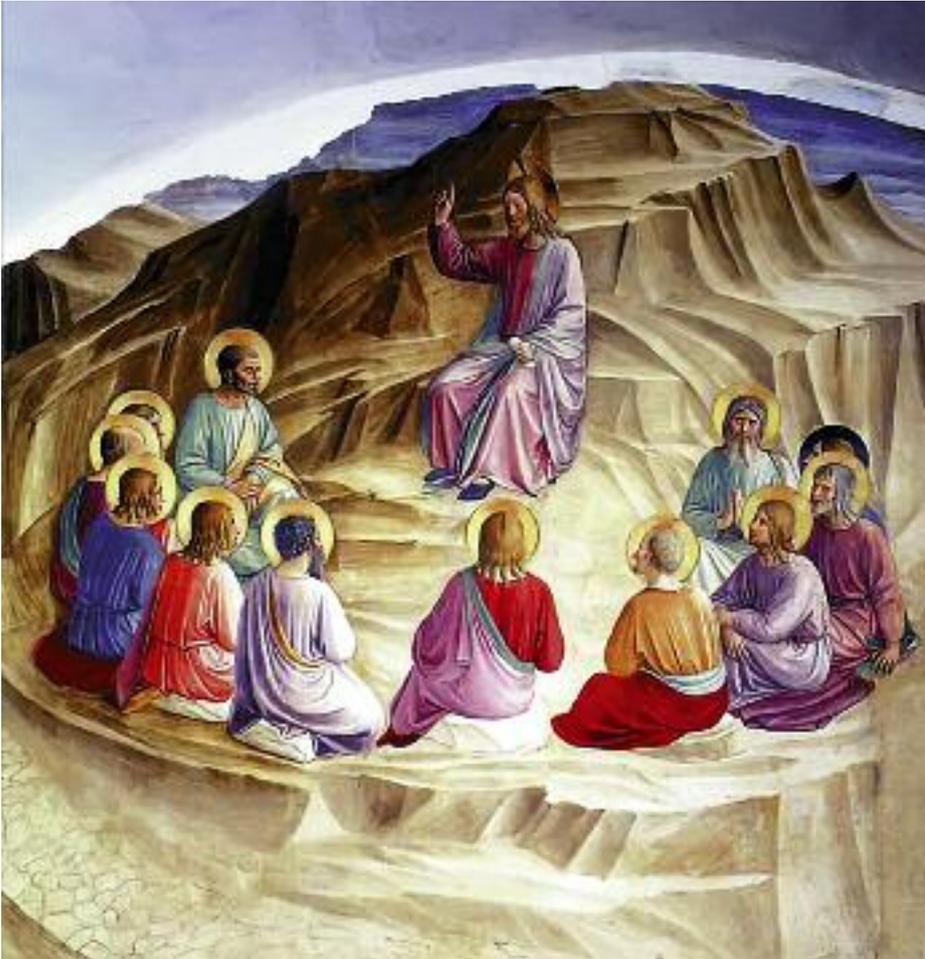
Теодор Драйзер: «Я пришел к выводу, что Россия, по всей веро-

ятности, превратится в одну из самых мощных экономических сил, какие когда-либо существовали в мировой истории».

Герберт Уэллс: «Я считаю Октябрьскую революцию одним из величайших событий истории. Она коренным образом изменила идеологию всего мира».

Вариации теории социализма
Чаще всего при обращении к проблемам теории социализма рассматривают образ Маркса и марксистское теоретическое наследие. В действительности же спектр теоретических вариаций в рамках социалистической идеологии крайне широк. Расхождения можно проследить по всем ключевым вопросам идеологического конструирования. Марксизм исторически являлся лишь одним из направлений в развитии теории социализма.

Путь построения социализма.
Михаил Бакунин полагал, что необходимо всеобщее народное восстание, на которое легко отклик- ➔

Фра Анджелико. Нагорная проповедь. 1440-1441 годы

Нагорная проповедь Христа провозглашала определенные принципы построения нового мира – мира справедливости.

Высшим ценностным мерилom называлась любовь. Любовь снимала противоречие в субъектности трактовки, что есть справедливо

→ нется славянское население, являющееся имманентно бунтарским. Но и в консервативной – по бакунинской оценке – немецкой среде теория революционного восстания масс находила сторонников в лице, к примеру, Вильгельма Вейтлинга. С точки зрения Гракха Бабёфа и Огюста Бланки, социализм достигается посредством заговора узкой группы лиц. Имена обоих мыслителей стали этимологической основой понятия политического заговора, определяемого в политологии либо бабувизмом, либо бланкизмом. Русский вариант бланкистской теории представляли труды Петра Ткачева. В социалистическом

движении имелся также широкий круг адептов построения социализма реформаторским путем, к которым, например, относились английские чартисты. Другие же – в частности, последователи Шарля Фурье и Роберта Оуэна – полагали, что социализм достигается не переворотом и даже не реформами, а агитацией посредством морального примера. Фурьеристские фаланги или оуэновская фабрика (на которой ее хозяин в ущерб своим доходам устроил 30-летний коммунистический эксперимент) рассматривались в качестве наглядной социалистической пропаганды. Роман Николая Чернышевского «Что делать?»,

несмотря на революционную интерпретацию народниками его содержания, также агитировал за добровольное учреждение социализма (филантропический синдром Веры Павловны).

Социализм и политический режим. Широкое распространение получило отождествление социализма с подлинной демократией. Но в реальном опыте социалистического строительства за титулярной ширмой народовласти часто создавались авторитарные режимы. Вместе с тем, к примеру, Жорж Сорель считал демократию порочным принципом, несовместимым с социалистической идеей. В утопии Томмазо Кампанеллы «городом Солнца» управляла когорта ученых, регламентирующих на основе науки поведение населения вплоть до частных бытовых потребностей. С именем Томаса Карлейля связано парадоксальное для марксистского слуха направление «феодалного социализма». Данная версия основывалась на трактовке взаимоотношений феодалов и крестьян как гармоничной, патриархальной семьи. Константин Леонтьев, отчаявшись в вероятности реставрации традиционалистской системы, предлагал соединить социалистическую и монархическую доктрины. В сменовеховском лагере русской эмиграции была выдвинута формула «царь + советы».

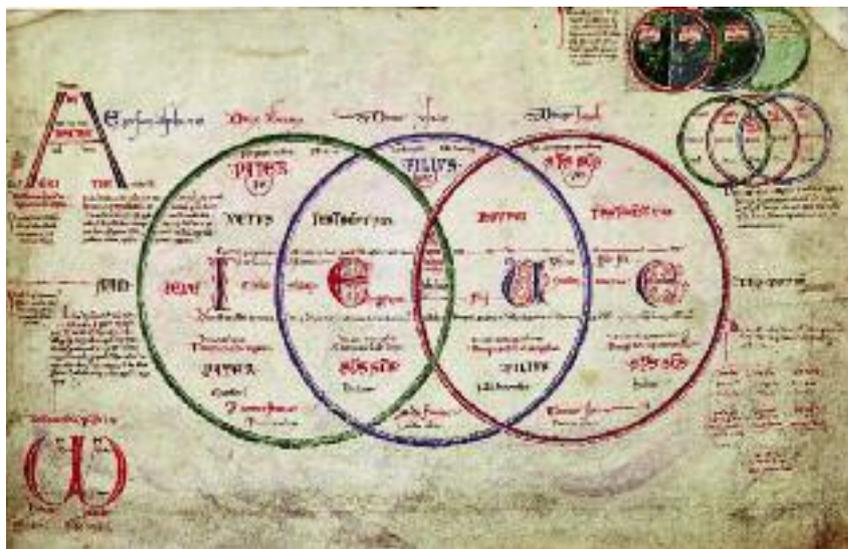
Социализм и государство. В социалистическом движении существовали идеологи – такие, как Луи Блан, – предполагавшие сохранение в обществе будущего института государства. Из сталинского тезиса об усилении классовой борьбы по мере строительства социализма следовала задача укрепления механизмов государственного принуждения, апогей могущества которых достигался бы непосредственно при вхождении в коммунистическую фазу. Имелся также широкий круг мыслителей, включая такие несхожие фигуры, как Шарль Фурье, Пьер-Жозеф Прудон, Михаил Бакунин, которые считали отмирание государства первостепенным условием социалистического строительства. Анархизм в бакунинской версии представлял со-

бой одно из преломлений социалистической идеи. Работа Эмиля Вандервельде «Социализм против государства» стала квинтэссенцией антигосударственных умонастроений.

Социализм и община. Общеизвестна дискуссия между сторонниками марксистской и народнической версий социализма по поводу природы русской общины (феодалный анахронизм или ячейка социализма). Еще Томас Мор был вдохновлен дошедшими до него сведениями о славянской «задруге». Одним из наиболее убежденных коллективистов являлся Гракх Бабёф, что отразилось в названии возглавлявшейся им организации – «община равных». Но среди социалистов имелись и принципиальные противники общинности. Шарль Фурье и Людвиг Фейербах трактовали социализм как реализацию антропоцентрического подхода. Хотя человек при этом понимался ими всё-таки как коллективистское существо, а не индивидуум, каковым он преподносился в либеральной антропологии.

Социализм и частная собственность. Не только в советском идеологическом катехизисе, но еще у Томаса Мора и Жана Мелье отрицание частной собственности являлось основополагающим принципом конструирования общества будущего. Напротив, Анри Сен-Симон не находил антагонистического противоречия между социальными статусами буржуазии и пролетариата, объединяя их в единый класс «индустриалов». Институт частной собственности сохранялся в моделях социалистического устройства Шарля Фурье, Роберта Оуэна и Пьера-Жозефа Прудона. Хотя последний при этом и заявлял, что «любая собственность есть кража», и усматривал в ее генезисе фундаментальную несправедливость. Прудон также разрабатывал проект отмены денег (мютюэлизм). Им был даже предпринят эксперимент по созданию банка, выплачивающего трудящимся специальные бонусы, которые должны были заменить собой денежные знаки.

Социализм и национальный вопрос. Оппонентом Карла

Эпохи Иоахима Флорского. Средневековая миниатюра

Хилиасты, в отличие от гностиков, понимали евангельские слова буквально. В отличие от трансценденталистов, они верили в возможность построения Царства Божьего на земле и боролись за это. Вся последующая борьба за построение общества социальной справедливости берет истоки в хилиазме. Хилиастическим учением являлся и коммунизм

Маркса, отстаивавшего интернационалистское понимание коммунизма, выступил Фердинанд Лассаль, придерживавшийся его национальной версии. В продолжение линии последнего Артур Мёллер ван ден Брук заявлял, что каждый народ строит свой собственный социализм. В рамках истории ВКП(б) интернационалистскую парадигму олицетворял Лев Троцкий, национал-большевистскую – Иосиф Сталин. По мнению Михаила Агурского, дифференциация на уровне народного восприятия коммунистов и большевиков отражала реальное соперничество соответственно интернационалистского и почвеннического крыльев партии.

Социализм и религия. Если Луи Блан, Карл Маркс и Пьер-Жозеф Прудон являлись воинствующими атеистами, то многие другие представители социалистической мысли апеллировали для обоснования социализма к религиозной традиции. Даже Фридрих Энгельс, имевший по

сравнению с Карлом Марксом более толерантное отношение к религии, обнаруживал много общего в коммунистической и христианской системах ценностей. Еще более определенно высказывались на этот счет представители социалистического движения Карл Каутский и глава обновленческой церкви Александр Введенский, оценивавшие Христа как революционера-коммуниста. Абсолютно соотносится с социалистической риторикой высказывание Иоанна Златоуста: «Всякая сбереженная вещь отнята у нуждающегося, ибо не может быть один богат без того, чтобы другой был непременно беден». Но оно вполне могло бы принадлежать и Карлу Марксу.

Утопии позднего Средневековья Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Томаса Мюнцера, Джона Уиклифа восходили к истолкованию в социалистическом духе текста Евангелия. В Новое время Пьер Леру, которому общественная мысль обязана самим →

Томас Манн (на фото): «Я хочу, чтобы никто не сомневался в моем чувстве уважения к историческому событию моего времени – русской революции. <...> Она является величайшей революцией после политической революции 1789 года и, подобно ей, оставит своей след в жизни человечества»

→ термином «социализм», стал основателем распространенного в Западной Европе движения христианского социализма. В новейшей истории коммунистическая идея подверглась модификации в рамках сложившегося внутри Католической церкви направления – «теологии освобождения», – получившего особую популярность в Латинской Америке. Обычным явлением партизанской войны в Сальвадоре, Гватемале, Никарагуа было нахождение во главе «красных» отрядов католических священников.

Социалистический атеизм не являлся безверием, а представлял собой квазирелигиозную утопию.

Марксистская циклическая триада («пещерный коммунизм» – эксплуататорское общество – посткапиталистический коммунизм) представляла собой трансформацию схемы историософии грехопадения от «золотого века» к новому обретению царства Святого Духа, должного стать завершением истории. Без эсхатологической перспективы коммунистическое движение лишено смысла. Теория революции является сублимацией мечты о рае. Неслучайно Кампанелла назвал свою утопию «Городом Солнца», что должно было вызывать ассоциации с солнечной мистериальной метафизикой «золотого века».

«Город Солнца» Томмазо Кампанеллы

Даже Маркс, бывший принципиальным противником христианской атрибутики, создал свой имидж в соответствии с образом Зевса, что отвечало провозглашенному еще в эпоху Великой французской революции намерению заменить мистическую религию потусторонней сферы рационалистическим культом материального мира.

Но при всех различиях среди социалистов было и объединявшее их начало, позволявшее говорить о социалистической идеологии. Это приоритет общего над частным, коллективного над индивидуальным.

Антропология социализма

Каждая общественная теория базируется на определенном образе человека, на определенной антропологии. Если взять за основу антропологию, выраженную словами Плавта, что «человек человеку – волк», то из нее будет следовать, что общество социальной справедливости априори невозможно.

Идеология социализма основывалась на представлении о человеке как общественном существе. В рамках коммунистической идеи данная антропологическая модель получает еще более акцентированное развитие. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал о человеке как «ансамбле общественных отношений». Индивидуум для

Широкое распространение получило отождествление социализма с подлинной демократией. Но в реальном опыте социалистического строительства за титулярной ширмой народовластия часто создавались авторитарные режимы

марксизма – это абстракция, поскольку вне связи и взаимоотношений с другими людьми никакого индивидуума не существует.

Еще Фейербах, обращение к творчеству которого сыграло важнейшую роль в становлении марксистской антропологии, дифференцировал «человеческую природу» и «человеческую сущность». Предложенные понятия были не вполне удачными для раскрытия вложенного в них немецким мыслителем содержания. Но важен смысл – недостаточность индивидуального подхода. Под «человеческой природой» Фейербах понимал совокупность естественных, данных от природы сил и способностей каждого отдельного индивидуума. Но сущность человека состоит не в этом. Она раскрывается только в общении с другими людьми, в их общественном единстве. «Сущность человека, – пояснял Маркс, – не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Идеал гражданского общества для Маркса недостаточен. Он видит в нем не более чем «созерцание отдельных индивидов». В качестве идеала «нового материализма» им выдвигается «человеческое общество, или обобществившееся человечество».

Указанное целеполагание было сформулировано Марксом еще в 1845 г. Все последующие марксовы разработки в сфере экономики, социологии, политики, революционной теории были производными от его антропологии. Сам коммунизм имел значение как средство достижения наиболее полного развития личности.

Итак, человек в марксистской антропологии есть проекция общественных отношений. Но достаточно ли этой констатации для раскрытия человеческой природы? Модели общественных отношений исторически вариативны. Но если исходить из тезиса – каково общество, таков и человек, – не будет ясна движущая сила происходящих трансформаций. Не будет понятно – почему человек, сформировавшийся в соответствии с определенной общественной парадигмой, низвергает ее и

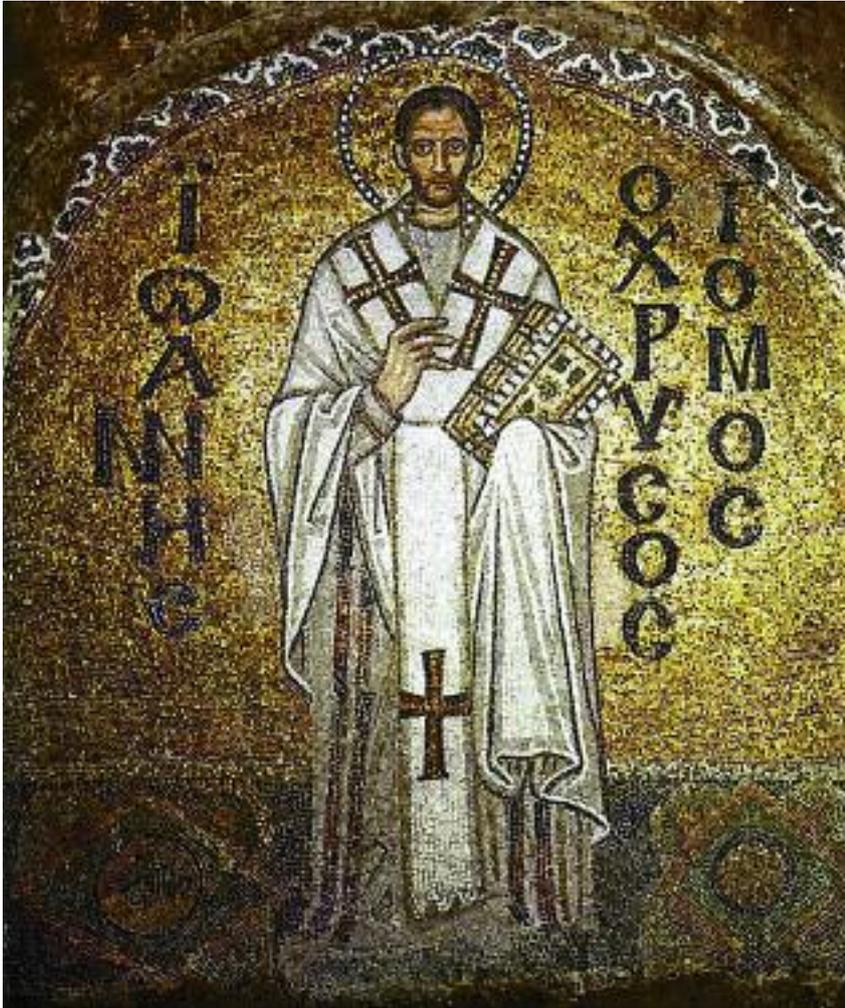

«Утопия» Томаса Мора

Общеизвестна дискуссия между сторонниками марксистской и народнической версии социализма по поводу природы русской общины (феодалный анахронизм или ячейка социализма). Еще Томас Мор был вдохновлен дошедшими до него сведениями о славянской «задруге»

утверждает новую модель. Разрешая данное противоречие, Маркс развивал концепт отчуждения. Человек, согласно ему, отчуждается в условиях эксплуататорского общества от своей собственной сущности. Следовательно, его наличествующее бытие неподлинное. А как же тогда быть со взглядом на человека как на про-

екцию общественных отношений? Получается, что подлинную человеческую сущность общество вовсе не определяет. Оно формирует только иллюзорные, отчужденные от действительной природы человека квазиантропологические образы. Ограничиться в раскрытии человеческой сущности одной лишь социальностью →

Абсолютно соотносится с социалистической риторикой высказывание **Иоанна Златоуста** (на мозаике): «Всякая сбереженная вещь отнята у нуждающегося, ибо не может быть один богат без того, чтобы другой был непременно беден».

Но оно вполне могло бы принадлежать и Карлу Марксу

➔ оказалось недостаточно. Марксистская антропология логически подходила к констатации наличия особой духовной субстанции в природе человека. Однако следующий шаг в этом направлении сделан не был. Здесь материализм упирался в проблему существования Бога.

Для построения государства социальной справедливости и «разумного эгоизма» связанных друг с другом индивидуумов оказывалось мало. Нужен был духовноцентричный фундамент организуемого на справедливых началах общества. Требовался исторический синтез социализма

Маркса с социализмом Евангелия. Но вместо синтеза начинается взаимная конфронтация, имевшая самые негативные последствия для реализации социалистического эксперимента. Отсюда постановка вопроса о синтезе христианского и марксистско-советского как условие перехода к государству социальной справедливости адресуетея в будущее.

Карл Маркс в истории развития социалистической идеологии

Грядущее справедливое устройство определяется в религиозной традиции как Царство

Божье, а в марксизме – как коммунизм. Заслуга Маркса в развитии социалистической мысли заключалась в использовании для обоснования перспективы социализма новейших для того времени достижений науки. Будущее общество социальной справедливости теперь виделось не только как мечта, но и как научный форсайт. «Учение Маркса все-таки верно», – заявил впоследствии Владимир Ленин в статье «Три источника и три составных части марксизма». Диалектика до Маркса связывалась фактически исключительно с идеалистическим направлением философии, найдя свое наиболее систематизированное воплощение в теории Гегеля. Амбициозная задача Маркса состояла в синтезе гегелевской диалектики с получившим новый импульс материалистическим дискурсом. Маркс экстраполировал полученные естественными науками результаты на социальную сферу, и следствием такой экстраполяции явилась левогегельянская формационная модель общественного прогресса. Высшей стадией развития в марксовом учении называлось коммунистическое общество. Достижение социальной справедливости виделось Марксу в устранении частной собственности как фундаментального основания всякой несправедливости. Когда собственность становится коллективной, полагал он, противоречия, связанные с несправедливым распределением, исчезают. Последующая историческая практика показала, что и при ликвидации частной собственности на средства производства несправедливость всё равно сохраняется. Проблема была намного глубже, нежели вопрос о частной собственности: в материальном плане она сводилась к ограниченности ресурсов, в духовном плане – к недостаточному уровню нравственности.

Практическая рецептура Маркса по переходу к обществу социальной справедливости включала десять провозглашенных в «Манифесте Коммунистической партии» программных пунктов.

1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов.

2. Высокий прогрессивный налог.

3. Отмена права наследования.

4. Конфискация имущества всех эмигрантов и мятежников.

5. Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией.

6. Централизация всего транспорта в руках государства.

7. Увеличение числа государственных фабрик, орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану.

8. Одинаковая обязательность труда для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия.

9. Соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению различия между городом и деревней.

10. Общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.

В полном объеме рецептурные предложения Маркса нигде и никогда не реализовывались. Высокий прогрессивный налог существует сегодня в условно капиталистических странах Запада. На современном Западе произошло фактически и стирание принципиальных различий между городом и деревней. Даже в СССР никогда не реализовывался третий пункт марксовской рецептуры – отмена права наследования. Провидческим в свете современных форм финансового присвоения, сфокусированных на ФРС и несuverенности центральных банков, являлось предложение Маркса о централизации кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной

монополией. А ведь все эти предложения были сформулированы еще в 1848 г.

Марксизм после Маркса
Марксизм оказал определяющее влияние на последующее развитие

Людвиг Фейербах

Идеология социализма основывалась на представлении о человеке как общественном существе. В рамках коммунистической идеи данная антропологическая модель получает еще более акцентированное развитие. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал о человеке как «ансамбле общественных отношений». Индивидуум для марксизма – это абстракция, поскольку вне связи и взаимоотношений с другими людьми никакого индивидуума не существует

социалистической идеологии. Возникшие в XIX в. массовые социалистические партии представляли долгое время парадигмальную альтернативу существовавшей системе мироустройства. «Папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие поли-

цейские», – перечислял Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» силы, объединившиеся в травле коммунизма/социализма.

Принципиальное значение для роста популярности идей социализма и коммунизма в мире имели две мировые войны. Мировые войны показали тупиковость модели паразитарного мироустройства, продуцирующего человеческие бойни. Выход из тупика виделся в обращении к солидаризированным инклюзивным версиям развития.

Большинство существующих в современном мире социал-демократических и коммунистических партий по-прежнему так или иначе опирается на марксистское теоретическое наследие. Для социал-демократии – это марксизм, соединенный с бернштейнианством, для коммунистов – марксизм, соединенный с ленинизмом и национально-освободительным движением.

В англосаксонских странах социал-демократия была представлена в виде лейборизма. Лейбористская партия – буквально партия труда – сфокусирована на том же обозначенном Марксом конфликте труда и присвоения. Однако в большей степени лейборизм был связан с идеями фабианского социализма. Понятие «фабианство» производно от имени римского военачальника Фабия Максима Кунктатора (Медлительного). «Медлительность» фабианского пути связывалась с представлением об эволюционном преобразовании капитализма в социалистическое общество посредством институциональных реформ.

По большому счету основные различия в спектре социалистических партий сводились к вопросу не о конечной цели – социализме, – а о средствах его достижения – революции и реформах. Но эти расхождения привели в итоге к принципиальному размежеванию. Провозглашенный Эдуардом Бернштейном, одним из лидеров II Интернационала, лозунг «дви- ➔

Евгений Сапиро. Карл Маркс и Фридрих Энгельс в типографии «Новой Рейнской газеты» в Кельне. 1922 год

Марксовы разработки в сфере экономики, социологии, политики, революционной теории были производными от его антропологии. Сам коммунизм имел значение как средство достижения наиболее полного развития личности. Человек в марксистской антропологии есть проекция общественных отношений

→ жение – всё, цель – ничто» подводил черту под этим размежеванием. Ответом коммунистов стало отвержение социал-демократов как «социал-предателей».

Формулу Бернштейна, взятую на вооружение социал-демократией, можно признать идеологическим абсурдом. Противопоставлением ей выглядит афоризм Сенеки: «Для корабля, не знающего своего курса, не бывает попутного ветра». Действительно, при отсутствии цели можно двигаться в самых различных направлениях, причем не только к социализму, но и к какой-то иной модели жизнеустройства. Отрицание значения цели фактически лишало социал-демократию социалистической идеологии.

Так или иначе, но дискурс социалистической идеологии в мире вот уже более полутора столетий отталкивается от теоретического наследия Маркса. Исключение составляет российская социал-демократия. В таком качестве позиционируется, в частности, парламентская партия «Справедливая Россия». Она входит в Социалистический интернационал, од-

нако никакой апелляции к марксизму в ее риторике, как и в риторике ее лидера Сергея Миронова, не обнаруживается.

Социализм и цивилизационная специфика
Принципиальным вызовом практике построения реального социализма стало соединение марксистской теории с цивилизационной спецификой стран, реализующих проект построения государства социальной справедливости. И первой с таким вызовом столкнулась Россия. Марксизм был для нее первоначально западным учением. Сам Маркс, как известно, имел русофобские взгляды. И под сенью российского марксизма, действительно, сосредоточивалось много космополитов и русофобов. Идея построения государства социальной справедливости диссонировала с русофобией его адептов. Фобии в отношении большинства населения подрывали суть самой идеи социализма. И уже после 1917 г. внутри правящей коммунистической элиты боролись две группы – русофобская-космополитическая и

русофильская-цивилизационная. Соотношение сил между ними в различные исторические периоды было неодинаковым. Так, в период Великой Отечественной войны доминировала русофильская группа. В период перестройки ведущие позиции вновь перешли к космополитической группе, которая в конечном итоге отбросила и сам проект социальной справедливости.

Проблему адаптации идей социализма к цивилизационной почве вынуждены были решать и другие приходившие к власти в разных странах социалистические и коммунистические партии. Маоизм, чучхе, арабская джамахирия, гандизм, боливариизм – всё это были различные версии реализации идеи государства социальной справедливости в преломлении к специфике соответствующего национального уклада.

В различных цивилизационных средах возникают разные варианты социализма. Характерно в этом отношении наименование работы ван ден Брука «Каждый народ имеет свой собственный социализм». О том же говорил Жорж Сорель: «Есть столько социализмов, сколько существует великих наций». Для Европы выстроена модель социал-демократии, адаптированная к европейской культурной почве. И то, между немецкой, французской и английской версиями социализма имеются принципиальные расхождения. Если же мы посмотрим за пределы Европы, то социал-демократическая идея в ее классическом виде, по сути, нигде не реализуется. Социализм был вынужден аккумулировать те традиционные институты, с которыми он объективно сталкивался в различных цивилизациях.

Социализм жив

С проектом построения государства социальной справедливости после распада СССР, казалось бы, было покончено. Социалистические партии, особенно их социал-демократические крылья, фактически дрейфовали в сторону либерализма. Победа над социализмом побудила к заявлениям о «конце истории».

В действительности же советский эксперимент показывал не то, что модель социальной справедливости нереализуема в принципе, а то, что ее невозможно реализовать, одновременно встраивая в мир несправедливости. Это встраивание, обосновываемое через концепт конвергенции, имело для СССР катастрофические последствия. Было снято само противопоставление друг другу несправедливого и справедливого жизнеустройств. Лишившись главного фактора своей привлекательности – заявки на построение справедливого общества, – Советский Союз проиграл. Теперь уже факторами привлекательности в выборе между двумя несправедливыми системами явились козыри Запада – свобода и высокий уровень потребления.

После крушения СССР связанный с установлением господства мирового олигархата рост социальных диспаритетов, особо остро ощущаемых в межстрановом и межкультурном сопоставлениях, обусловил новый запрос на идеологию социализма.

Вначале проснулась Латинская Америка. Социалистическое движение находит своего нового героя – Уго Чавеса. Сам президент Венесуэлы неоднократно позиционировал себя как последователя Троцкого. С троцкистских позиций им критиковался опыт СССР, где, по его мнению, при Сталине произошло отступление от подлинно социалистических идей, заложенных Лениным и Троцким. Под социалистическую идеологию Чавесом подверстывалось – в продолжение традиций популярной в Латинской Америке «теологии освобождения» – и христианское учение. «Иисус Христос, – заявлял президент, – несомненно, был исторической фигурой – он был повстанцем, одним из наших, антиимпериалистом. Он восстал против Римской империи. Ибо кто мог бы сказать, что Иисус был капиталистом? Нет.

Иуда был капиталистом, взяв свои серебряники! Христос был революционером. Он восстал против религиозных иерархий. Он восстал против экономической власти того времени. Он предпочел смерть для защиты своих гуманистических идеалов, и он жаждал перемен.

В настоящее время больше всего государств современного мира – если судить по самоидентификации правящих партий – делает выбор в пользу социалистической идеологии.

Россия в этом отношении выпадает из мирового тренда. Похороны социализма оказались преждевременными

Он был нашим Иисусом Христом». Переосмысленный в латиноамериканском ключе социализм был определен как «социализм XXI века». Приверженность ему была публично провозглашена на уровне руководства пяти латиноамериканских государств – Боливии, Никарагуа, Венесуэлы, Эквадора, Кубы.

Другим проявлением запроса на идеологию обновленного социализма стала начавшаяся в США и распространившаяся на ряд стран Запада акция «Захвати Уолл-стрит». Демонстранты выходи-

ли на улицы с коммунистическими лозунгами и портретами Маркса. Они выступали против власти мировой финансовой элиты. Акция стала сенсацией, поскольку, во-первых, показала живучесть социалистической идеи, во-вторых, продемонстрировала координи-

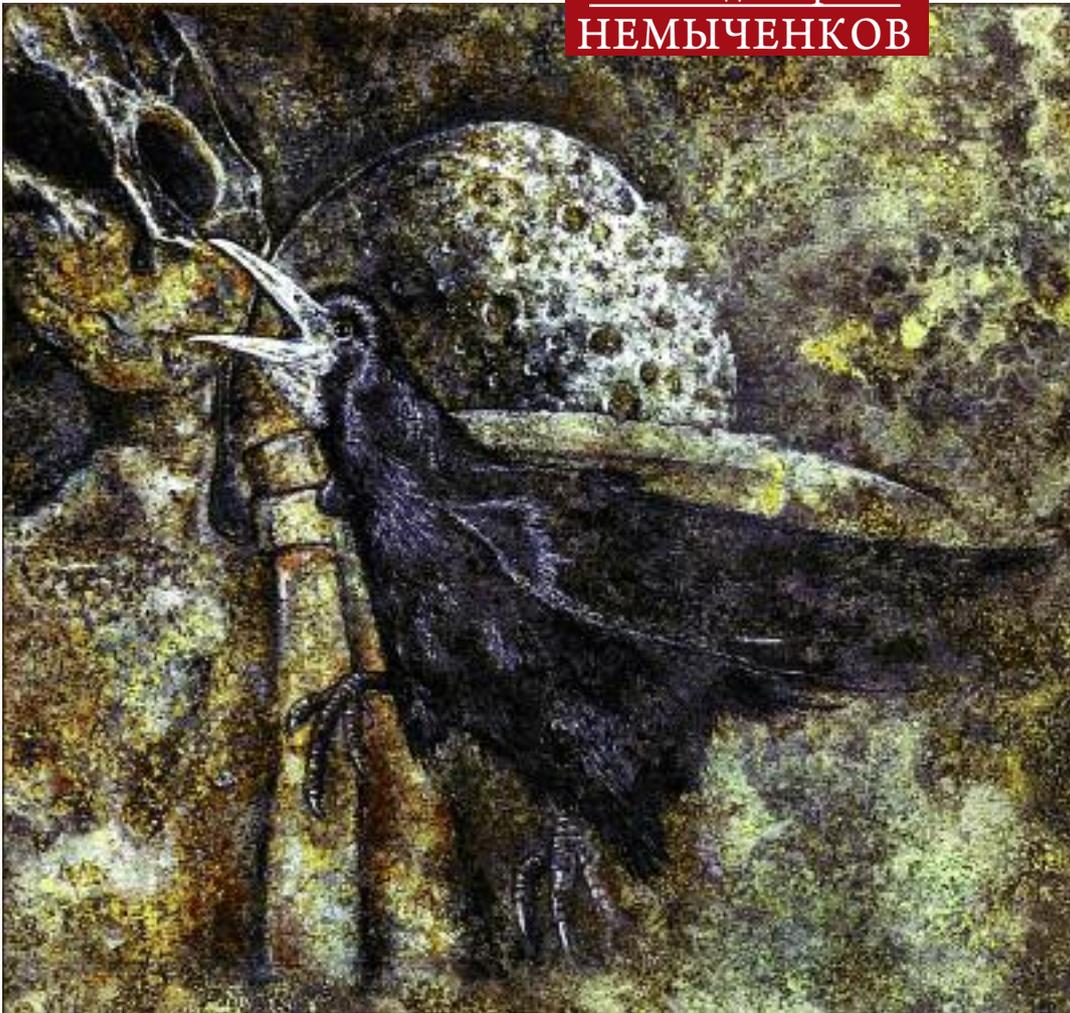
рованный характер действий сторонников этой идеи в разных странах мира, в-третьих, доказала наличие на Западе скрываемого за лакированной версией описания действительности большинства, недовольного существующей системой жизнеустройства.

Наконец, еще одним проявлением запроса на обновленный социализм явился «греческий скандал» в Евросоюзе. На дважды проводимых парламентских выборах в Греции в 2015 году победу одержала партия СИРИЗА – Коалиция ра-

дикальных левых. Политически СИРИЗА стоит даже левее компартии. Ее идеология – это коммунизм в троцкистской и маоистской версиях. Блок троцкистов и маоистов пришел к власти впервые в истории европейского парламентаризма. Другое дело, что, интегрируясь в сложившуюся систему, даже троцкисты и маоисты утрачивали свой революционный запал и в итоге оказались неспособными принципиально поменять сложившийся порядок.

В настоящее время больше всего государств современного мира – если судить по самоидентификации правящих партий – делает выбор в пользу социалистической идеологии. Россия в этом отношении выпадает из мирового тренда. Это тем более удивительно, если принять во внимание традиции российских солидаризационных ценностей.

Похороны социализма оказались преждевременными. Соответственно, сохранила свое значение и идущая из глубин тысячелетий мечта человечества о построении государства социальной справедливости. **■**

**Патрик Джозеф
Бьюкенен:**

«Вероятно, как бывает
с любой цивилизацией,
время Запада
действительно
на исходе. <...>

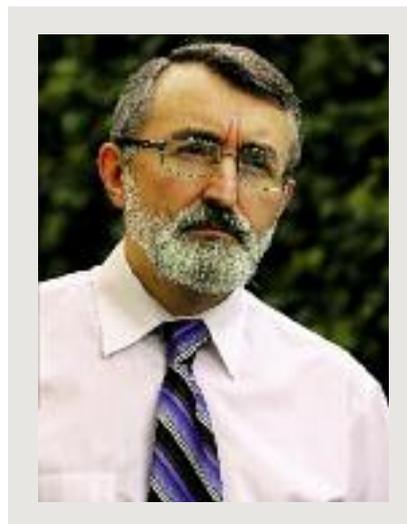
Пациент умирает. <...>

Спасти его может
только возрождение
веры и “всеобщее
пробуждение”»

КУЛЬТУРА И БОЛЬШИЕ СМЫСЛЫ

Всякая национальная культура хранит в себе так называемые большие смыслы, то есть те смысло-жизненные ценности, которые обуславливают формы жизни общественного организма, что в свое время показал Макс Вебер («Протестантская этика и дух капитализма»). Коротко говоря, большие смыслы определяют, ради чего стоит жить и за что стоит умирать.

Перед каждым человеком и народом в целом стоит метафизическая задача осмысления себя и своего места в мире, постижения цели своего бытия в нем, то есть задача познания истины и приобщения к ней. У всех исторических народов эту задачу выполняла религия. Сохраняемые в тради-

Владимир Иванович Немыченков –
ответственный секретарь Научного
совета по религиозно-социальным
исследованиям Отделения
общественных наук Российской
академии наук, член Союза
писателей России

ционной религии истина и способ приобщения к ней в нерелигиозной сфере образуют культурные смыслы и ценности. Поэтому культуру можно также определить как совокупность средств и способов познания, выражения и передачи истины следующим поколениям, а также совокупность способов освоения окружающего мира в соответствии с целями, указанными познанной истиной.

Осознание связи культуры и религии привело к появлению понятия «культурообразующая религия». Таковыми, в частности, являются мировые религии – христианство, ислам, буддизм.

Культура и религия
Значение религии и основывающихся на ней традиционных ценностей для культуры и выживания

→ любой нации очевидно для многих как отечественных, так и западных мыслителей. Мнение последних особенно показательно, поскольку они видят изнутри проблемы того общества, которое российские «западники» преподносят на нашем «внутреннем рынке идей» как абсолютный пример для подражания и копирования, как образ единственно верного пути развития «вечно отстающей» от «передового Запада» России.

Известный протестантский теолог Вольфхарт Панненберг утверждал, что религия выполняет фундаментальную функцию в жизни общества. Поскольку только религия имеет санкцию абсолютной ценности, превосходящей все земные ценности, она является основанием для системы культуры. В свою очередь, культура является для общества метауровнем, содержащим в себе объединяющие его нормы и ценности. Таким образом, религия образует единство культуры и служит основанием общества, поскольку превосходит социальный уровень. Если государство отказывается признавать определенную религию культуuroобразующей, оно испытывает секулярный кризис – отсутствие идеологической основы для жизнедеятельности общества.

Панненберг считал, что в таком мультикультурном государстве, как США, единство нации обеспечивает гражданская религия, основывающаяся на вере в особую миссию Америки по донесению принципов демократии всему человечеству (как Ветхий Израиль был избран Творцом хранить верность истинному Богу до пришествия Мессии). Однако такая модель, по его мнению, неприменима к обществам с историей, отличной от США.

Но и в США не все согласны с идеей гражданской религии и видят серьезную угрозу в дехристианизации страны. Патрик Джозеф Бьюкенен в своей нашумевшей

книге «Смерть Запада» констатирует: «Целью секуляристов является уничтожение связи между культурой и религией. Если они этого добьются, культура умрет». Автор приводит слова доктора Рассела Кирка: «Всякая культура возникает из религии. Когда вера ослабевает, культура приходит в упадок, хотя зачастую складывается видимость процветания культуры на фоне увядания питавшей ее веры. Однако ни религия не может

Иван Ильин: «Грозная беда постигла человечество: оно растеряло свои святости и распатало духовные основы своего бытия. Его жизнь стала бесцельна; его творчество – бессмысленно; его благие силы стали скудны и немощны; его влечения – низменны и необузданны. И чем дальше идет время, тем более становится оно слабым в добре и сильным во зле»

существовать без здоровой культуры, ни культура оставаться равнодушной к увяданию или “выветриванию” трансцендентного». «Таким образом, – заключает Бьюкенен, – культурная война есть одновременно война религиозная».

На будущее западной цивилизации Бьюкенен смотрит с нескрываемым пессимизмом. Одной из главных причин настоящего упадка и приближающейся смерти Запада он считает отказ от традиционных ценностей и дехристианизацию. В США произошли кардинальные изменения: «Мы совсем недавно пережили культурную революцию, в результате которой господствующие высоты заняла новая элита.

Через овладение средствами внушения идей, образов, мнений и ценностей – телевидение, искусство, индустрию развлечений, образование – эта элита исподволь создает новую нацию. Уже не только этнически и расово, но и культурно и этически мы более не “люди одной нации под Богом”». Миллионы людей «отворачиваются от масс-культуры с ее культом животного секса и гедонистических ценностей. <...> Они видят, как артефакты славного прошлого исчезают из музеев и заменяются чем-то уродливым, абстрактным, антиамериканским. <...> На протяжении жизни одного поколения многим американцам довелось уви-

деть, как развенчивают их Бога, ниспровергают их героев, оскверняют культуру, извращают моральные ценности, фактически вытесняют из страны, а самих называют экстремистами и лжецами за приверженность идеалам предков».

По словам Бьюкенена, американцы перестали быть христианской нацией, хотя «большинство граждан США по-прежнему причисляют себя к христианам. Но нынешнюю доминирующую культуру правильнее называть постхристианской или даже антихристианской, поскольку ценности, ею прославляемые, суть антитезис древнего христианского учения. <...> Секс, слава, деньги, власть – вот новые боги новой Америки».

Бьюкенен считает, что Запад не объединяет ни расовая солидарность, ни историческая память, которая скорее разъединяет народы.

Крещение князя Владимира. Миниатюра конца XV века

Даже такая «великая объединительная сила», как демократия, на самом деле мало что значит для сохранения западной цивилизации: «Всеобщая вера в демократию слишком слаба, чтобы обеспечить Западу поддержку в других регионах земного шара».

Выводы автора неутешительны: «Вероятно, как бывает с любой цивилизацией, время Запада действительно на исходе. <...> Пациент умирает. <...> Спасти его может только возрождение веры и “всеобщее пробуждение”».

Отметим, что о недостаточности демократии (без религии) для выживания нации и страны говорит человек, искренне считающий демократическую Америку самым прекрасным и лучшим государством в мире, «последней утопией на этой планете». Без культуuroобразующей религии культура погибает, а за ней или вместе с ней погибает и народ – носитель этой культуры.

Аналогичная с США ситуация наблюдается и в Западной Европе. Об этом говорит известная датская журналистка консервативных взглядов Ибен Транхольм. Она свидетельствует, что современное европейское общество лишено Бога и нравственных ориентиров: «Раньше христианство играло эту роль, гарантируя наше

Иван Ильин считал, что православие положило в основу русского человека сердечное созерцание, и в области нравственности это дало русскому народу «глубокое чувство совести», мечту о святости, острое чувство греха, добра и зла, «волю к миру, братству, справедливости <...> и солидарности»

единство на протяжении веков. А теперь мы больше не можем отличить добро от зла». «Мы полностью утратили нашу культуру, наши ценности, моральные ориентиры. Что раньше было добром, теперь стало злом – и наоборот». Европейские политики ненавидят христианство, но используют «христианские ценности (особенно любовь и сострадание) в своих политических целях, например, для продвижения массовой иммиграции». «Многие европейцы так презирают свои собственные традиции, что скорее рады были бы полному искоренению христианства, даже если им за это придется пожертвовать своим образом жизни и личной свободой», – говорит Транхольм, имея в виду растущую угрозу доминирования в Европе иммигрантов-мусульман.

По словам Василия Зеньковского, вырождение христианства в Европе началось с «борьбы с системой Средневековья»: «Содержание европейской культуры в дальнейшем становилось всё более антицерковным, а потому и антихристианским». По мнению философа, после Первой мировой войны духовный, а с ним культурный кризис Европы стал явным для всех. «Конечно, процесс внутреннего распада культуры еще долго может идти на пользу творчеству в обособившихся сферах жизни, – пророчески писал Зеньковский, – но как бы ни была велика сила исторической инерции, какие бы новые завоевания техники и творчества ни ждали человечество на этих проторенных путях, нельзя скрыть факт глубочайшего надлома европейской культуры в самых ее основах». →

→ Иван Ильин также писал об утрате современными народами Запада чувства сакрального и о постигшей их нравственной и культурной деградации: «Грозная беда постигла человечество: оно растеряло свои святыни и распатало духовные основы своего бытия. Его жизнь стала бесцельна; его творчество – бессмысленно; его благие силы стали скудны и немощны; его влечения – низменны и необузданны. И чем дальше идет время, тем более становится оно слабым в добре и сильным во зле». Философ считал, что только в соотношении с сакральным происходит подлинное становление человеческой личности: «Без священного человеку нет жизни на земле, а есть только прозябание, кружение в порочных страстях, унижение и гибель». Познание

сакрального не освобождает человека мгновенно от его недостатков и пороков, но дает точку опоры, с которой он соотносит себя – свои

Такие ценности, как взаимопомощь, коллективизм, гуманизм (понимаемый как человеколюбие, то есть человечность, любовь к людям и забота об их благе), можно выразить одним термином «соборность», в свое время введенным философом Алексеем Хомяковым (на иллюстрации) и получившим развитие в учении славянофилов

Идейной основой «западного глобального проекта финансового капитализма» стал либерализм, объявивший единственной ценностью деньги и стремящийся уничтожить все иные человеческие ценности. Именно этому проекту человечество обязано созданием протестантской этики, которая де-факто отменила библейские ценности

мысли и поступки: «В человеке возникает его священный центр, к которому отныне всё должно стекаться и от которого всё должно исходить. <...> Пребывать в этом центре и жить его откровениями составляет смысл жизни <...> служить ему есть вечное призвание человека и источник блаженства».

Заметим, что в свете последних тенденций на Западе – таких, как интенсивная дехристианизация, культурная и правовая легализация всех форм гедонизма и порока (сексомания, наркомания, гомосексуализм, педофилия, инцест

Никколо ди Пьетро Джерини. Сцена из жизни Св. Матфея. 1380-е годы

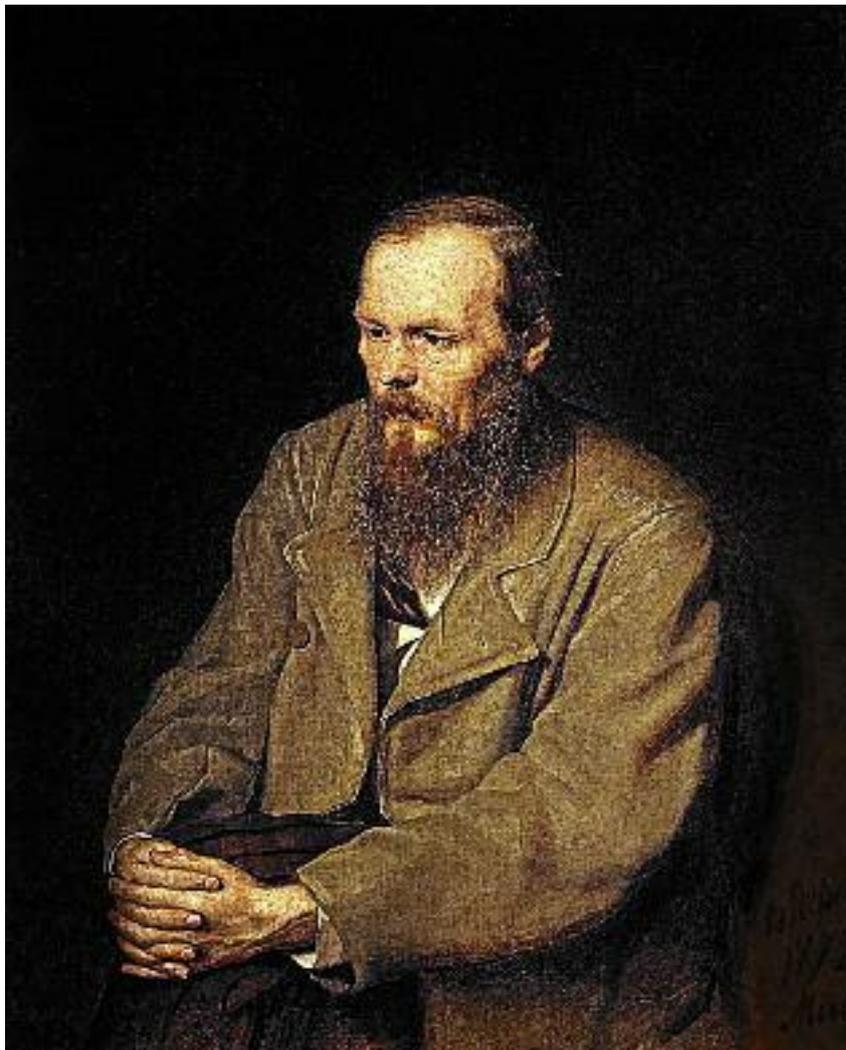
и т. п.), нарастающая массовая депрессия и расширение области применения эвтаназии, – слова Ильина о судьбе Запада читаются как пророческие.

Русская культура и православие

В России доминирующей является русская культура, которая в процессе своего развития аккумулировала в себе богатства культур многих народов и сопредельных цивилизаций, однако определяющим фактором ее становления и формирования было и остается восточное христианство (православие).

В своей статье «Что дало России православное христианство» Ильин писал: «Дух православия всегда определял и ныне определяет столь многое и глубокое в строении русско-национального творческого акта». Философ перечислил дары, которые православие дало России и русскому народу. Вот главные из них.

Православие положило в основу русского человека сердечное созерцание, столь отличающее восточное христианство от католицизма и протестантизма, для которых характерен приоритет рассудочности. В области нравственности это дало русскому народу «глубокое чувство совести», мечту о святости, острое чувство греха, добра и зла, «волю к миру, братству, справедливости <...> и солидарности». Из этого, в свою очередь, проистекает характерное для русских милосердие, сочувствие к слабому и угнетенному, дух «сверхнационального братства». Православие породило «дух религиозной и национальной терпимости», чувство ответственности каждого – от рядового гражданина до монарха – перед Богом. В допетровской Руси русское православие нашло «правильное соотношение между церковью и светскою властью». Православная вера воспитала в нашем народе «дух жертвенности, служения, терпения и верности», без которых Россия не смогла бы выжить в тяжелейших условиях постоянных оборонительных войн. Православная монастырская культура дала России ее летописи и тем самым «поло-

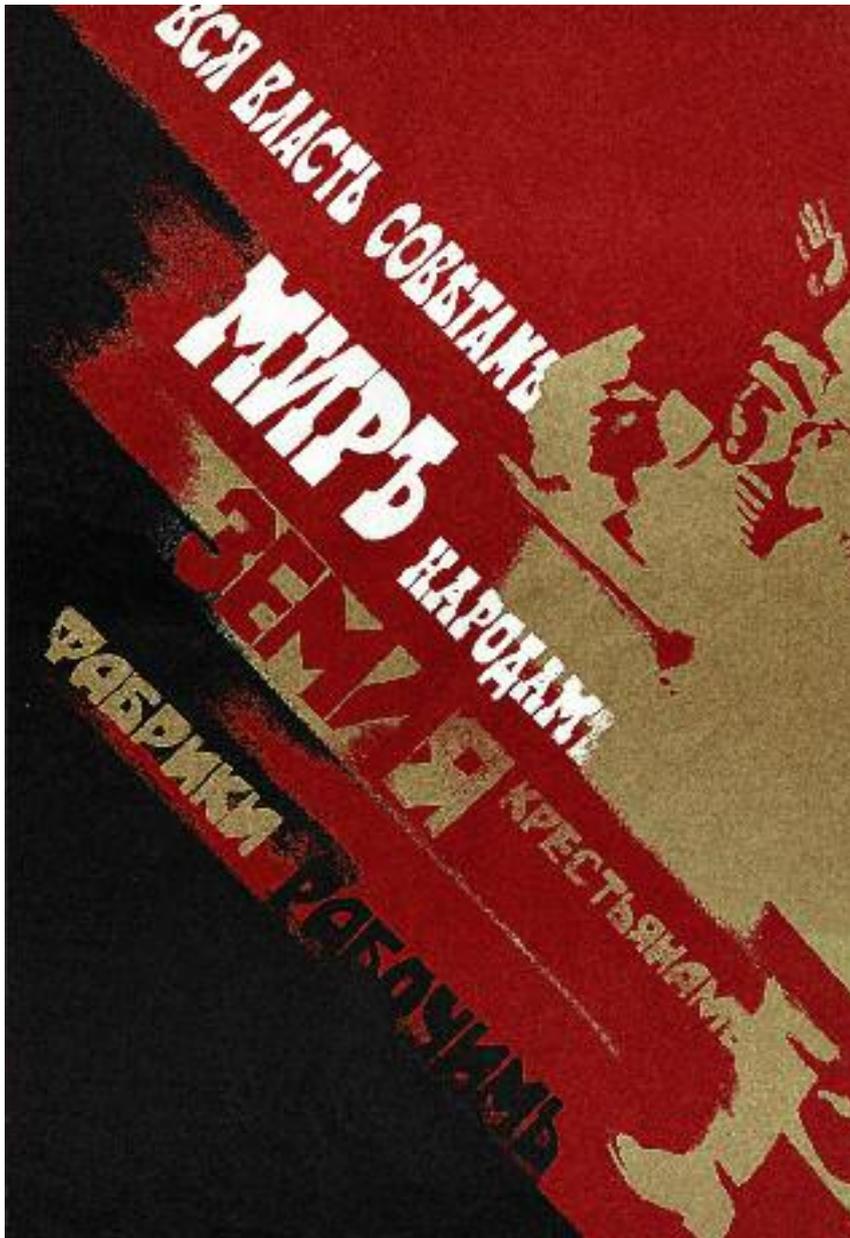
Василий Перов. Портрет Ф.М. Достоевского. 1857 год

Фёдор Достоевский: «Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть»

жила начало русской историографии и русскому национальному самосознанию». Православие сообщило дух свободы и искренности русской культуре. Русское искусство (живопись, музыка, архитектура, театр, литература) «изошло из православной веры, искони впитывая в себя ее дух сердечного созерцания, молитвенного парения, свободной искренности и духовной ответственности».

Николай Бердяев писал: «Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для

человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью». Так «Символ веры» Фёдора Достоевского, по словам самого писателя, «очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть». В некотором смысле Христос есть персонифицированная истина русской культуры. Этим определяется христоцентричность русской классической литературы. ➔

В 1917 г. Россия отвергла протестантский дух капитализма: неприятие было обусловлено несовместимостью основополагающих принципов православной соборности (христианского коллективизма) и протестантской этики капитализма (господства материального над духовным и индивидуального над общим)

→ «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер», – обобщает Ильин пушкинскими словами сказанное им о значении православия для России. Это значение понимают и отечественные «западники» (псевдолибералы). Именно поэтому все их нападки на «религию», вся их «непримиримая брань с

клерикализмом» и т. п. представляют собой яростные атаки исключительно на русское православие и на Русскую православную церковь. Другие традиционные религии Российской Федерации (ислам, буддизм, иудаизм), протестантские деноминации (баптисты, пятидесятники и др.), многочисленные псевдохристианские секты или откровенно тоталитар-

ные и деструктивные культы не являются объектами их «борьбы за светское государство», но опекаются и защищаются ими от «преследований» со стороны государства.

Стратегия национальной безопасности о религии и духовно-нравственных ценностях

Нельзя не заметить попыток провести в России «либеральную» культурную революцию с целью уничтожения всех традиционных ценностей, как это делается в США и Западной Европе. Российское государство в своих официальных документах, напротив, провозглашает защиту традиционных ценностей.

В конце 2015 г. была утверждена новая редакция Стратегии национальной безопасности России, которая имеет в себе буквально революционные новации. Принципиально новым положением данной редакции Стратегии является то, что в ней важнейшим условием национальной безопасности признается сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества (в предыдущей редакции о них практически не упоминалось). В документе подчеркивается, что национальными интересами на долгосрочную перспективу являются, в частности, «сохранение и развитие культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (ст. 30).

Такой акцент в документе объясняется тем, что в формирующейся на наших глазах полицентричной модели мироустройства «конкуренция между государствами всё в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития» (ст. 13). В Стратегии утверждается, что «разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей» является угрозой государственной и общественной безопасности (ст. 43), а их «размывание» «путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности» составляют угрозу национальной без-

опасности в области культуры (ст. 79).

В соответствии с названными угрозами Стратегия определяет цели и задачи обеспечения национальной безопасности страны в области культуры, образования и воспитания подрастающего поколения, а именно: предписывается «сохранение и приумножение» указанных ценностей «как основы российского общества» (ст. 76), воспитание детей и молодежи на базе этих ценностей (ст. 70) и «в духе гражданственности» (ст. 76) (то есть путем привития им соответствующих правил и норм поведения, системы ценностей и т. п.).

На реализацию этих целей направлена государственная культурная политика (ст. 80). При этом отмечается, что «укреплению национальной безопасности в области культуры способствуют» «признание первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских духовно-нравственных и культурных ценностей», «обеспечение культурного суверенитета Российской Федерации посредством принятия мер по защите российского общества от внешней идейно-ценност-

В 1991 г. страна отвергла некритично воспринятые идеи коммунизма, реализовавшиеся в советском социализме с его принудительным однообразием, когда права и свободы личности подавлялись, всё общество принуждалось к отказу от надмирных религиозных ценностей, а высшей ценностью объявлялось построение в обозримом будущем идеального человеческого общества

ной экспансии и деструктивного информационно-психологического воздействия, осуществление контроля в информационной сфере» и «создание системы духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, внедрение принципов духовно-нравственного развития в систему образования, молодежную и национальную политику» (ст. 82).

В Стратегии также неоднократно говорится о религии: об угрозе и необходимости борьбы с религиозным экстремизмом и радикализмом, религиозной нетерпимостью, исключительностью и враждой (ст. 18, 43, 47, 79, 82). В документе ставится задача обеспечения в России религиозной

терпимости (ст. 26, 80), в том числе за счет повышения «качества преподавания основ светской этики, традиционных религий» (ст. 70).

Для нашей темы наибольший интерес представляет статья, в которой перечисляются те ценности, на сохранение которых, собственно, и должны быть направлены усилия государства и общества: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся: приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, →

→ справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины» (ст. 78).

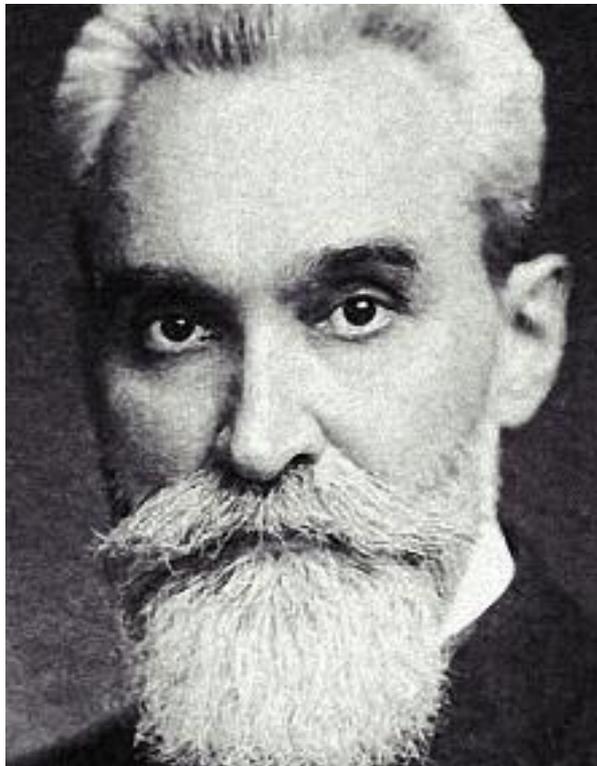
Анализ этого перечня показывает, что он в значительной степени совпадает с тем, который приводится в таком важном общественном документе, как «Базисные ценности – основа общенациональной идентичности», принятом на XV Всемирном русском народном соборе 25 мая 2011 г. Христианское понимание этих ценностей изложено, в частности, в Основах социальной концепции Русской православной церкви, принятых в 2000 г.

Обращает на себя особое внимание первая из перечисленных ценностей – «приоритет духовного над материальным», – которая характерна для православия и русской культуры и ярко контрастирует с гедонистическими ценностями западной потребительской цивилизации постсекулярной эпохи (впрочем, попытки привить гедонистические ценности российскому обществу мы видим каждый день). Очевидно, что «приоритет духовного над материальным» есть не только первая, но и высшая ценность из перечисленных в ст. 78 Стратегии.

Высшая ценность, задающая вертикаль ценностных ориентаций, есть сакральное в его аксиологическом аспекте. Для нерелигиозного гражданина России высшими духовными ценностями (светским сакральным), которым он служит, могут быть Родина, достоинство (слава) и благополучие народа и страны, наука (как способ постижения истины об окружающем мире), подлинное искусство (эстетическое познание и выражение истины), справедливость (политическое и социальное равноправие, справедливое распределение плодов труда в обществе) и т. п. При этом ценность обязательно должна быть

коллективной. Собственное достоинство человека (честолюбие, стремление к личной славе), как и благополучие его семьи и близких, – это область индивидуального, обыденного, профанного.

Для человека, знакомого с православным учением и отечествен-

Павел Новгородцев:

«Путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в человеческой душе вечных связей и вековых святынь.»

Вот почему мы ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – асинократию, власть святынь»

ной философской традицией, очевидно, что такие ценности, как взаимопомощь, коллективизм, гуманизм (понимаемый как человеколюбие, то есть человечность, любовь к людям и забота об их благе), можно выразить одним термином «соборность», в свое время введенным философом Алексеем Хомяковым и получившим развитие в учении славянофилов.

Православная соборность, берущая начало в соборности (кафоличности, вселенскости) церкви, противоположна протестантскому индивидуализму. После Октябрьской революции 1917 г. большевики убрали из соборности христианскую сущность (веру в

Бога, принадлежность каждого человека к одному мистическому Телу Христову – церкви) и выхолостили ее в советский коллективизм. В наше время возвращение русского народа к православию позволяет вновь наполнить атеистический коллективизм христианским содержанием. Показательно, что митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) понимал под соборностью «единство народа в исполнении христианского долга», что предполагает в том числе и исполнение христианских «норм морали и нравственности», упомянутых в той же ст. 78 Стратегии.

Практически все основные ценности, перечисленные в ст. 78 (защита человеческой жизни, прав и

свобод человека, семья, созидательный труд), имеют свои истоки в христианском вероучении или могут получить глубокую христианскую и церковно-богословскую интерпретацию (служение Отечеству, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины).

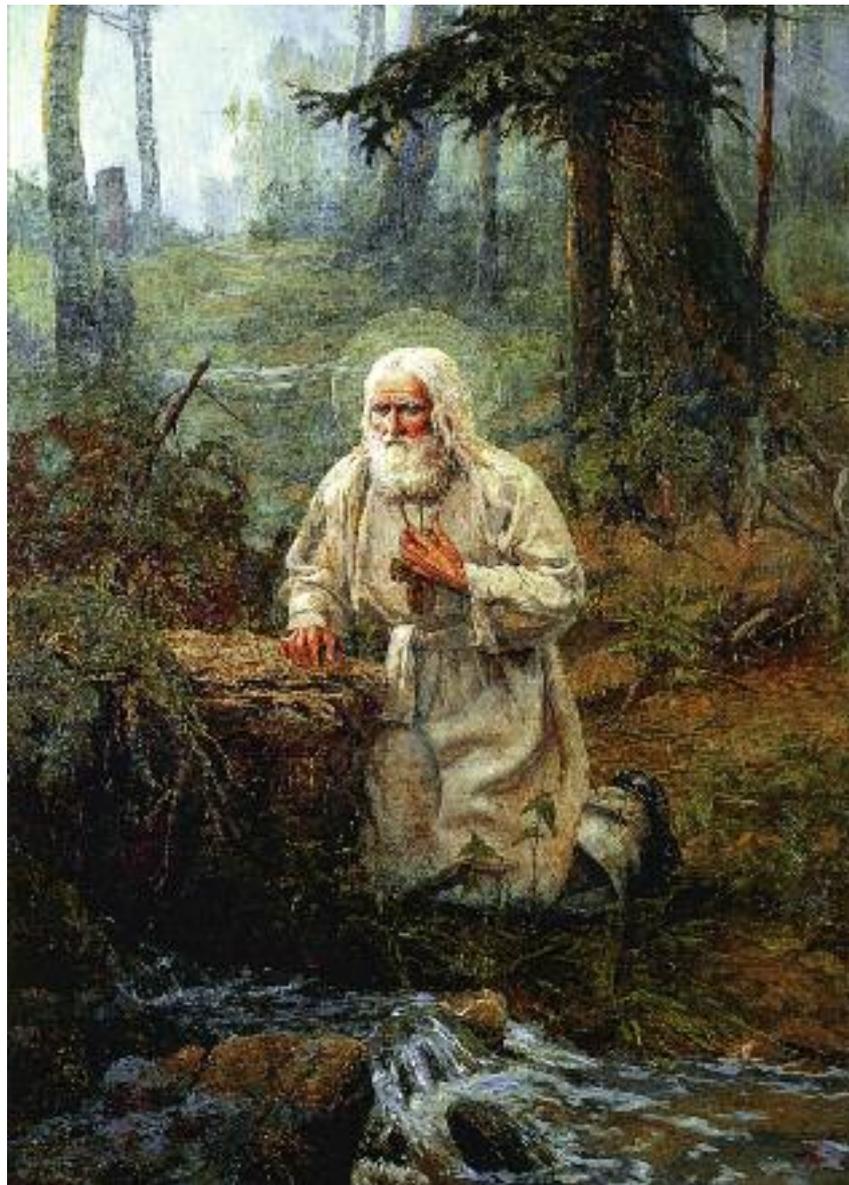
Из сказанного ясно, что в своей основе традиционные российские духовно-нравственные ценности, перечисленные в Стратегии национальной безопасности России, – это в первую очередь ценности культуuroобразующей религии России – православия. Поэтому все нападки на Православную церковь, ее позицию по общественным проблемам (аборты, гомосексуализм, однополые браки и т. п.), кощунственные атаки средствами современного искусства на Христа и христианские священные образы – это символические атаки на жизненно важные для нашей страны ценности, сохранение кото-

рых, напомним, является важнейшим условием национальной безопасности и национальным интересом России на долгосрочную перспективу (ст. 30).

Представители других традиционных религий России (ислама, буддизма, иудаизма) также могут указать на определенное соответствие, по крайней мере, большинства указанных ценностей своим верованиям, что видно из сравнения основных положений их социальных доктрин. Это означает, что данные ценности имеют двойной характер – как светский, так и религиозный – и действительно являются базисными для российского общества, что нашло отражение в упоминавшемся выше документе Всемирного русского народного собора.

Конфликт базовых ценностей и социально-экономической модели

Известно, что ценности обуславливают формы жизни общественного организма. Когда в XVI веке в Европе начал развиваться новый капиталистический проект, его идейной базой стала Реформация (протестантизм). Михаил Хазин так оценивает этот новый этап в развитии Запада: «В доктринальном плане этот проект отошел от библейской системы ценностей и отказался от одного из догматов – запрета на ростовщичество. <...> В системе ценностей принципиально изменилась базовая цель. Если в христианском проекте, во всех его вариациях, основой является справедливость, то в капиталистическом – корысть, нажива». В соответствии с предупреждением Христа: «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6:24), – в системе общественных ценностей Бога постепенно стали вытеснять деньги. По утверждению Хазина, на смену капиталистическому проекту пришел «западный глобальный проект финансового капитализма». Его идейной основой стал либерализм, объявивший единственной ценностью деньги и стремящийся уничтожить все иные человеческие ценности. Именно этому проекту человечество обязано созданием протестантской этики, кото-

Преподобный Серафим Саровский

Если говорить о России, то аскетическая, молитвенная и богослужebная практика Православной церкви предполагает постепенное научение верующих созерцанию умом в очищенном сердце духовных реалий, обозначаемых словесными образами и иными знаками и символами

рая де-факто отменила библейские ценности.

Для исторического развития России значение базовых ценностей наиболее ярко показал XX век, на протяжении которого Россия дважды – в 1917 г. и в 1991 г. – пережила кардинальную идеологическую и социально-экономическую трансформацию.

В 1917 г. Россия отвергла протестантский дух капитализма: не-

приятие было обусловлено несовместимостью основополагающих принципов православной соборности (христианского коллективизма) и протестантской этики капитализма (господства материального над духовным и индивидуального над общим). В России была предпринята попытка построения нового типа социально-экономических отношений на приоритетах социальной спра- ➔

→ ведливости, равенства, моральной чистоты и созидательного труда. Соборное начало православия предопределило форму коллективистской социальной этики в СССР.

В 1991 г. страна отвергла некритично воспринятые идеи коммунизма, реализовавшиеся в советском социализме с его принудительным однообразием (индивидуальное ради общего), когда права и свободы личности подавлялись, всё общество принуждалось к отказу от надмирных религиозных ценностей (официальной идеологией был государственный атеизм и материализм), а высшей ценностью (целью и смыслом жизни всех и каждого) объявлялось построение в обозримом будущем идеального человеческого общества (Царства Божия на земле – коммунизма – к 1980 г.).

По словам экономиста Михаила Гельвановского, в постсоветской России сложилась парадоксальная ситуация: советская социалистическая система, во многом реализовавшая православную идею социальных отношений, отвергнута как безбожная, а либерально-рыночная модель, попирающая евангельские заповеди, принята как естественная. Несответствие базовых цивилизационных ценностей и мотивации действующей идеологии западного либерализма реалиям капиталистической действительности порождает сегодня в России глубокий социально-этический конфликт, создающий условия для нового социального кризиса.

В современной ситуации глобальной конкуренции культур и ценностей в России агрессивным нападам подвергаются именно православные ценности (христианские нормы морали и нравственности, традиционная семья, отношения полов, защита человеческой жизни с момента зачатия и т. д.), а также сакральные символы и образы христианства. Нивелирование православных ценностей уничтожает живую питательную почву и авторитетную (с надмирной санкцией) основу светских традиционных российских ценностей: дискредитация религиозного сакрального уничтожа-

ет и сакральность его светских аналогов – традиционные ценности. А общество, лишённое сакрального – коллективных ценностей, – деструктурируется (утрачивает порядок), деградирует и становится нежизнеспособным в противостоянии тем обществам, которые обладают четкой структурированной системой ценностей, то есть сакральным.

Эти нападки представляют собой проявления упомянутой в Стратегии «идейно-ценностной экспансии» и «деструктивного информационно-психологического воздействия» (ст. 82). Их цель – размывание базовых российских ценностей путем «культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности» (ст. 79). Проводниками этой экспансии и воздействия выступают значительная часть отечественных деятелей культуры (галеристы, режиссеры, актеры), представители псевдолиберальной общественности, интеллигенции и современного искусства. Их действия не хаотичны, а спланированы, имеют теоретическую базу, своих идеологов и публично заявлены как программа.

Эти люди открыто ставят задачу трансформировать русскую культуру в культуру западного типа, изменить ментальные основания всего российского общества, национальный характер народа, его базовые ценности. «Российская традиция есть традиция социоцентричного общества, – пишет Игорь Яковенко, один из адептов западного пути развития для России. – Необходимо трансформировать этот комплекс и сформировать персоноцентристскую целостность. Это можно сделать единственным способом: разрушая ядро отторгаемой системы». То есть Яковенко предлагает заменить ценности «социоцентричного общества», или общества социальной солидарности (с ценностями коллективизма, взаимопомощи, милосердия, справедливости – ст. 78 Стратегии), на ценности либеральной капиталистической модели – индивидуализм и социал-дарвинизм, иными

словами на «персоноцентристскую целостность». При этом он сознает, что попытки замены ценностей вызовут законное противодействие тех, кого он с презрительным пренебрежением относит к защитникам «Святой Руси» (то есть традиционных ценностей, перечисленных в Стратегии), а потому после подробного перечисления всех «культурных методов» воспитания очередного «нового человека» с новыми правильными (то есть западными – чужими и чуждыми для России) ценностями этот деятель подводит итог: «Самая жесткая борьба приверженцев старого и нового в данном случае – самый короткий и наиболее надежный путь инверсии, закрепляющей новую установку. Следование изживаемым ценностям должно быть связано со смертельной опасностью». А это не что иное, как объявление гражданской войны и отнюдь не холодной. Однако пока в России эта война ведется средствами культуры и искусства, в то время как на Украине с 2014 г. она перешла в горячую фазу.

Очевидно, что действия людей, реализующих на практике теоретические установки Яковенко и подобных ему авторов, провоцируют в России очередной социальный кризис с возможным крахом российской государственности. Недавняя история России показывает, что даже большевистский террор в отношении абсолютного большинства народа, уничтожение сословий, создание новой социалистической культуры, искусства и системы образования в целях перевоспитания «старого» человека в «нового» (мечта Яковенко и К°) не смогли создать долговременный жизнеспособный социум.

Советский социализм продержался на «новых ценностях» от силы три поколения – и то благодаря рудиментам старого сознания и воспитания: мировая ядерная сверхдержава рухнула в один день, как колосс на глиняных ногах. Это показывает утопичность и несостоятельность всех проектов построения искусственно-общества на привнесённых неаутентичных ценностях. Адепты таких утопий – или люди, искрен-

не заблуждающиеся, «необольшевики» (что трудно предположить о Яковенко, хорошо знающем методы и результаты «построения социализма»), или сознательные противники реально го пути развития России, стремящиеся увести нашу страну на боковую тропу мировой истории, заведомо тупиковую и смертельно опасную для российской государственности.

Во-первых, предлагаемый Яковенко путь ценностных преобразований российского социума ориентирован на уже отживающую свой век неолиберальную модель капитализма (фактически для России он предлагает догоняющую модернизацию). Данная модель исчерпала потенциал своего развития, поскольку утратила возможность дальнейшего экстенсивного расширения за счет экспансии во внекапиталистические зоны, которые исчезли с разрушением в конце XX в. области системного антикапитализма (мировой социалистической системы).

Во-вторых, замена традиционных ценностей (в первую очередь христианских – как культурообразующих) на либеральные приведет к гибели культуры, нации и страны, о чем прямо предупреждает мир Бьюкенен из дехристианизированной страны победившего секулярного либерализма.

В-третьих, по мнению ряда авторитетных культурологов, базовыми ценностями русской цивилизации, сформировавшейся под непосредственным влиянием восточного христианства, являются указанные в Стратегии справедливость и милосердие (ст. 78) в их обязательном сочетании, то есть *сострадательность*. Эти ценности обуславливают необходимость построения в нашей стране общества социальной справедливости – социального государства и нравственной экономики – с приоритетом служения всех и каждого высшим духовным ценностям (ср. «приоритет духовного над материальным» – ст. 78 Стратегии). В таком случае реализуется формула жизни: индивидуальное и общее ради высшего блага (светского и религиозного сакрального).

Иван Ильин: «Русский национальный акт и дух был возвращен в лоне православия и исторически определился его духом, на что и указывал Пушкин. К этому русскому национальному акту более или менее приобщились почти все народы России самых различных вер и исповеданий»

Очевидно, что реальный выход из конфликта между традиционными духовно-нравственными ценностями и существующей ныне социально-экономической моделью лежит не в очередной утопической попытке замены аутентичных российских ценностей на чуждые (исправить «неправильный» народ под «правильную» модель – капитализм), а поиск и построение такой модели, которая была бы наиболее адекватна этим ценностям, а значит, и наиболее эффективна эко-

номически и потому конкурентоспособна в системе глобального разделения труда.

Еще в начале XX в. русские философы показали разрушительный характер выбранного Западом пути дехристианизации, отказа от религиозно обусловленной (теономной) этики, строительства демократии как системы духовного релятивизма и индифферентизма. Так, Павел Новгородцев писал: «Путь автономной морали и демократической политики привел к разрушению в человеческой душе →

→ вечных связей и вековых святынь. Вот почему мы ставим теперь на место автономной морали теонормную мораль и на место демократии, народовластия – асиократию (агиократию. – В.Н.), власть святынь», то есть сакрального. Будущая задача обустройства постбольшевистской России, по мысли философа, состояла не в том, чтобы государство было устроено на определенных «передовых» нача-

Культура: светская, церковная, православная
В Стратегии национальной безопасности много говорится о роли культуры в обеспечении национальной безопасности и сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей. Культура при этом подразумевается, конечно, светская. Но действительно ли она лишена религиозной специфики? Ведь отличаются же

русскую культуру силу сердечного созерцания. По его мысли, во внерелигиозной жизни такая практика преобразуется в умносердечное созерцание предметов науки, философии, искусства, права и т. п. (предметное созерцание), становясь способом творчества и основанием для практической деятельности, определяя специфику национального акта, национальную науку и культуру.

Виктор Васнецов. Преддверие Рая. Ангелы

Сегодня в России 130 тысяч убыточных или неработающих заводов и фабрик, 42 млн гектаров пустующих земельных угодий, 12 млн безработных, 15 млн лиц без определенных занятий, 45 процентов неиспользуемых производственных мощностей. Эти резервы должны быть идентифицированы и в полном объеме задействованы на благо России

лах, а в том, чтобы «власть взирала на свою задачу как на дело Божье и чтобы народ принимал ее как благословенную Богом на подвиг государственного служения. Необходимо, чтобы <...> проснулся дух жертвенной готовности служить общему и целому. <...> Должен образоваться крепкий духовный стержень жизни, на котором всё будет держаться как на органической своей основе».

Такой стержень может сформировать культура, но какая?

светские культуры – французская, итальянская, английская, шведская – от русской культуры.

Если говорить о России, то аскетическая, молитвенная и богослужебная практика Православной церкви предполагает постепенное научение верующих созерцанию умом в очищенном сердце духовных реалий, обозначаемых словесными образами и иными знаками и символами. Ильин неоднократно повторял, что дух Православной церкви внес во всю

При всём значении православия для русской культуры, государства и нации возможно и даже необходимо различие церковного и национального, церковного и религиозного (духовного). Это понимал и об этом писал еще в прошлом веке Ильин. Различение церковного и религиозного, по Ильину, означает, что церковь не должна поглощать нацию, государство, науку, искусство и экономику (чего так боятся и о чем так много говорят наши либералы-западники). Церковь ведет духом, молитвой и качеством, то есть задает основные смысло-жизненные ценности. А религиозному духу есть место везде, где живет и творит человек. Этот дух очищает и осмысливает все чувства человека, в том числе и национальное чувство, которое незримо проникает всё человеческое творчество. «Живая религиозность должна светить и греть там, куда церковь открыто не вмешивается или откуда она пря-

мо устраняет себя», – писал мыслитель.

То же относится и к национальному. По мысли Ильина, «церковное и национальное не одно и то же. Нация как единение людей с единым национальным актом и культурой не определяется принадлежностью к единой церкви, но включает в себя людей разной веры. <...> И тем не менее русский национальный акт и дух был взращен в лоне православия и исторически определился его духом, на что и указывал Пушкин. К этому русскому национальному акту более или менее приобщились почти все народы России самых различных вер и исповеданий».

Историческое предназначение России, по Ильину, состоит в том, чтобы выработать русско-национальный творческий акт, верный религиозному духу православия, акт такой глубины, ширины и гибкости, чтобы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, создать из этого акта новую, русско-национальную, светски-свободную культуру.

Зеньковский также писал, что задача России заключается в построении «всей системы культуры в духе православия».

Свободная секулярная культура – это пространство творческого эксперимента, поиск относительно новых исторических целей жизни, принципов разумной организации жизнедеятельности человека и общества.

Церковно-каноническая сфера культуры включает в себя догматическое и мистическое богословие, каноны богослужения, иконописания и церковного устройства. Она хранит высшие религиозные ценности и формы кодификации опыта церкви, придающие метаисторический смысл человеческому бытию и организующие духовно осмысленное пребывание личности и общества в истории.

Связь церковно-канонической и светской русской культуры может быть реализована в православной культуре. При этом православное культурное творчество должно выводить из православного мирозерцания насущные задачи устройства общественного

бытия, а не сводить все вопросы народно-общественного существования к чисто церковным темам или нравственным проблемам.

В таком случае светская культура будет питаться глубинными религиозными смыслами и способствовать устройению народной жизни в соответствии с традиционными духовно-нравственными ценностями.

Этнорелигиозный состав России

Выше было много сказано о связи русской культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей с православием. Однако может возникнуть сомнение, не является ли всё это натяжкой. Для того, чтобы иметь верное представление о современном российском обществе, говоря о его многонациональном и многоконфессиональном характере, следует иметь в виду не только качественные, но и количественные характеристики, а также уточнять употребляемые термины.

В Стратегии национальной безопасности фигурируют термины «многонациональный народ Российской Федерации» (ст. 11, 77, 79, 82), «самобытные культуры многонационального народа Российской Федерации» (ст. 77), «российская культура» (ст. 77), «русская культура» (ст. 81). В Стратегии государственной культурной политики употребляются те же термины, а также «русская литература», «русская классика», «российская литература», «отечественная литература», «литература народов Российской Федерации».

Следует заметить, что термин «многонациональный народ Российской Федерации» употребляется во всех официальных государственных документах, поскольку он используется в преамбуле Конституции нашей страны. Давно замечено, что этот термин некорректен, поскольку в государстве может быть только одна нация – нация объединяет народы, а не наоборот. Нация может быть полиэтничной – состоять из множества этносов (народов, народностей), но не из множества наций. Выражение

«многонациональный народ» досталось нам в наследство от СССР, в котором на 1989 г. нерусское население составляло примерно половину (49 процентов). Это население компактно проживало преимущественно в национальных республиках – формально самостоятельных государствах, свободно входивших в состав СССР, – и составляло их нации. После распада СССР ситуация радикально изменилась.

Считается, что современная Российская Федерация – полиэтничное государство, поскольку в нем проживает более 190 этносов. Однако по данным всероссийской переписи населения 2010 г. русские составляют 80,9 процента населения России. По международным стандартам это означает, что Россия *мононациональная* страна (для сравнения вторую и третью по численности группы населения составляют, соответственно, татары – 3,87 процента, украинцы – 1,41 процента). В большинстве европейских национальных государств (Франция, Германия и др.) нация есть государствообразующий народ (титальный этнос) страны. Поэтому правильнее было бы в преамбуле Конституции написать: «Мы, русский народ и все народы России, составляющие вместе гражданскую нацию России». Соответственно, в официальных документах речь должна идти о русском народе, русской нации, русской культуре, русской литературе, а также о других народах Российской Федерации, их самобытной культуре, языке, литературе и т. п.

Полирелигиозность в количественных характеристиках выглядит аналогично полиэтничности. Согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2012 г., в России православных – 77 процентов, мусульман – 6 процентов, неверующих – 7 процентов. По данным всероссийского опроса, проведенного Институтом социально-политических исследований РАН в том же году, верующих в России – 78 процентов, колеблющихся – 13 процентов, неверующих – 6 процентов. При этом к православию себя относят 82 процента всех респондентов, к исламу – 5 процентов, остальные кон- ➔

Российское государство – исторически и юридически – это государство русского народа, и потому оно должно в первую очередь выражать интересы, поддерживать, защищать создавший и ныне образующий его русский народ, его культуру, веру, традиции, как это всегда и было в истории России

→ фессии в сумме набирают 2-3 процента.

Таким образом, русские православные люди составляют не менее трех четвертей населения России. Именно они являются природными и основными носителями русской культуры и содержащихся в ней православных ценностей. Поэтому всё сказанное выше о русской культуре и традиционных ценностях относится к абсо-

лютному большинству населения современной России, а не к какому-то маргинальным малочисленным группам («приходским старушкам» и т. п.).

По Конституции России источником власти является народ. В соответствии с приведенными данными – это прежде всего русский народ. Российское государство – исторически и юридически – это государство русского

народа, и потому оно должно в первую очередь выражать интересы, поддерживать, защищать создавший и ныне образующий его русский народ, его культуру, веру, традиции, как это всегда и было в истории России. Государство должно обеспечивать в информационном пространстве, в культуре, в сфере общественной морали господство ценностей русского народа. Всё, что им не соответствует, не имеет права занимать основные позиции и тем более играть главенствующую роль. Если государственная власть этого не делает, то она теряет свою культурную легитимность, то есть становится чуждой народу, а значит, и чужой. А чужая власть всегда и везде воспринимается как оккупационная со всеми вытекающими отсюда последствиями. Именно в этом некоторые эксперты видят одну из главных причин краха СССР, в котором русский народ был значительно умален в правах в сравнении с другими населявшими его народами.

Традиционные ценности и деятели российской культуры

Опасность «западнической» (либеральной) ценностной ориентации состоит в очередной (после большевиков) попытке изменения (модернизации) российского общества на заимствованных ценностях, чуждых отечественной культуре. Это грозит России утратой цивилизационной идентичности и самого существования государства вследствие появления на месте русского народа очередной нежизнеспособной химеры типа «новой исторической общности – либерального народа», исповедующего исключительно «общечеловеческие ценности» разлагающейся западной цивилизации. Результаты отказа от собственной культуры мы наблюдаем в кризисных странах Европы – Греции, Болгарии, Украине и др.

В противовес этому Стратегия национальной безопасности приводит в качестве базовых и традиционных для России (а потому подлежащих защите со стороны государства) именно консервативные, а не либеральные ценности.

Из сказанного следует, что при конфликте консервативных (традиционных) и либеральных духовно-нравственных ценностей государство в соответствии со Стратегией национальной безопасности должно защищать первые. Однако этого не происходит в должной мере. К сожалению, российское государство всё более отказывается от поддержки традиционных форм культурной жизни и в культурной политике осуществляет принцип свободного рынка. В результате культура отделяется от общества и государства (как в советское время церковь). Однако опыт Запада показывает, что рынок служит понижению культурных ценностей, в результате чего искусство переходит в свою противоположность – антиискусство.

Искусство, некогда черпавшее вдохновение из символов религии (в сакральном), сегодня всё чаще обращается к процессам трансгрессии и осквернения. Если истинное искусство, в конечном счете, обращается к чистому сакральному, то его антипод – «современное искусство», или антиискусство, – к нечистому.

Наиболее заметным образом ценностный конфликт происходит в области современной российской культуры и искусства. Практический вывод из сказанного выше очевиден. Деятели российской культуры и искусства должны знать и дорожить достоянием тысячелетней православной культуры России, а не провоцировать общество скандальными нападениями на культуuroобразующую религию, чем они непрерывно занимаются.

Самосознание народа зависит от традиционных основ его духовной жизни. Именно традиционные культурные основания национального бытия (прежде всего связанные с религиозной традицией, то есть с сакральным) определяют типологию актов

Лев Тихомиров (на фото) утверждал, что культуuroобразующую функцию исполняет только религиозное сознание, в то время как псевдорелигиозное идеологическое сознание неспособно к культуuroтворческой миссии

самосознания, осуществляемых творческими представителями народа. Если эти основания рушатся, то культурное самосознание угасает – и тогда, несмотря на сохранение этнического тела, нация внутренне разлагается и погибает, лишаясь культуuroтворческих энергий и способности саморазвития. Поэтому крайне важно, на какие ценности нация направляет свою творческую активность.

Следствием атеистического советского периода и нынешнего агрессивного внедрения в отечественную культуру чуждых ей ценностей стало то, что в современной российской культуре присутствуют несоединимые ценности (например, коллективизм, соборность – и индивидуализм, эгоизм; религиозное благочестие – и кощунство над святынями). Не прекращаются постмодернистские попытки уничтожения любой традиции, например, деидеологизация идеологических и десакрализация религиозных символов и образов с тем, чтобы уничтожить в народе любые идеалы (и советские, и «досоветские»), заменив их массовой потребительской культурой.

Однако распадающаяся культура не приспособлена к преобразованиям, ибо импульс к созидательным переменам исходит от ценностей, являющихся культурными категориями. Только интегрированная и крепкая национальная культура может сравнительно легко приспособить к своим ценностям новые цели, знания и технологии, что необходимо при модернизации страны.

Поэтому русская интеллигенция и в первую очередь деятели культуры обязаны не допускать отрыва от своего тысячелетнего культурного достояния.

Зеньковский еще в начале XX в. писал: «...несознанность русского духовного уклада в его связи с православием остается фактом в истории русской интеллигенции – фактом огромной исторической силы и фатального разрушительного действия». К сожалению, первые десятилетия XXI в. показали, что часть российской интеллигенции, наконец, осознала связь русской культуры и духовного уклада с православием и именно поэтому все свои силы тратит на дискредитацию христианства и православной веры.

В постсоветской культуре России налицо кризис духовности: у многих людей серьезно поврежден механизм идентификации со →

Преподобный Иринарх Ростовский благословляет князя Дмитрия Пожарского и Кузьму Минина

**Формула жизнеустройства для России:
индивидуальное и общее ради высшего блага
(ради религиозного и светского сакрального)**

➔ сверхличными ценностями, без чего не существует ни одна культура. Однако современный отечественный культурный синтез не должен опираться на искусственно творимые идеологии, в том числе «православные».

Как указывал еще Лев Тихомиров, идеология возникла в эпоху Просвещения в виде социальной религиозности. Ее исходными пунктами были отрицание христианской картины мира и последующее обожествление человека, соединенное с проекцией абсолютного религиозного начала в жизнь человеческого общества. Такая проекция предполагала нигилистическое отно-

шение ко всему условному, что его образует. Создателем и носителем идеологического сознания Тихомиров считал интеллигенцию и утверждал, что культуuroобразующую функцию исполняет только религиозное сознание, в то время как псевдорелигиозное идеологическое сознание неспособно к культуротворческой миссии. Идеология ведет к самообожествлению человека и абсолютизации государства. Идеологизированная религия отчуждается от высших духовных смыслов, ставится на службу политической элите и разрушительно воздействует на культуру и жизнь народа.

Поэтому для современной России необходимо возрождение подлинной христианской религиозности русского народа, а не формирование «православной идеологии» (или «гражданского православия», по выражению политолога Виталия Третьякова). Творческая элита нации призвана осознать православие основой русской национально-культурной жизни, воспринять исконные ценности русской культуры и сеять в человеческих душах «разумное, доброе, вечное», а не сваливать туда нравственные нечистоты, соблазняясь погоней за наживой и геростратовой славой (вспомним скандал с оперой «Тангейзер» в Новосибирске, в которой по злой воле режиссера Христос был помещен в кощунственный контекст, и др.). Но для того, чтобы побудить свой народ стремиться к высотам человеческого духа, сами его учителя должны служить примером подлинно духовной

жизни, а не дешевого скандально-го «креатива». К сожалению, именно этого многие из них как раз и не хотят, что и служит подлинной причиной их приверженности «либеральным ценностям».

Как писал Ильин, вне стремления к духовному, к Духу обесмысливается жизнь отдельного человека и народа в целом. Поэтому подлинная любовь к своему народу есть прежде всего любовь к его духовной жизни, из чего вытекают и задачи патриотов. «Истинному патриоту драгоценна не просто самая “жизнь народа” и не просто “жизнь его в довольстве”, но именно жизнь подлинно духовная и духовно-творческая; и поэтому, если он когда-нибудь увидит, что народ его утоп в сытости, погряз в служении мамоне и от земного обилия утратил вкус к духу, волю и способность к нему, то он со скорбью и негодованием будет помышлять о том, как вызвать духовный голод в этих сытых толпах павших людей. Вот почему и все условия национальной жизни важны и драгоценны истинному патриоту не сами по себе: и земля, и природа, и хозяйство, и организация, и власть, но как данные для духа, созданные духом и существующие ради духа... Вот в чем состоит это священное сокровище – Родина, за которое стоит бороться и ради которого можно и должно идти и на смерть».

Из сказанного видно, что ценность «служения Отечеству» (ст. 78 Стратегии национальной безопасности) может иметь сакральное толкование и при определенных условиях обретает для человека соответствующий статус.

Православие является культурообразующей религией России, а русский народ – государствообразующим и самым многочисленным этносом нашей страны. Поэтому утраченный многими механизм идентификации со сверхличными ценностями, то есть духовную жизнь, большинство россиян могут обрести в Русской православной церкви. Церковные таинства и аскетическая практика православия с древнейших времен были теми средствами получения и усвоения человеком

духовных сил, которые питают внутреннюю силу православной русской цивилизации с момента ее возникновения.

Обобщим сказанное выше и попытаемся кратко сформулировать большие смыслы русской культуры, а значит, и русской цивилизации, то есть цели жизни каждого человека и народа в целом. Они определяются высшими ценностями, содержащимися в культуре и культуурообразующей религии, а потому имеют свои формулировки для светской и религиозной сфер личного и национально-го бытия.

Первое. Высшие ценности православия – это Бог, Царство Божие, православная вера, церковь, личное обожение (праведность жизни, спасение души). В светской сфере им соответствуют такие ценности, как благо человечества, Родины, народа, личное самосовершенствование человека.

Эти ценности подразумевают в качестве больших смыслов: на планетарном уровне – достижение справедливого мироустройства, на национальном уровне – стремление к построению идеального социума, в котором реализуются условия для формирования совершенной человеческой личности. В религиозном плане – это выполнение Россией функций удерживающего мир от inferнального зла и хранильницы чистоты православной веры (в общемировом масштабе).

Формула жизнеустройства для России: индивидуальное и общее ради высшего блага (ради религиозного и светского сакрального).

Второе. Ценности служения Богу и ближним в гражданской сфере означают служение Отечеству, своему народу.

Смыслы: содействие справедливому разрешению мировых конфликтов, российский патриотизм, христианское просвещение русского и др. народов России.

Формула: христианское просвещение, воцерковление, спасение.

Третье. Православные ценности милосердия и сострадания подразумевают в светском обществе социальную справедливость. В общечеловеческом плане это требует от России стремления к

соблюдению баланса интересов разных цивилизаций и государств на планете. В национальном плане – подразумевает построение социального государства и нравственной экономики, установление симфонии государство–церковь–общество.

Формула для России: православие, соборность, социализм.

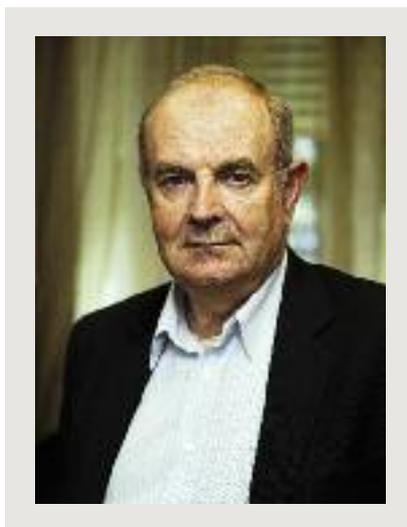
Для сохранения и развития России, обеспечения ее национальной безопасности Российское государство и Русская православная церковь должны:

- обеспечивать сохранение земли (России) от внешних и внутренних врагов, ибо на этой земле, данной Богом нашему народу, происходит освящение людей для Царства Божия;
- создавать условия для построения общества, стремящегося к божественной истине и ждущего ее последнего Откровения;
- способствовать рождению, воспитанию и существованию духовных людей, жертвующих собой ради истины и Бога; они – плоды русской земли, те праведники, ради которых Бог спасает Россию (ср. Быт. 18:20–32); на этих людей, приобщенных к вечности, к Богу, ставших святыми, изливается благодать, а через них – на окружающих и на всё Отечество, которое они в моменты исторических катастроф спасают, молясь, воодушевляя, рискуя или жертвуя своей жизнью (св. Александр Невский, св. Сергей Радонежский, св. Дмитрий Донской, свщмч. Ермоген, К. Минин, Д. Пожарский и др.);
- содействовать сохранению и воспроизводству национальной культуры, которая имеет в себе понятие греха, осознание греховности человека, необходимости освобождения от нее и приобщения к истине, а также обладает способами этого приобщения;
- обеспечивать информационно-культурную и духовную безопасность: заботиться о высоком уровне культуры, о чистоте православной веры, очищать землю от лжеучений и лжеистин, чем в истории всегда и занимались церковь и само православное государство. ☩

ТРЕУГОЛЬНИК РОССИЯ–США–КИТАЙ

и индийский фактор

Кому-то может показаться, что отношения в любых треугольниках очень простые и строятся по формуле «враг моего врага – мой друг». Но в треугольнике Россия–США–Китай всё гораздо сложнее – тут слишком много различных деталей и аспектов, уходящих своими корнями глубоко в историю. Картина взаимоотношений в этом треугольнике становится еще более сложной, если оценивать ее еще с учетом индийского фактора. Этот фактор в свое время имел для Советского Союза важное значение. Октябрьская революция 1917 года дала мощный импульс коммунистическому движению в Китае, которое в итоге победило в 1949 г. В советских планах Индия рассматри-

Александр Алексеевич Нагорный – вице-президент Ассоциации политических экспертов и консультантов, заместитель главного редактора газеты «Завтра», постоянный член и заместитель председателя Изборского клуба

валась как важнейшее орудие борьбы с Британской империей и – на крайний случай – как своего рода запасной вариант для установления в ней просоветского режима, если бы в Китае пошло что-то не так, как планировалось изначально.

Отношения в треугольнике Россия–США–Китай всегда были очень сложными и запутанными, они определялись глобальными устремлениями каждой из этих сверхдержав. Эти отношения были сформированы четырьмя факторами.

Во-первых, традиционной геополитикой, которая в XIX в. играла главную роль в международных отношениях, но в XX в. утратила свое прежнее значение, уступив первенство идеологическому противостоянию, спровоцированному возникновением коммунистического и антиколониального движений. Оба движения привели к радикальным изменениям на политической карте мира, и роль Советского Союза в этих изменениях была колоссальной. СССР и США боролись за влияние на Китай, роль же Индии была на фоне такого противостояния важная, но второстепенная.

Во-вторых, присущей лидерам «Большой тройки» на заключительном этапе Второй мировой войны склонностью к установлению и поддержанию баланса сил. Эта склонность обусловила их мотивы и действия, предопределившие послевоенное устройство мира. Выход вперед одной сверхдержавы – США – после распада Советского Союза

Чжоу Эньлай (слева) и Ричард Никсон (в центре) во время визита президента США в Китай в 1972 году

Москва, август 1991 года

сделал неизбежным сближение друг с другом ее оппонентов.

В-третьих, идеологическими ценностями, разделяемыми в тот или иной период в международных отношениях. Крах коммунизма в Советском Союзе и его последующая гибель оказали самое серьезное влияние на глобальную ситуацию. На этом фоне идеологические ценности США значительно укрепились как внутри рассматриваемого треугольника, так и в мире в целом. Западная «демократия» нашла своих приверженцев на двух третях мировой политической сцены и стала мощным инструментом продвижения американской мировой гегемонии.

В-четвертых, впечатляющей способностью КНР развиваться с высокой скоростью, что было продемонстрировано страной с момента принятия в 1978-1979 гг. программы «четырёх модернизаций». Параллельно с Китаем в конце XX и в первые два десятилетия XXI в. бурный рост и мощ-

ное развитие демонстрирует Индия. Экономическая гегемония Запада, в том числе США, напротив, постепенно ослабевает.

Безусловно, можно назвать и другие факторы, оказавшие воздействие на отношения внутри треугольника. Например, индо-пакистанское соперничество, включающее в себя как холодную войну, так и вооруженные столкновения. Нельзя игнорировать и превращение Японии в экономическую сверхдержаву и ее военный альянс с США как важнейшее условие поддержания безопасности в Северо-Восточной Азии. Добавим сюда экономическую и военную мощь Индии, которая с помощью СССР выиграла войну с Пакистаном и сумела создать Бангладеш, тем самым успешно поддерживая противостояние одновременно с Пакистаном и Китаем. Наконец, следует назвать и ситуацию на Корейском полуострове – продолжающийся конфликт между северной и южной частями полуострова и политические пораже-

ния США от северокорейского режима.

В отношениях внутри треугольника можно выделить три основных этапа.

Первый этап – с 1971 г. (с поездок Генри Киссинджера и Ричарда Никсона в КНР) и до 1991 г. (до распада СССР). Этот этап можно назвать геополитическим: США объединились с КНР против СССР. Поэтому в указанное двадцатилетие Москва была крайне заинтересована в сотрудничестве с Нью-Дели во всех сферах, особенно в осуществлении геополитического сдерживания. Между СССР и Индией наладилось стратегическое сотрудничество, и Индия стала обретать статус глобального игрока.

Второй этап – с 1991 г. (когда США с помощью технологии «мягкой силы» и благодаря искусно организованной с помощью проамериканского лобби в Москве «цветной революции» довели СССР до гибели) и до рубежа XX и XXI вв. В те десять лет →

→ Вашингтон имел абсолютную монополию как в мировой политике, так и во внутрироссийских делах. Этот этап продолжался до тех пор, пока в России и Китае не произошли важные изменения.

Третий этап – с 2001–2003 гг. и до настоящего времени. Начало этапа ознаменовалось приходом к власти в России Владимира Путина, а также выходом КНР на первое место по темпам развития экономики (ежегодный рост ВВП на 7–10 процентов). В указан-

ная как противовеса милитаристской Японии, когда Москва поддерживала Гоминьдан как основную силу и единственное законное правительство Китая, в то время как коммунисты рассматривались ей как дополнительный союзник и своего рода рычаг влияния на Чан Кайши. Временный союз ненавидевших друг друга коммунистов и гоминьдановцев против Японии был очень выгоден Москве.

Фактор второй. Победа во Второй мировой войне и атомная

победой СССР над США, поскольку означал возникновение военного блока, равновесного Североатлантическому альянсу. В результате идеология в треугольнике стала определять геополитику.

Фактор третий. Смерть Сталина в 1953 г. и начатая на XX съезде КПСС в 1956 г. его дискредитация (борьба с «культом личности»). Этот внутривластный поворот в СССР нанес мощный удар по китайско-советским отношениям, поскольку Мао усмотрел в нем смертельную угрозу для собственной власти. На этом фоне американские аналитики стали корректировать политику США в отношении КНР в пользу Пекина. И чем сильнее нарастали противоречия между КНР и СССР, тем основательнее в них вклинивались американцы. Инициированная Мао в 1969 г. провокация на китайско-советской границе радикально развернула американское общественное мнение в сторону Китая, что создало благоприятные условия для проведения Киссинджером курса на сближение Вашингтона с Пекином.

Фактор четвертый. Приход к власти в Китае Дэн Сяопина, а в Советском Союзе – Михаила Горбачева. Первый начал экономические реформы (построение «социализма с китайской спецификой») и одновременно стал осуществлять более жесткий политический и идеологический контроль, а второй предпочел экономическим преобразованиям политическую либерализацию. В результате – расчленение Советского Союза и фантастический «мирный подъем» Китая.

Фактор пятый. Государственный переворот 2014 г. на Украине планировался и финансировался Вашингтоном и Брюсселем. Это привело к восстаниям в Крыму и в Донбассе, поддержанным Москвой. Эти события привели к беспрецедентному по своим масштабам новому витку холодной войны против Российской Федерации, подтолкнув тем самым Москву к выстраиванию более тесных отношений с Китаем и к улучшению отношений с

Президентская присяга Владимира Путина 7 мая 2000 года

ный период к власти в КНР и к руководству КПК приходят более идеологически мотивированные группы, лидером и олицетворением которых в настоящее время является Си Цзиньпин. А в США следствием затяжного экономического и политического кризиса становится приход к власти Дональда Трампа.

Такова логика развития треугольника сверхдержав в последние десятилетия. Следует также перечислить и другие факторы, оказавшие влияние на ситуацию внутри этой геометрической фигуры в более широкой исторической ретроспективе.

Фактор первый. Стратегия Коминтерна и Иосифа Сталина в 1920–1930-х гг. в отношении Ки-

бомбардировка Соединенными Штатами Японии подтолкнули Сталина, до того склонявшегося к политике одновременной поддержки «двух Китаев» – гоминьдановского и коммунистического, – к тому, чтобы развернуть в 1946–1947 гг. всестороннюю военную и экономическую поддержку китайских коммунистов. Решающими шагами в этом направлении стали передача с санкции Москвы Квантунской армией своих вооружений и некоторых территорий Маньчжурии Мао Цзэду. Это помогло коммунистам победить в гражданской войне и прийти к власти в 1949 г. Подписанный в 1950 г. советско-китайский «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи» стал дипломатической

Премьер-министр Индии Нарендра Моди открывает неделю Make in India в Мумбаи

Индией. Последняя теперь рассматривается как очень важный мировой игрок, нарушающий организованную Вашингтоном международную изоляцию Москвы, а также как противовес растущему влиянию Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в акватории Индийского океана. Таким образом, Индия стала геополитическим козырем России. Новая трехполюсная стратегия, предложенная еще в середине 1990-х гг. Евгением Примаковым, начала обретать реальные очертания.

Что же теперь происходит в треугольнике – а точнее, в четырехугольнике, если включить в эту фигуру и Индию?

Во-первых, слабеющие Соединенные Штаты по-прежнему сохраняют ведущие позиции. Это обусловлено их военно-стратегическим превосходством, контролем над выпуском мировой валюты, продолжающимся интенсивным развитием науки и техники, культурной экспансией по всему миру и, наконец, подрывной деятельностью в остальных трех странах четырехугольника. Вашингтону скорее всего удастся в ближайшие 5–7 лет сохранить свое лидерство.

Во-вторых, Россия, несмотря на все свои очевидные недостатки, продолжит курс на построение нового многополярного мирового порядка (ШОС, БРИКС, Евразийский экономический союз). И здесь Китай станет для нее самым важным партнером.

В-третьих, КНР превратится в самую мощную экономику мира с самыми высокими темпами роста ВВП. Ее военный потенциал приблизится к американскому и российскому, тем самым возникнут реальные условия для складывания в XXI в. многополярного мира. Недавний XIX съезд КПК одобрил долгосрочную программу Си Цзиньпина – «китайскую мечту», – намечающую план развития страны до середины XXI в. Си Цзиньпин прямо говорит о «новой роли Китая в глобальном управлении» и продвигает стратегию «одного пояса и одного пути».

В-четвертых, Индия с ее «экономическим чудом» будет играть равную роль в четырехугольнике и следовать своей традиционной «политике теплой улыбки» в отношении России, «политике вооруженного нейтралитета» в отношении Китая и

вежливой «дистанционной политике» с Америкой.

Однако приведенным прогнозам не будет суждено осуществиться, если США не пожелают признать себя равными остальным трем углам четырехугольника, чего лично я и ожидаю. При таком раскладе в краткосрочной и среднесрочной перспективах американо-китайское соперничество будет нарастать как в глобальном, так и в региональном масштабах. Глобальные аспекты этого противостояния будут касаться конкуренции курсов доллара и юаня и гонки за военно-техническое превосходство, а региональные аспекты сведутся к выстраиванию американской линии сдерживания вдоль границ КНР и противоположной тенденции – проникновению Китая в традиционные зоны американского влияния. Но центральным пунктом в американо-китайском противостоянии, вне всякого сомнения, станет идеологическая подрывная работа США внутри китайских элит по опыту борьбы с СССР. И конечно, непримиримое американо-китайское противостояние приведет к укреплению двух других углов четырехугольника – Индии и России. ♣

Михаил
ОСТРОМЕНСКИЙ

Не может быть горе вообще, абстрактное,
горе вне горящей личности

ИЗГНАНИЕ «ДУХА ГОРЯ»

Образ идет дальше, чем мысль.

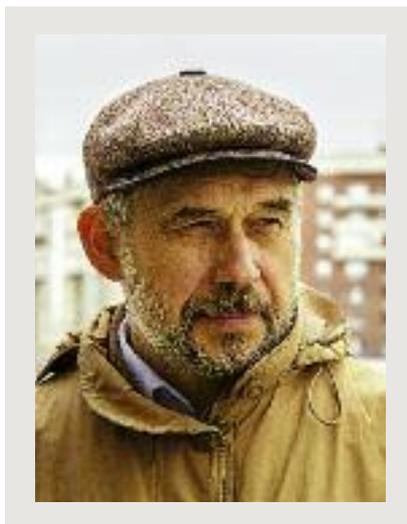
Юрий Мамлеев

I

Справедливость, свобода, братство – это такие концепты, которые не имеют оснований в повседневности.

Михаил Немцев

В середине лета 2017 года г. Новосибирск посетил поэт, философ, магистр гендерных исследований (sic!) Михаил Юрьевич Немцев с лекцией «Два понятия “народа”, или Как нам жить с нашими мертвыми?» Мероприятие анонсировалось как развернутый комментарий к выступлению поэта, философа и богослова Ольги Александровны Седаковой в Миланском культурном центре под названием: «Работа горя. О живых и непогребенных. Работа

Михаил Петрович Остроменский – политический философ, публицист, руководитель регионального отделения межрегиональной общественной организации «Вече», член всероссийской политической партии «Партия Дела»

памяти против работы жизни: проклятие мертвых и социум живых». В обоих выступлениях в значительной степени использовались идеи Александра Марковича Эткинда, изложенные им в книге «Кривое зеркало: память о непогребенных», – книге, активно дискутируемой и интенсивно раскручиваемой.

Наши персонажи представляют собой разные стороны одного направления мысли, часто несхожие внешне, но союзные в своих основах и целях. Основы – неприятие СССР и неприятие русских. Цель следует из основы – изжитие всех остатков советского, а значит, и русского. Почему русского? Но революция и СССР были естественными следствиями предшествовавшей истории России и русских как государствообразующего этноса. Стали ее

Никлаус Векманн. Алтарь. Около 1520 года

Памятник Ивану Грозному в Орле

Антирусская российская интеллигенция бьется над преодолением инерции масс, упрямо полагающих Иосифа Виссарионовича Сталина не палачом и кровавым изувером, но лучшим правителем России. Теперь и Ивана Васильевича Грозного начинают «народец» почитать. Лепными и самыми сытыми годами считают эпоху застоя в СССР, а никак не либеральнейшие 90-е...

→ значительным этапом. Ни вычеркнуть, ни забыть его невозможно. С таким же успехом можно выбросить Петра I за то, что он «угробил» пропасть народу, разорвал связь мизинных людей и элиты, сделав их чужими друг другу, упразднил патриаршество. Да в общем, и всех Романовых, поскольку начиная с Петра их политика упорно вела к 1917 году. Вот Екатерина II произвела секуляризацию монастырских земель и, по сути, завершила огосударствление церкви. С той поры последняя влачила жалкое существование, растеряв и авторитет, и влияние, и значение. Значение

независимого важнейшего общественного института – вспомним противостояние митрополита Филиппа московского царю Иоанну Васильевичу. Авторитет – в обществе и у правительства: тут высочайшим примером служит святой Сергей Радонежский. Влияние – на широкие народные массы, в особенности на правящую группу и доминирующий класс, какое имели патриархи Гермоген и Никон.

Так вот, возвращаясь к началу, оба выступления – и Седаковой, и Немцева – далеки от научности или следов объективности, несмотря на регалии авторов и види-

мую их потребность в представлении своей точки зрения как естественной, как следущей из простых рассуждений и традиционных взглядов на жизнь. Оба суть идеологически и политически нагруженные. Но оба и симптоматичные. Они позволяют нам порассуждать и выявить некоторые особенности психологических и идейных оснований феномена антирусской российской интеллигенции. Например, того, что вновь и вновь в этой среде всплывает известная идея о наличии в России двух народов.

Вспомним слова Григория Шалвовича Чхартишвили (Бориса Акунина): «В России живут бок о бок два отдельных, несколько не похожих народа, и народы эти с давних пор люто враждуют между собой. <...> Есть Мы, и есть Они. <...> Друг друга представители двух наций распознают с первого взгляда и в ту же секунду испытывают приступ острой неприязни». Или вот Андрей Викторович Мальгин глаголет: «Страна действительно разделилась на две части. С одной стороны – поганые совки. По-

ставь такого в любом месте земного шара в любую толпу, сразу узнаешь: совок. Не затеряется. С другой стороны: люди с чувством собственного достоинства и со следами интеллекта на лице. Цивилизованные люди».

Причем в исследуемом нами здесь случае имеется в виду уже не просто эмоциональное горение, эмоциональное отражение, «горячая» метафора, а попытка пофилософствовать, попытка эксплицитно ввести «два понятия народа».

О многом говорит и удивительная, фантазмагорическая круговерть «интеллектуальной» и «творческой» массовки вокруг дела Кирилла Семеновича Серебрянникова. Ничего подобного не было даже после ареста министра экономического развития РФ Алексей Валентиновича Улюкаева. Ну, высказались Алексей Леонидович Кудрин и Анатолий Борисович Чубайс – и всё затихло. Ни тебе петиций, ни тебе коллективных актов взятия на поруки... А здесь – бесконечные письма, массовые акции, задержания и аресты. Отчего это?

Мне могут возразить: мол, и сам ты идеологически не безгрешен, а берешься судить, раскапывать и классифицировать, становясь в позу «естествоиспытателя». На такие возражения отвечаю всегда одинаково. Да, имею свои политические предпочтения, но всё же основания моей деятельности находятся не в этом, а в моей христианской вере и в стихийной философии. Первое дает мне возможность отойти от излишней политизированности, ибо «Царство Мое не от мира сего» (Ин. 18:36), и потому нет необходимости в суете по поводу сегодняшнего политического устройства государства, поелику это никак не помогает спасению души. Христианин, конечно, участвует в политике как гражданин, но он, пользуясь «привилегией» вечной жизни, способен максимально абстрагироваться от политической злобы дня. В принципе – должен это делать. А второе основание, философствование, не позволяет останавливать свои рассуждения, сообразуясь с каким-либо заранее заданным критери-

ем – например, политическим, – а понуждает идти вглубь до конца. По крайней мере, насколько осилит сей путь мой разум и моя воля. Вот и попробуем.

II

В духе он целовал внутренности своего живота и застывал.

Юрий Мамлеев
«Шатуны»

Итак, о духе горя, мертвецах и антирусской российской интеллигенции.

Не буду сосредотачиваться на «малых» неточностях, «незначительных» преувеличениях и обычном передергивании, характерных для практически всех политически ангажированных творений. Таковых «преувеличений» не избежала и уважаемая Ольга Александровна Седакова. Но мы остановимся лишь на одном – характерном для рассматриваемой категории лиц.

Г-жа Седакова восклицает: «...власть в результате ее (рево-

люции октября 1917 года. – М.О.) оказалась захвачена некоторой силой, поставившей в России жесточайший эксперимент – воспитание нового человека». Трудно понять тот эпатаж, который вызвала в душе Ольги Александровны идея «воспитания нового человека». Возможно, это будет новостью для кандидата филологических наук, почетного доктора богословия Европейского гуманитарного университета (Минск), старшего научного сотрудника Института истории и теории мировой культуры Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, но каждое крупное и что-то собой представляющее социальное течение ставит основной своей задачей именно «воспитание нового человека»! Да-да, Ольга Александровна, это именно так!

Увы, всегда имеющийся в наличии «человеческий материал» социализировался в эпоху «до того». Он обладает «старыми» →

Ольга Седакова: «И поскольку почти все согласились предать убитых забвению, в <...> участия в их поминовении есть акт покаяния.

Зачитывая и слушая имена погибших, мы пытаемся искупить нашу общую вину»

→ идеологическими установками, порою не согласными с требуемыми для усвоения новых идей. Он неспособен «модернизироваться», ему необходимо «многим вещам научиться». Следовательно, чтобы получить широкое распространение и надежно укорениться в обществе, любому социальному течению необходимо «воспитать нового человека». Своего человека. Такова была задача христианства, которая стоит пред ним по сию пору и будет стоять до Второго Пришествия. Такую задачу поставили перед собой протестанты начиная с Лютера. Такова задача буддизма. В этом цель «закона Моисеева». Эта архиважная задача коммунистов.

Да и разве не помнит Ольга Александровна, сама человек православный, верующий, слова Спасителя: «Никто не вливает вина молодого в мехи ветхие: иначе молодое вино прорвет мехи, и вино вытечет, и мехи пропадут; но вино молодое надобно вливать в мехи новые» (Мк. 2:22)? То есть необходимо сперва мехи новые создать, человека нового, а уж потом...

Но не сошли с сего проторенного исторического пути и г-жа Седакова со товарищи. Они по сию пору бьются, например, над преодолением инерции масс, упрямо полагающих Иосифа Виссарионовича Сталина не палачом и кровавым изувером, но лучшим правителем России. Теперь и Ивана Васильевича Грозного начинают «народец» почитать. Лепными и самыми сытыми годами считают эпоху застоя в СССР, а никак не либеральнейшие 90-е...

Что делать? Настоящее российское общество не отвечает высоким требованиям антирусской российской интеллигенции. Потому она уверена, что ему, обществу, необходимо проделать «работу горя», которая, в частности, «состоит в завершении обряда памяти, в назывании убитых (в эпоху Сталина. – М.О.) по именам, в воздании им долга сочувствия и почтения. В ясном различении происходящего». Так Ольга Алек-

сандровна описывает акцию общества «Мемориал», называемую «Возвращение имен». Далее ее мысль развивается: «И поскольку почти все согласились предать убитых забвению, в этом участии в их поминовении есть акт покаяния. Зачитывая и слушая имена погибших, мы пытаемся искупить нашу общую вину». Следом идет речь о катарсисе, перерождении и прочем.

Иначе говоря, предлагается над большей частью граждан РФ, прибегая к образности Ольги Александровны, поставить «жесточайший эксперимент – воспитание нового человека»! Ибо материал не тот, и думает не так, и смотрит на себя и на историю страны не как положено.

Чем сей эксперимент «наси-

лия» над обществом, особенно при полностью развернутой пресловутой программе десталинизации, кардинально отличен в рассматриваемом здесь ракурсе от эксперимента советского? Оно объективно понять не представляется возможным. Там хотели воспитать человека – строителя нового коммунистического общества, Homo soveticus, здесь желают его избыть и учредить Homo antisoveticus.

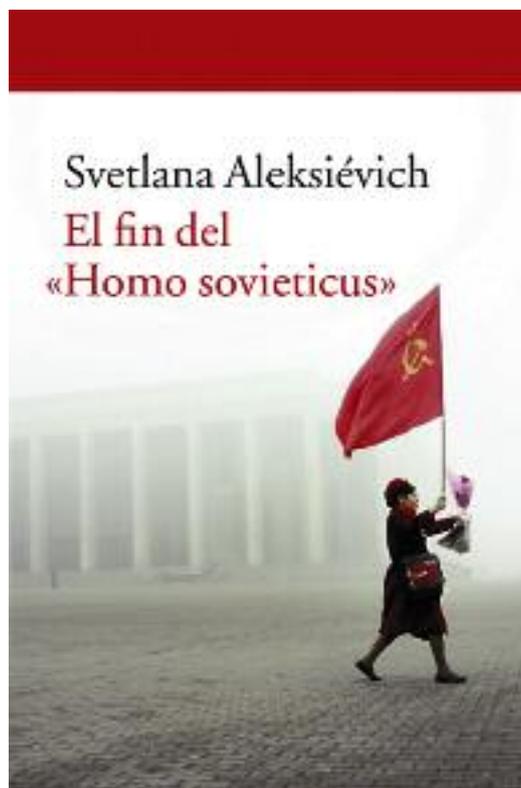
Либерально – а точнее, антирусски – мыслящие активные авторы предлагают определенную практику по изменению мировоззрения огромного числа лиц, выделенных специальным термином «русский» (если ругательно, то совок, если эстетски, то Homo soveticus).

А коли так, то Ольга Александровна хотя и отнекивается, делает удивленные глаза, но таки предполагает «воспитание нового человека» из совка. А такая задача говорит об обязательном наличии некоторой идеологии. Без идеологии здесь никак нельзя. Ведь она, идеология, по меткому замечанию философа-неомарксиста Александра Тарасова, – «опрокинутое в практику мировоззрение». И ежели вы меняете массу мировоззрение, то должны иметь оно у себя.

Следовательно, вслед за г-жой Седковой и нам позволено спросить уже относительно не советской, а исповедуемой ею с ее присными идеологии: чего, собственно, требовала эта идеология от человека? От чего он должен был отказаться и что приобрести, чтобы стать тем «новым человеком», кото-

рого она собиралась создать? В чем заключалась лояльность или нелояльность каждого отдельного гражданина? Кого идеология объявляла своим врагом?

Понятно, что в рамках публицистической статьи невозможно сколько-нибудь исчерпывающе ответить на все вопросы, так хорошо сформулированные Ольгой Александровной, но прояснить ряд принципиальных и очень важных моментов пропагандируемой

Либерально – а точнее, антирусски – мыслящие активные авторы предлагают определенную практику по изменению мировоззрения огромного числа лиц, выделенных специальным термином «русский» (если ругательно, то совок, если эстетски, то Homo soveticus)

ею и ее единомышленниками идеологии, надеюсь, удастся.

III

«Самое главное, это – одичание», – проговорил Падов в засохшее ухо инвалида.

Юрий Мамлеев
«Шатуны»

Рассматриваемые нами выступления г-жи Седаковой и г-на Немцева, как и вообще весь пласт мыслей современной антирусской российской интеллигенции, в одном измерении есть чисто политические, даже пропагандистские творения, а в другом – истерическая попытка авторов выбраться из внутреннего страха и ужаса. Нельзя сказать – горя, ибо горе есть переживание личной невосполнимой потери. Не может быть горе вообще, абстрактное, горе вне гнущей личности. Здесь нет ни того ни другого. Здесь явно проступают страх и ужас, наведенные бессилием и невозможность жить с «душевной мутью и растерянностью», жить здесь и сейчас, в «этой» стране, с «этим» народом. Недаром большая часть «благодетелей» бегут из России. Но и там, за границей, не находят они покоя, терзаемые поселенными в их душах «бесами-шатунами». Но об этих – позже.

Центральная идея посланий, подобных выступлению г-жи Седаковой и книге Эткинда, состоит в обращении нашего внимания как на нечто ненормальное, аномальное, из ряда вон выходящее – «на попытку <...> общего “уничтожения реальности”, задуманного и практикуемого властью». Везде и всегда эти антирусские интеллигенты под властью понимают власть именно в России и почти безотносительно к историческому времени – будь то Владимир Креститель, Петр I, Сталин или Путин. Сие смешение «стилей» и времен говорит о том, что конкретные представители власти не имеют отно-

шения к выдвигаемым претензиям. Они – лишь олицетворение, наглядный пример, символ. А вопросы обращены к русским, к системе смыслов русского народа, воспроизводимых оным уже не одну тысячу лет. Здесь же и корень их неприятия властей – поскольку те не в силах ничего сделать с русскими. Если власть из раза в раз поддается опять массе, значит, и власть плоха.

Так, например, «уничтожение реальности» в СССР происходило как «замалчивание смерти миллионов (в первую очередь, убитых в лагерях и тюрьмах “врагов народа”, но не только: по другим причинам скрывалась и смерть солдат на войне, и число погибших в блокаду и от разнообразных катастроф, *damnatio memoriae*, запрет на всякое упоминание об умерших, невозможность →

Памятник князю Владимиру в Москве

Центральная идея посланий, подобных выступлению г-жи Седаковой и книге Эткинда, состоит в обращении нашего внимания как на нечто ненормальное, аномальное, из ряда вон выходящее – «на попытку <...> общего “уничтожения реальности”, задуманного и практикуемого властью». Везде и всегда эти антирусские интеллигенты под властью понимают власть именно в России и почти безотносительно к историческому времени – будь то Владимир Креститель, Петр I, Сталин или Путин

→ узнать дату их смерти, найти могилы, совершить обряд прощания)... Принудительное молчание о «своих умерших», в котором люди жили десятилетиями, распространилось, кажется, и на само осуждение этой реальности».

Что же, присутствие и значение смерти в политике – действительно интересная и важная тема. Но, к сожалению, несмотря на опыт Ольги Александровны в данном вопросе, она таки попала в ловушку, самой себе расставленную. Она писала не научный или литературныйopus, а политический пропагандистский текст и как поэт оказалась увлечена материалом – он, захлестнув Ольгу Александровну, увлек лодку ее поэтической души по политическим порогам и стремлинам к «океану смерти». В результате г-жа Седакова объединила два абсолютно разных, по сути, вопроса, а именно: проблему уничтожения памяти о политических противниках (тот же римский *damnatio memoriae*) и вопрос об объеме и форме пребывания смерти, неизменно присутствующей в общественно-политическом сознании.

По первому вопросу, если мы хотим понять явление, а не выйти с транспарантом и потешить самолюбие, было бы крайне интересно сравнить с научной, но не пропагандистской целью, например, практику «умолчания» в СССР 1930-х годов, на которой концентрируется обычно «либерально» и антирусски мыслящая российская интеллигенция, с современной практикой «войны с памятниками» советским солдатам и с борьбой с советской символикой при одновременной героизации националистических и нацистских формирований, что сейчас происходит в Прибалтике, на Украине и в ряде стран Восточной Европы, например, в Польше. Здесь же можно рассмотреть и эволюцию памяти о Гражданской войне в США – демонтаж памятников южанам. Очевидно, что как на практику *damnatio memoriae* можно сослаться на

постоянное в последнее время смешение в один тип правления гитлеровской Германии и Советского Союза 1930-х годов с неярным переносом этого смешения и на поздний СССР. Но это – абсолютно разные режимы, несмотр-

Умершие «за правое дело народа» оставались «живы», а не умирали, как обычные люди, уходя навсегда. Они, присутствуя в памяти народа, наставляли его и направляли его. Повсюду воздвигались памятники, мемориальные кладбища, устанавливались мемориальные доски, учреждались праздники

ря на наличие отдельных сходных элементов. Скорее больше сходства у режимов Пилсудского в Польше и Гитлера в Германии, чем у последнего со сталинским СССР. Ярким примером подобной практики является исключение польским правительством РФ из стран, участвующих в обновлении музея концлагеря «Собибор».

Со вниманием изучая проблему изменения исторической памяти под влиянием политики, можно провести интересные и важные параллели, позволяющие глубже осмыслить как само понятие социального, так и понятие политического как извод социального, особенно в приложении к современной эпохе глобализации.

По второму вопросу полезно осмыслить явное кардинальное отличие в отношении к смерти и к памяти о ней в СССР и в мифическом мире, где будет происходить предлагаемый г-жой Седаковой и теми, кто разделяет ее позицию, процесс «воспитания нового человека» – *Homotransformatus*.

И здесь мы уже попытаемся углубиться в идеологию, обосновывающую данную трансформацию.

Что касается СССР, то там можно выделить три особые категории умерших.

Первая категория – умершие «за правое дело народа». Они оставались «живы» (вспомним: «Ленин живет всех живых»), а не умирали, как обычные люди, уходя навсегда. Они, присутствуя в памяти народа, наставляли его и направляли его. Повсюду воздвигались памятники, мемориальные кладбища, устанавливались мемориальные доски, учреждались праздники. Главным критерием полагалось требование, чтобы умершие «всю свою жизнь посветили делу освобождения трудового человека». Но поскольку эти умершие были «живы», то не было нужды ни в настоящем горе, ни в «работе горя». Она здесь просто была неуместной. Потому их не отпе-

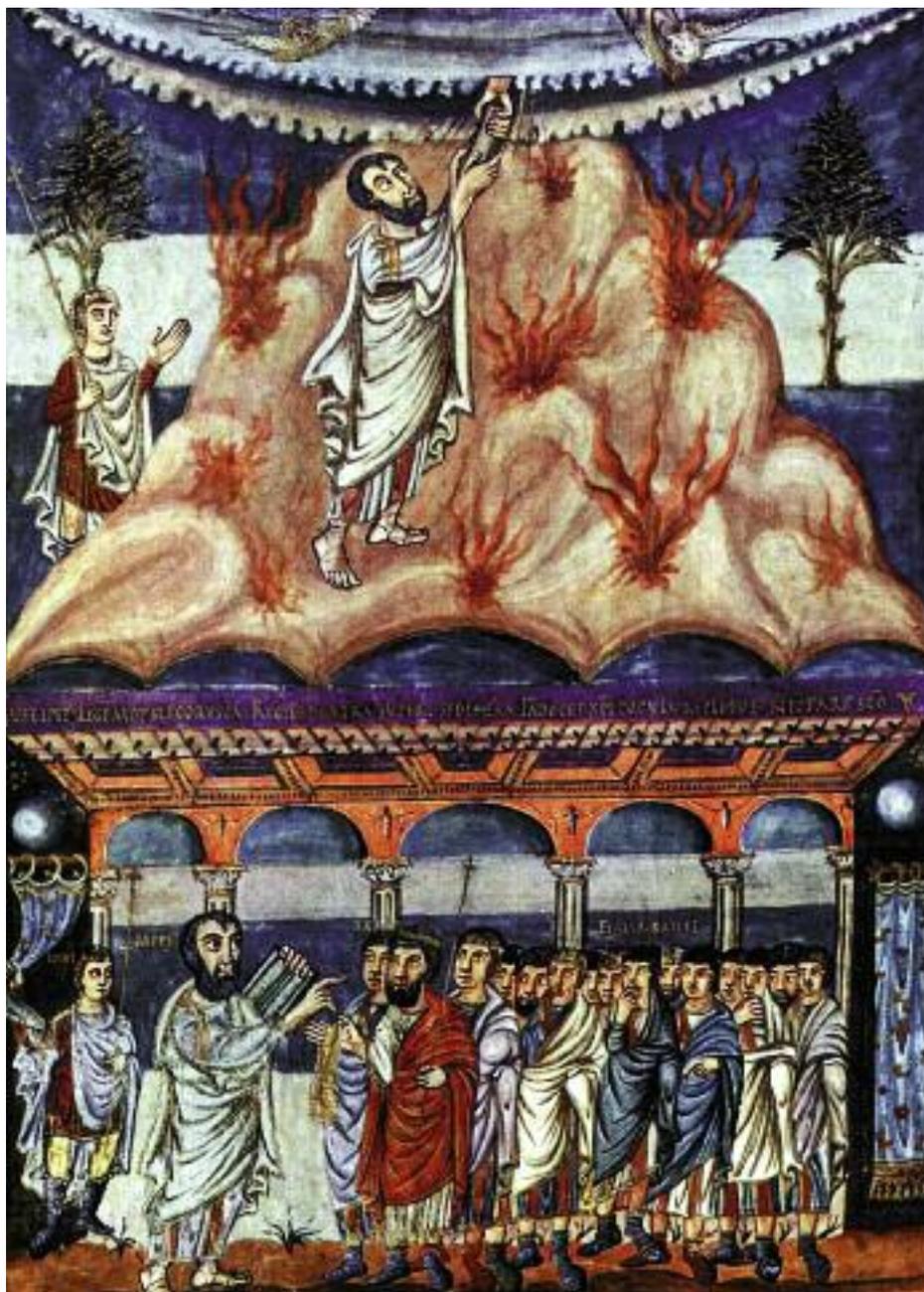
вали – им пели гимны. Допускалась лишь тихая скорбь и уверенность, что их смерть обязывает народ больше трудиться, быть стойким и твердым на своем пути.

Вспомним в связи с этим наставление после смерти Моисея Иисусу Навину со стороны Бога перед началом возложенной на него миссии – вести народ Израиля на завоевание Земли Обетованной: «... будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо, ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих» (Нв. 1:7). Уместна и аналогия с христианскими святыми. Они для нас умерли в теле, но к ним мы обращаемся с молитвами как к живым, с верою, что они слышат нас и могут быть нашими заступниками от бесов и ходатаями пред Христом. А поскольку они живы, то и в память святым служится не панихида, а молебен.

В современной России эта культура поминовения и культура «присутствия» умерших за «правое дело» в памяти живых как наставников вылилась в ежегодную акцию «Бессмертный полк». Ее массовость и естественность подтверждает всё сказанное выше.

Вторая категория умерших – «враги народа». Эти умирали совсем и навсегда. Им не было места ни среди «живых», что погибли за «народное счастье», ни среди обычных мертвых. Ведь «враги народа» хотели лишить народ счастливой жизни. Потому странно было бы чтить память Колчака, Деникина, Власова, Троцкого и т. д. К этой же категории были отнесены и кулаки, и жертвы так называемых чисток. Сию категорию поминали не напрямую, а лишь опосредованно, через память об умерших «за правое дело», к гибели которых они были причастны.

Так и у христиан на иконах изображаются порой мучители святых, но лишь в контексте их участия в судьбах святых как орудия промысла Божия. Да и разве принято у христиан отпевать и даже просто нормально погребать на обычном кладбище тех умерших, что преднамеренно, явно и открыто отвергали Бога?

Моисей и Иисус Навин перед народом Израиля. Около 840 года

«... будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо, ни налево, дабы поступать благоразумно во всех предприятиях твоих» (Нв. 1:7)

Наконец, была третья категория – погибшие, например, в результате обычных катастроф, как пассивные жертвы, хотя и массовые. Они не вписывались в идеологему строящегося коммунистического общества, в котором смерти в традиционном понимании вообще нет места. И потому

им не отводилось самостоятельного места в публичном пространстве. Все они оставались лишь в личном пространстве родных и близких.

Кратко отношение в СССР к смерти можно сформулировать так: умершие за коммунизм оставались «живыми» в памяти народа, ➔

Мученичество святого Димитрия. XV век

И у христиан на иконах изображаются порой мучители святых, но лишь в контексте их участия в судьбах святых как орудия промысла Божия. Да и разве принято у христиан отпевать и даже просто нормально погребать на обычном кладбище тех умерших, что преднамеренно, явно и открыто отвергали Бога?

→ враги умирали навсегда, те же, кто трагически погиб, но не мог быть отнесен к первым двум категориям, ничем не отличались от обычных рядовых умерших естественной спокойной смертью. Их поминовение оставалось частным, семейным делом. Всё сказанное относится к публичному отправлению ритуалов, связанных со смертью. При частном поминовении своих умерших родных ситуация была намного проще.

Выходила вполне себе устойчивая и логичная картина различной посмертной судьбы людей в зависимости от их земной жизни – ни-

чем не хуже христианской, мусульманской или иудейской.

Данная конструкция отношения к мертвым в СССР, подтвержденная опытом не только советским, но и мировым, показывает, что отнюдь не всех мертвых и не всегда хоронят и отпевают. И нет в этом «трагедии» и «катастрофы», которую пытаются нам представить Эткинд и исповедующие его символ веры. Но согласимся на время с доводами Ольги Александровны: мол, имеются «миллионы непогребенных», «неотпетых», «неуспокоенных», а «общество, разорвавшее связь со своими умер-

шими, не погребающее их, не совершающее по ним траур, не хранящее их память, – уже не человеческое общество»; «умершие, которым не оказаны погребальные почести <...> остаются “не до конца умершими”, они не “уходят” из мира живых, превращаясь в жутких и мстительных призраков».

Ситуация, с этой точки зрения, требует немедленного исправления, хотя сам очевидно языческий текст для верующего православного христианина более чем странен.

Исправить... Но что же современные антисоветские интеллигенты предлагают взамен столь неудовлетворяющей их советской «культуры смерти», покаянного XX съезда КПСС и официальной реабилитации «репрессированных», произведенной в 1960-х и особенно в 1990-х годах? Было бы полбеда, коли они намеревались бы просто поменять местами, условно говоря, «жертв» и «плачей». Забыть «палачей» и поминать теперь «жертв». Если бы!

В чем, например, смысл акции «Мемориала» под названием «Последний адрес»? Читаем на соответствующем сайте: «Результатом такой инициативы должна стать установка многих тысяч персональных мемориальных знаков единого образца на фасадах домов, адреса которых стали последними прижизненными адресами жертв этих репрессий».

Хм... Действо сие не просто дань памяти последнему адресу жительства человека в этом мире. Г-жа Седакова как культуролог и этнолог, думаю, подтвердит, что если на дома обычных граждан прикрепляется табличка с именами умерших по форме очень близкая к той, что размещается на могильной плите, и не с целью памяти – «здесь жил и работал имярек», – а с целью указать, что этот мертвый имярек, здесь живший, не отпет и не нашел себе приюта в другом мире – мире смерти, – то такой дом превращается в место жительства мертвых.

Процитируем для христианки Седаковой слова Евангелия от Матфея: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по

безводным местам, ища покоя, и не находит; тогда говорит: возвращусь в дом мой, откуда я вышел. И, придя, находит его незанятым, выметенным и убранным; тогда идет и берет с собою семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Мф. 12:43–45).

И вот по результатам «магического» действия, осуществляемого «Мемориалом», все «репрессированные», которых, по его данным, более 2,5 млн человек, не то чтобы станут «живы» в памяти, как были «живы» вожди коммунизма, нет – их приглашают на действительное «жительство» в дома живых. Не в память, а в дома! Это не этическая «работа горя», а метафизическое изменение реальности.

Отныне нет отдельного места, где покоятся мертвые, и отдельно, где находятся живые, как это было везде всю историю человечества. «Мемориал» предлагает разрушить стену, отделяющую жизнь от смерти, осушить Лету, построить мост через «великую пропасть» (Лк. 16:26). Мир мертвых и мир живых теперь ничто не разделяет. Теперь город живых и город мертвых стал одним городом. И живые тут, заметим, не на первенствующем месте, ибо их дома помечены как дома мертвых. По сути, живые на подселении у мертвых.

Но эти устроители «нового человека» не только размещают «репрессированных» мертвых в одних домах с живыми, но и не желают отпустить в другой мир и «палачей». Именно на это направлена в том числе и так называемая программа десталинизации, ранее рассмотренная на заседании рабочей группы Совета по исторической памяти, переданная президенту РФ на встрече 1 февраля 2011 года в Екатеринбурге и по сию пору не отвергнутая. Эти должны быть все названы и сохранены в памяти.

Но и здесь не конец. Наши «герои» не собираются останавливать счет мертвецов «репрессированными» сталинским режимом. Недавно г-н Немцев к непогребенным отнес и более 1700 мирных жителей, якобы погибших

(по данным «независимых источников») от атак ВКС РФ в Сирии. Заметим, что не десятки тысяч убитых в Ливии, не миллион погибших в Ираке и не тысячи уничтоженных в Сирии действиями ВВС коалиции. Именно жертвы, приписываемые РФ, оказались неназванными поименно, неотпетыми и непохороненными. Именно над ними народ России должен «проделать работу горя», чтобы «спать спокойно».

В результате у живых предполагается отнять дома, отнять память, отнять собственное мнение, отнять будущее... Последнее вообще не предполагается. Конструируется мир вечно дрящего прошлого. И выходит, что уже и места живым среди мертвых совсем не остается. Но ситуация, оказывается, еще сложнее.

IV

А одна книга, внимательно прочитанная, одна соната, внимательно прослушанная, – достаточный камертон для оценки остального.

Ольга Седакова

Теперь, наконец, мы в силах вытащить «внутренности» идеологии, что фундирует на отдельно взятой территории РФ «воспитание нового человека», того самого Homo antisoveticus. Подчеркну, что буду говорить о «внутренностях» этой идеологии, а не излагать ее суть.

Обращение Ольги Александровны Седаковой, в своем выступлении в Милане к роману Юрия Витальевича Мамлеева «Шатуны» симптоматично до невероятности. По-моему, она не осознавала, насколько оказалась точна в этом. Настоящий поэт.

Впрочем, поэтическая душа Ольги Александровны и тут ввергла ее разум в ошибку. Ошибку аналогичную той, что допускают многие, относя, например, антиутопии Джорджа Оруэлла «1984» или Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» к описанию коммунистического будущего, тогда как это романы-предупреждения, указывающие на вероятные тенденции разви- ➔

Отныне нет отдельного места, где покоятся мертвые, и отдельно, где находятся живые, как это было везде всю историю человечества. «Мемориал» предлагает разрушить стену, отделяющую жизнь от смерти

→ тия самого Запада. Сегодня это уже совершенно явственно видно. Так и с мамлеевскими «Шатунами» у Ольги Александровны вышло.

«Шатуны» – это не роман о «неизжитой, загнанной внутрь травме» в смысле «согласия на молчание и забвение убийств» сталинизмом со стороны мизинных советских людей, как думается Ольге Александровне и многим, союзным с ее образом мысли. В романе описаны не «мороки и уродливые “сложности” того мира». «Того» – в смысле советского. Отнюдь нет. По словам самого Мамлеева, герои «Шатунов» возникли у него и легли на бумагу в глубоком подполье, то есть максимально вне социума. Они не порождение масс, они творение индивидуумов, в лучшем случае узкой группы людей, противопоставляющих себя обществу, преднамеренно отделивших себя от него. «Шатуны» есть результат деятельности одинокого мышления, заблудившегося в самом себе. Недаром, чтобы писать этот роман, Мамлеву необходимо было войти в особое психическое состояние. Он разработал даже специальную методичку входа и выхода из него. Запомним – и выхода! «Шатуны» как таковые есть порождение мышления параноидального, заикленного на сверхценной идее, не разделяемой большей частью общества, которому по этой причине оно, мышление, противостоит, которое оно презирает и, вообще говоря, боится и ненавидит.

Литературные герои Юрия Витальевича Мамлеева – в каком-то смысле антиподы литературных героев Василия Макаровича Шукшина. И те и другие странны, неординарны, необычны и одиноки. Но они из разного теста. У них разная суть. Шукшинские «чудаки» таковы, поскольку они захвачены идеей общего счастья, в них полно жизни. Все их поступ-

ки и вся их необычность именно от избытка жизни и предвкушения общего счастья. Счастья, которым они жаждут поделиться со

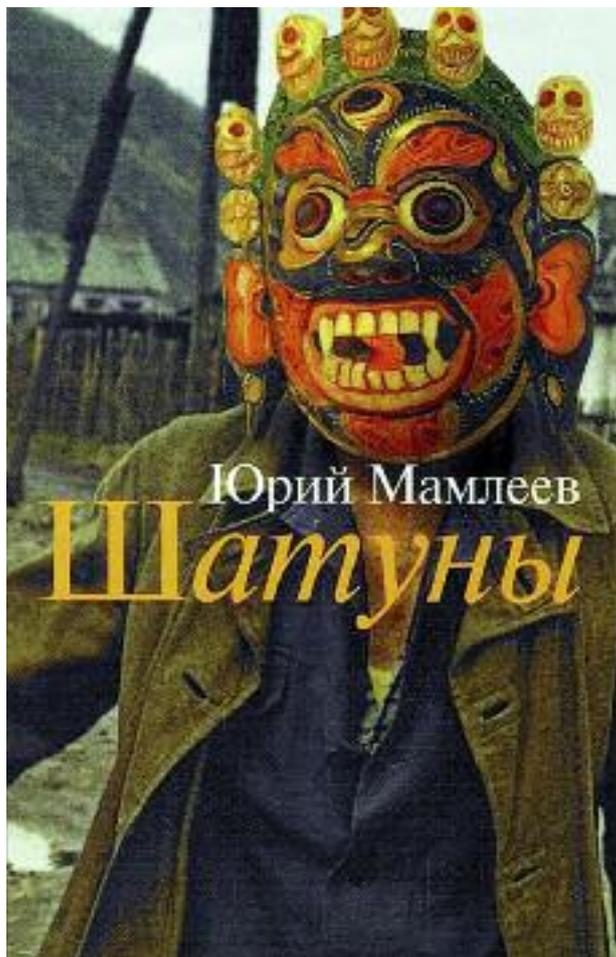
ли придумал все ужасы России 90-х годов?» То есть он не к миру «тоталитарного» СССР апеллирует, не в нем находит яркие при-

меры сознания, порождающего «шатунов», а во времени построения в России «дивного нового мира», «капитализма» и «демократии». Мира, о котором столько говорили и так мечтали диссиденты и который с некоторой корректировкой желают учинить в «этой стране» г-жа Седакова и такие, как она. Именно из этого «дивного нового мира» «Мемориала», мира десталинизированного будущего идут к нам «шатуны», пытаясь заменить собою солнечную реальность партикулярного бытия.

Из сказанного следует, что неправ г-н Эткинд, когда в своей книге подробно, с огромным количеством примеров очень вольно и своеобразно интерпретируемых и оцениваемых им художественных произведений пишет о том, что память о репрессиях, которую «форматировало» Сверх-Я со-

ветской цензуры, проступала в кривых, страшных, жутких образах творчества музыкантов, художников, ученых и т. д. Она здесь якобы пыталась найти себе выход наружу.

Мы даже не будем останавливаться на крайне сомнительном, с научной точки зрения, почти прямом принесении Эткиндром методов, интерпретации и выводов фрейдовского психоанализа, созданного и апробированного при исследовании психики отдельной патологической личности, на психологию не только масс, но и на психологию, если так можно выразиться, системной, исторически длительной, самовоспроизводящейся, устойчивой общности – народа. Одно это должно дать веские основания настороженно относиться к выводам и рекомендациям Эткинда. Настороженно и с огромным сомнением.

«Шатуны» как таковые есть порождение мышления параноидального, заикленного на сверхценной идее, не разделяемой большей частью общества, которому по этой причине оно, мышление, противостоит, которое оно презирает и, вообще говоря, боится и ненавидит

всеми. Мамлеевские «экспонаты», напротив, боятся жизни, они вне ее, она их пугает, они ей чужды. Им покойней рядом со смертью или хотя бы с нежизнью.

Но продолжим. Мамлеев, отвечая в своем позднем интервью на давнее замечание одного из западных литературных критиков, что тот не хотел бы жить в мире «шатунов», впрямую говорит: «И я

Например, Эткинд видит отличие ГУЛАГа от нацистских лагерей смерти в том, что не «логика производства» определяла в нем действия властей, а главной была «логика пытки», логика установления «мучимой жизни» для заключенных. Иными словами, проведя анализ по своему методу, г-н Эткинд установил, что нацисты при учреждении лагерей смерти в первую очередь преследовали экономические цели – получение дешевой рабочей силы! Более нелепого вывода и более далекого от того, что нам известно о нацистских лагерях, сделать, кажется, невозможно. К слову, сам Эткинд тут же, опровергая сам себя, пишет, что многих «зэков», уже «доходяг», «освобождали до истечения срока (лагерного. – М.О.), чтобы они не портили лагерной статистики».

Собственно, большая часть текстов и предложений антирусской российской интеллигенции полна подобных оксюморонов и несуразностей, проистекающих из прямого перенесения личных переживаний на массы, приписывания своих страхов всему социуму, который их якобы имеет, но не замечает, а они замечают, но уже почти не имеют. Так, г-н Немцев абсурдно утверждает, что память нынешних поколений о ГУЛАГе есть «чаще всего незнание о том, что происходило “там”». Память есть незнание... То есть масса ничего не знает, и потому она ненормальная, нецивилизованная, другая.

Отсюда логично проистекает, что вся деятельность рассматриваемой нами антирусской российской интеллигенции направлена на «пробуждение» памяти, на «просветление», на «просвещение» народных масс. В нашем контексте – на освобождение «шатунов» от оков «сна».

Но Эткинд совершенно напрасно истратил литры чернил и стал соучастником уничтожения гектаров леса, из которого сделали бумагу, пошедшую на издание его книги. Не может быть никакой «работы горя», если нет самого горя. Ведь даже по мнению самих либеральных «прогрессоров», масса ничего не знает.

Юрий Мамлеев: «И я ли придумал все ужасы России 90-х годов?»

У русского народа нет горя по поводу эксцессов 20–30-х годов прошлого века. Сомнительна вообще концепция горя как одного из вариантов эмоционального состояния большого коллектива, тем более этноса. Даже у такого опытного в данном вопросе народа, как еврей, и то можно обнаружить только печальную надежду, но никак не горе. Они не торопятся проделать, по совету г-на Эткинда, «работу горя» над Храмом, отпев и похоронив его.

«Шатуны» и все эти столь пугающие антирусскую российскую интеллигенцию образы родились именно в головах «якобинцев»-шестидесятников, не нашедших поддержки своей революционной страсти ни у народа, ни у власти. Эти «комиссары в пыльных шлемах» оказались абсолютно чуждыми мещанской обыденности масс и осторожной косности чиновников эпохи «застоя». Потому их энергия революционных преобразований, сверхценные идеи построения небывалого общества вылились или вовне – в эмиграцию, – или внутрь – в абсентеизм, в любовное пестование своих идей и мечтаний, которые постепенно переродились в параноидальные формы. Неприятие обществом и властями их якобинского революционного максимализма, не нашедшего себе применения в ре-

альной деятельности, и породило феномен «шатунов».

«Шатуны» чужды реальности. Она их враг. Они не приемлют ее. Они хотят по возможности ее, реальность, уничтожить, чтобы создать свою «реальность смерти», в которой только и могут «комфортно» – точнее, без постоянной боли, притупив оную, – жить. Для этого «шатуны» и испытывают окружающую реальность на прочность.

Но «шатунам» непросто, даже невозможно выйти из подполья мышления, чтобы явиться на свет Божий. Свет реальности для них невыносим, следовательно, надо сперва его погасить. Как? Разорвав связь мышления с реальностью. Тогда мышление, погруженное в сумрак сознания, начинает питаться только образами, произведенными самим собой, – как мамлеевский «шатун»-самоед Петя, питавшийся лишь выращенными на своем теле грибами, лишаями и прыщами, или как «шатун» Извицкий, в беспредельной любви к самому себе замкнувший весь мир на себя и выбросивший из него всё, что не есть он сам... (Вспомним третьего кадра из повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу».) Такое замкнутое на себя сознание, не имея опоры в объективном бытии, само порождает «шатунов».

→

→ Действительные способы разрыва неважны, главное – разорвать связь. Например, постоянно и всюду определять современно российское общество не иначе, как «посткатастрофическое», как «посттравматическое», как «посттоталитарное», просто «тоталитарное», «опосредованное советским террором», «нецивилизованное», «отсталое» и т. п.

А коли обыденная реальность для «шатуна» невыносима, то и

дителям, дедам и прадедам»? Как можно жить счастливо потомкам «палачей», когда, по словам Яна Рачинского, члена правления общества «Мемориал»: «До сих пор почти никто из виновных в расстрелах не был наказан, и важно хотя бы предать огласке их имена. Не столько для возмездия (оно уже явно запоздало), но чтобы в будущем участники таких преступлений понимали, что рано или поздно их внукам придется прятать глаза».

хом «шатуна» к простой реальности и бегут из страны как черти от ладана.

Психологически такое состояние их души сродни состоянию души террориста, основной мотив деятельности которого – невозможность совместного существования с окружающими, полное неприятие действительности, которую он жаждет уничтожить, но которая сильнее его. Террорист, будучи сам частью ненавистного ему мира, согласен погибнуть, в этом нет сомнения, то только вместе с миром и как его часть. Антирусская же российская интеллигенция также хочет разрушить окружающий ее «ненормальный», «дикий» русский мир, который пытается жить счастливо вопреки всему, но вместе с тем она хочет продолжения своего физического существования и не согласна на личную смерть.

Впрочем, и здесь ей не удастся избежать суицида. Как террорист, погибая, уничтожает вместе с другими и себя как часть нетерпимого им мира, так и носитель «шатунов», поедая себя, свое мышление, уничтожает одновременно и окружающий его «мерзкий» мир, отказывая ему в праве на достойное существование.

Но русский народ своих «шатунов» все-таки укротил и «уложил спать». И тех, что связаны с Революцией 1917 года и Гражданской войной, и тех, что связаны с трагическими событиями 1929–1937 годов. Давно посадили на цепь «шатунов» своих революций французы и жители туманного Альбиона. Аналогично смогли бы сделать и немцы с «шатунами» Второй мировой, если бы оных постоянно не будили союеди и евреи.

И «знаменитый» пример г-на Эткинда, гордо и регулярно им демонстрируемый, с изображением на 500-рублевой купюре якобы не Соловецкого монастыря, а Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) уже никого не беспокоит, что говорит как раз о закрытии вопроса о Сталине и репрессиях в душе русского народа. Это лишь г-н Эткинд и ему подобные всё пытаются прикрепить к ногам идущей вперед нации гири «духа горя». Это только в их

«Знаменитый» пример г-на Эткинда с изображением на 500-рублевой купюре якобы не Соловецкого монастыря, а Соловецкого лагеря особого назначения уже никого не беспокоит, что говорит как раз о закрытии вопроса о Сталине и репрессиях в душе русского народа. Это лишь г-н Эткинд и ему подобные всё пытаются прикрепить к ногам идущей вперед нации гири «духа горя»

те, кто растворен в оной, сиречь «народные массы», мизинные люди, также невыносимы. Они невыносимы уже потому, что не могут быть представлены без «быта». И потому в фантазиях Ольги Александровны и мыслящих ее штампами сегодняшний мир должен быть уничтожен, ибо он «прокажен». Поражен неизлечимо.

А ведь и правда – как можно жить спокойно и счастливо, заботясь о «быте», и думать о величии страны, когда на всех лежит такая вина? Когда всех вскоре пронзит «понимание того, каким мучением и поруганием была жизнь, которую предложили нашим ро-

В общем, как говорил мамлевский «мошка»-«шатун» Игорек: «Люди должны объявить поход против счастья... И тогда они увидят новые миры». Добавим – «дивные новые миры».

Поэтому и те, кто взрастил в своем сознании «шатунов», с отвращением смотрят на окружающий их русский мир. С ненавистью. Вспомните, что говорят представители антирусской российской интеллигенции о стране, о простом народе, об истории России. Но они и к себе относятся с такой же ненавистью. Не имея в России никаких притеснений или докуч, они в непонятной им самим панике снедаемы стра-

душах не закрыты счета революции, что естественно для якобинцев. Истинную же цену и глубину что любимого купюрного примера Эткинда, что всей идеологии «бесконечного русского покаяния» – но уже в гротескном, смешном, уничтожающем всю их ценность варианте – продемонстрировал депутат Госдумы РФ от фракции ЛДПР Роман Иванович Худяков, нашедший уже не на 500-рублевой, а на 100-рублевой купюре гениталии у Аполлона.

Однако своими «шатунами» антирусская российская интеллигенция населить окружающий реальный мир не может, ибо это явление сугубое, эгоцентричное, суть которого есть мистическая бесконечная любовь к Себе. И форма этой любви не имеет значения. Будь то полное неприятие мира, как у мамлеевского «шатуна»-Пети, или полагание оного лишь источником сексуального удовлетворения, как у «шатуна»-Павла, или, напротив, отвержение мира, совершаемое путем самостоятельного оскпления, «потому что надоело», а не из-за «умствования», как у «шатуна»-Михея. Окружающий «шатуна» мир при этом становится совершенно лишним. А значит, своего «шатуна» выпустить вовне просто нельзя. По сути, и некуда. Любовь к Себе и параноидальная несвязность «шатунов» с действительностью не дадут это сделать. Но и жить с «шатунами» невозможно. Страшно. Муторно. Они изгрызают душу человека-носителя, как тело издирает медведь-шатун.

Каков же выход для антирусской российской интеллигенции? Мнится ей, что если боль будет всеобщей, если боль разольется по всему обществу, если она станет обыденным явлением каждого, тогда личная боль притупится. Она уже не будет столь явной и невыносимой. Если у всех будут перекрыты пути к счастью, то и собственная твоя неспособность к нему уже не будет иметь никакого значения. Потому и мечется по миру антирусская российская интеллигенция в поисках успокоения. Но напрасны надежды. Не будет облегчения.

И возникает у Седаковой и ее единомышленников острая по-

требность в населении окружающего пространства «шатунами», произведенными каждым из нас.

Но оказывается, что ординарные люди – это другие существа. Они независимы от Седаковой. Они имеют свое «Я» и свободу воли, свободу выбора. Причем в их «Я» нет места для «шатунов». Как мамлеевский «шатун»-Павел «сопоставлял их (детей, а в нашем случае – мизинных людей. – М.О.) со своим сладострастием и впадал в слепую, инстинктивную ярость от этого несоответствия», так и наши «герои» впадают в дикую ярость, будучи не в силах ни повлиять, ни осознать, ни отрефлексировать всё, что есть «не-их-Я».

И выходит, что «шатуны» населяют отнюдь не сознание нквдшников и вертухаев и уж, конечно, не молчаливые массы населения, как думается г-же Седаковой. Эти, даже если представить себе крайний случай, не озабочены метафизикой, «духами революции» и «работой горя». Они жили тогда и живут ныне сегодняшним днем. Все рядовые обыватели, якобы усвоившие «подписку о неразглашении» и продолжающие «молчать» сегодня, как и в 37-м, погружены, даже растворены в текущей обыденной реальности, в заботе о прожитии каждого дня, в «прозе жизни». Они даже не рефлексируют сегодня по поводу того, что «завтрашний (день. – М.О.) сам будет заботиться о своем» (Мф. 6:34). Они просто в этом живут. У них нет завтрашнего дня, как наступления конкретного будущего, следующего за сегодняшним, проживаемым ныне мгновением. Именно потому Ольге Александровне и таким, как она, кажется столь важной «борьба за реальность», которую-де уничтожают власти. Но борьба за какую реальность? И за реальность ли?

V

Но, а если серьезно, то главное, на мой взгляд, – это просто назвать все вещи своими именами – этого будет вполне достаточно.

Денис Карагодин
Попробуем теперь проиллюстрировать наши несколько отвлеченные рассуждения конкретным жизненным примером. Вот Оль-

га Александровна Седакова в своем миланском выступлении говорит о «работе горя», которую проводит «молодой философ из Томска (почему из Томска, когда он уже два года является гражданином Литвы и там живет? – М.О.) Денис Карагодин. Он занялся архивными разысканиями обстоятельств убийства его прадеда, крестьянина <...> с тем, чтобы подать в суд на всех участников этого убийства, по цепочке – от палача-исполнителя до Сталина».

На собственном сайте Денис Валерьевич Карагодин так формулирует цель своих действий: «Привлечь к ответственности (в процессуальном порядке на основе актуального законодательства) всех лиц виновных и причастных к его убийству». Под словом «всех» в своих целях г-н Карагодин понимает буквально всех, тотально всех.

Но ведь никого из них привлечь не представляется возможным «на основе актуального законодательства», поелику имеется в УК РФ ст. 24, а в ней в п. 1 сообщается, что «уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по следующим основаниям», из которых в ч. 4 этого пункта называется, в частности, «смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего». Все подозреваемые по этому делу давно мертвы, прадед Карагодина реабилитирован еще в 1955 году. Тогда к чему это всё Карагодину?

Суть действий гражданина Литвы Карагодина можно охарактеризовать как частную вендетту против давно умерших людей, вынесенную на уровень публичного действия. Этакий эксгибиционизм. В противном случае вне публичности она полностью теряет свой смысл. Потому Денис охотно дает интервью немецким, норвежским и американским изданиям (последняя публикация – от августа 2017 года). Причем это не та сицилийская вендетта, когда ты лично встречаешься с врагом и убиваешь его, не касаясь детей и родных, отнюдь. Ведь там и риск есть для тебя, и честность в сражении не →

→ обходима. И ты сам можешь стать жертвой. Даже более того, ты заранее знаешь, что если останешься жив, то наверняка тебя попытаются убить. Око за око, и зуб за зуб. Тут не то. Карагодин жаждет мести, но себя видит не палачом, не убийцей. Он выше этого. Он вне этого. Ведь и Федя Соннов из мамлеевских «Шатунов» не убийца, он не резал, а исследовал, пытался проникнуть в «другой мир».

Вот слова Карагодина: «В отношении же водителей и машинисток скажу так. Мною установлен весь список водителей гаража Томского горотдела НКВД (включая и экспедитора «ЗК»), и на пару машинисток горотдела у меня тоже есть данные. Но это уже всё же скорее факультативная цель. Машинистку мы не “притянем” как соучастницу (хотя, если отработать почерк печатных ма-

печатали приговор, строитель, что строил тюрьму, где сидел его прадед, рабочий, изготовивший патрон, которым был убит родственник Дениса, осужденный, который валил лес, из которого потом сделали бумагу, на которой машинистка отпечатала приказ о расстреле... В общем, выходит вывороченный, превращенный в дурную бесконечность «мир, который построил Денис».

И здесь трагедия прадеда Карагодина, или, как настаивает Ольга Александровна Седакова, «работа горя» г-на Карагодина, превращается в фарс. Правда, в страшный фарс. Впрочем, ничего иного не может произойти, если пытаться серьезно претворить в жизнь предлагаемый параноидальным мышлением «шатуна» вариант. Это такое собственное «излечение» через заражение всех остальных.

Карагодин очень похож на тех «шутов»-«шатунов» из романа Мамлеева, которые на вопрос главного героя Соннова: «Для чего вы их убиваете?! Чего ищете?!»

(в смысле убиваете зверским образом. – М.О.), – согласно отвечали: «Ничего не ищем... Мы получаем удовольствие... И ничего больше... Наслаждение... Наслаждение... Во-первых, ненависть к счастью, но это другое... Потом: они живые, а мы их – раз, и умерщвляем... Нету их... Значит, мы в некотором роде боги... У всех троих оживились личики и точно появились невидимые короны».

Карагодин – и судья, и адвокат, и почти палач. Он в своих фантазиях, похоже, исполняет роль бога. В его власти и карать, и миловать. Он назначает жертвы и далее поступает с ними по своему изволению: «Живите со спокойной душой, а главное – с чистой совестью. Ни я, ни кто-либо из моих родных или близких никогда не будет ни в чем Вас винить», – пишет он в письме внучке работника НКВД, «отпуская ей грехи».

Трагедия прадеда Карагодина, или, как настаивает Ольга Александровна Седакова, «работа горя» г-на Карагодина, превращается в фарс. Правда, в страшный фарс. Впрочем, ничего иного не может произойти, если пытаться серьезно претворить в жизнь предлагаемый параноидальным мышлением «шатуна» вариант

Деятельность Карагодина напоминает перформанс, постановочное шоу с неограниченной длительностью, для него лично не просто безопасное и позволяющее поддерживать приличное существование, давать интервью, но, по большому счету, помогающее вылить вовне весь яд души, всю отстоянную там тьму, выпустить всех «шатунов», «ибо от избытка сердца говорят уста его» (Лк. 6:45). Сомневаетесь?

шинок, сличить график смен и пр. – это возможно). Водителя же как соучастника “притянем” 100 процентов». Заметьте, человек выражает сожаление, что машинистку притянуть нельзя и радостно сообщает, что водителя он точно сможет отдать под суд.

В мире Карагодина виновны все – водитель «воронка», что вез арестантов, машинистка, что печатала приговор, уборщица, что наводила чистоту в кабинете, где

И круг жертв Карагодина и аналогичных ему – весь мир. Весь мир ему должен, а поскольку мир его не видит и не слышит, поскольку мир не знает о своем долге Карагодину, то Карагодин ненавидит мир. И характеризует себя Денис как «человека, хотящего раз и навсегда обнулить всю эту бесконечную кровавую русскую баню. С этим должно быть покончено раз и навсегда».

Карагодин, как и Седакова, видит выход в полном уничтожении окружающего его русского мира – через экзорцизм, изгнание его духа, то есть всего русского, при оставлении одной лишь оболочки.

Мы знаем, что антирусская российская интеллигенция не хочет изменения себя и своих товарищей, она требует изменений всех других. Антирусская российская интеллигенция – это судья! Все другие должны принять ее точку зрения и ее подход к жизни – потому как это единственный правильный путь. Только они – седаковы, немцевы, карагодины etc. – обладают истиной и имеют право судить, требовать и направлять. Всем остальным не дано право голоса.

Ставится под сомнение не только право на жизнь других, но и, как мы убедились, право на смерть... Право на память... Но мы же, вроде, «Мемориал»! Сохраняем память, вроде бы? Только об этом и твердим. И г-н Эткинд о том же пишет. Или «Мемориал» заботится о памяти так же, как «Министерство правды» из романа Оруэлла заботилось о правде? Воистину: «Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб». И далее: «Лучше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идет валяться в грязи» (2П. 2:19, 21-22).

Вот и выходит, что «шатуны» в России в наличии только у ментальных соратников г-жи Седаковой. Мир их «шатунов» – это мир монстров-симулякров: «миллионов расстрелянных в 1937

Антирусская российская интеллигенция не хочет изменения себя и своих товарищей, она требует изменений всех других. Антирусская российская интеллигенция – это судья! Все другие должны принять ее точку зрения и ее подход к жизни – потому как это единственный правильный путь

году», «десятков миллионов узников ГУЛАГа», «миллионов высланных в Сибирь с Украины и из Прибалтики», «миллионов изнасилованных немок», «сотен тысяч расстрелянных в Куропатах», «миллионов оставшихся непогребенными и репрессированных, возвратившихся, как зомби, не вполне ожившими мертвецами».

Но общество не готово принять мир «шатунов» как нормальность, как оно не готово было в свое время прочесть роман Мамлеева. Ибо тогда «шатуны» были уже загнаны в подполье мышления, где им самое место. Не то теперь. И вот наши «герои» стремятся заразить физический реализм окружающего их нашего реального мира поедающим их самих метафизическим реализмом «шатунов».

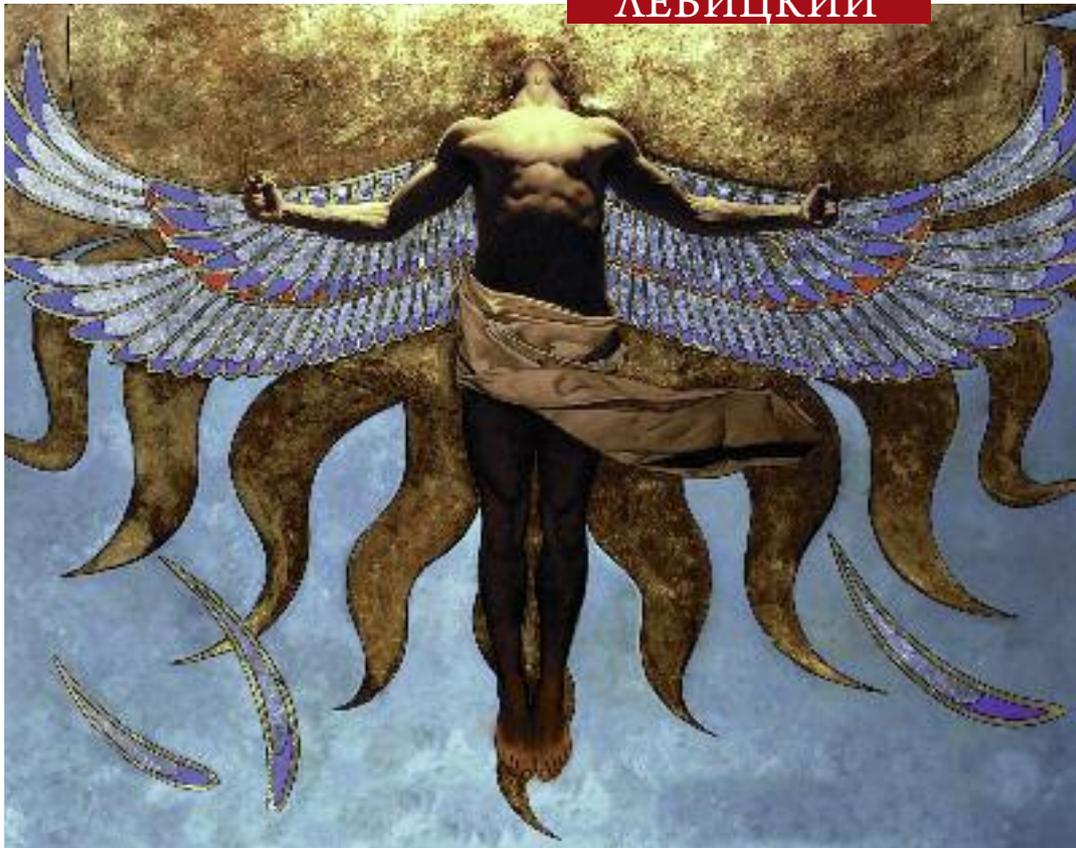
Оттого-то и кончается выступление Ольги Александровны чуть ли не припадком. Этаким экзальтированным, истерическим кредо: «Приблизительно эту веру можно определить так: организованное и ничем не ограниченное насилие над человеком недопустимо

и ничем не может быть оправдано; жестокость во имя чего бы то ни было нам ненавистна; жизнью человека никому не позволено пренебрегать. Вот это настоящее, не придуманное, не устроенное по приказу единение людей».

Истерика? Это хорошо. И нам уже не так страшно от «шатунов». Мы уже не отводим глаз от них. Ведь если поименовать верно предмет, то он ручным становится. Имя их нам теперь известно – «шатуны». И нежить уже не нежить, и морок мертвецов истает...

Ибо права Ольга Александровна: «Увиденность вещей такого рода и есть суд над ними. Они существуют, пока не увидены. Пока от них отводят глаза – или преднамеренно видят только их фрагменты, которые всегда можно вписать в какие-то другие конфигурации. Но если видно всё – тогда мене, текед, фарес. Ты взвешен на этих весах».

И вот «шатуны» определены, названы и взвешены... И каждый «чувствует странное облегчение, тот самый пресловутый катарсис». Рассвет. **Р**

Габриэль Пикар. Икар

Когда мы свободны?

Что это значит,
когда мы говорим,
что мы свободны?
Наконец, что есть
свобода сегодня?

КОГДА МЫ СВОБОДНЫ,

ИЛИ

Можно ли отличить культурную энтелехию
от движения в «релятивистской струе»

«Свобода» – одна из центральных категорий западной цивилизации, во многих отношениях ее краеугольный камень. Миллионы копий были сломаны из-за нее как на физических полях сражений противоборствующих армий, так и в интимных пространствах экзистенциальных переживаний.

С одной стороны, вполне очевидно, что все мы от чего-то аподиктически всегда зависимы: от культурной среды, от физиологических детерминант, от социального статуса, от климата и погоды и т. д. и т. п. С другой – обыденное сознание уверено, что сегодня свободно как никогда: оно воль-

Виктор Сергеевич Левицкий –
кандидат философских наук,
директор Украинского института
стратегий глобального развития и
адаптации

но выбирать производителя йогурта или сыра в супермаркете, свободно в выборе стиля жизни или даже властно над гендерными, казалось бы, инвариантами. Веберовское расколдовывание достигло своего апогея, в результате чего всё стало хайдеггеровским подручным.

В связи с этим встает вопрос о свободе в современном мире: когда мы свободны? Что это значит, когда мы говорим, что мы свободны? Наконец, что есть свобода сегодня?

Идея властвования над человеческими умами не нова и была соблазнительна на протяжении всей истории человечества. Противостояние пророка Илии жрецам Ваала – не что иное, как борьба за

умы. Костры из книг и еретиков, осветившие борьбу против инакомыслия в Средневековье, – симптомы того же желания. Предельных воплощений оно достигло в концентрационных лагерях тоталитарных режимов. Но и они, в конце концов, оказались бессильны против человеческого духа: максимум что им удалось – устроить мясорубку с использованием человеческого «материала», однако мало у кого были иллюзии относительно природы происходящего. Используя христианскую символику, можно сказать, что при полной немощи плоти – дух оказался несломленным. Пределом этой технологии стало физическое истребление и полное подавление личности, уничтожение в ней всех человеческих атрибутов, однако даже ей не все оказались подвластны, о чем красноречиво свидетельствуют примеры Виктора Франкла или Имре Кертеса.

На смену ужасам тоталитарного режима победоносно пришла либеральная свобода, обещавшая окончательное освобождение и даже предвещавшая в связи с этим «конец истории». Однако идея либеральной свободы очень быстро обернулась собственным самоотрицанием, в результате чего мы получили самую утонченную за всю историю свободу от свободы, где нормальный человек просто физически неспособен отследить собственное рабство. И лучшими помощниками в этой власти над умами оказались не костры или лагеря смерти, а культурные индустрии, которые современный человек воспринимает как самоочевидное благо.

Мода – как одна из таких культуриндустрий, – несомненно, формирует современный тип культуры. Речь здесь, конечно же, не только о моде от кутюр, хотя и она имеет принципиальное значение. Молодые люди, идя к парикмахеру в разных частях света, уверены, что проявляют и подчеркивают собственную индивидуальность, выходят же от него с одинаковыми прическами, наследующими Бекхэма, Месси и Роналду, не сомневаясь, что это и есть их, молодых людей, уникальный стиль. Представительницы прекрасно-

Николай Дмитриевич Оренбургский. Вязь великого князя Николая Николаевича в Тырново 30 июня 1877 года. 1885 год

Лукас Кранех Старший. Филлис и Аристотель. 1530 год

В самых бытовых моментах человек думает, что свободно выбирает тот или иной продукт, тот или иной способ времяпрепровождения, на самом же деле просто солидаризируется с уже продуманной и проработанной в деталях культурной стратегией

го пола разных стран, преследуя оригинальность и самобытность, обращаются к услугам пластических хирургов, дабы доказать свою уникальность, и в результате оказываются удивительно похожими на Анджелину Джоли.

С тех пор как мода стала самостоятельной культурной индустрией, ее этосу подчинена практически вся социальная действитель-

ность. Мода на одежду, обувь, внешний вид, питание, досуг, привычки, семейные отношения, воспитание ребенка, отношения к старикам, культурные вкусы и т. д. В самых бытовых моментах человек думает, что свободно выбирает тот или иной продукт, тот или иной способ времяпрепровождения, на самом же деле просто солидаризируется с уже продуман-

Место античного перводвигателя или средневекового Бога в современной социальной действительности занимает страна (нация), которая выступает образцом для всех прочих народов, законодателем той самой моды и иконой стиля.

Когда-то эту роль играла Франция, затем Британия, а сегодня исполняют США

→ ной и проработанной в деталях культурной стратегией. И дело даже не в том, что общество всегда подавляет индивида (Теодор Адорно, Герберт Маркузе) или что воспитание и обучение – это всегда насилие над личностью (Мишель Фуко, Жак Лакан), после имманентизации реальности область воплощения свободы оказалась зажатой в рамках социальной действительности, а в этом пространстве все социальные практики, как выяснилось, подчинены определенным культурным стратегиям, свободы выбора в которых не больше, нежели если бы курица выбирала, каким способом желает быть приготовлена – поджариться на гриле или запечься в духовке.

Как мода в самом широком смысле слова предоставляет готовые рецепты практического действия, так современные СМИ дают сформированные шаблоны для деятельности рассудочной. Зачастую человек лишь выдает желаемое самостоятельное мышление за действительность. В современном мире человек столкнулся с таким количеством информации, что просто неспособен самостоятельно ее обрабатывать, порой стало невозможно отследить, где информация правдивая,

а где ложная, всё более усложняющаяся социальная реальность часто становится понятна только узким специалистам определенной сферы. Методология СМИ на этом фоне становится всё более утонченной, а медиа как таковые давно перестали главной целью считать информирование общественности, занимаясь вместо этого формированием нужной картины реальности. Поэтому нормального человека никак не смущает, что вчера он был уверен в единстве двух братских народов – сегодня же сжигает «Евгения Онегина», а памятники конфедератам, которым прежде возлагал цветы, – сегодня уничтожает. И неспособен он отследить, что реальной причиной таких кардинальных изменений стала на самом деле корректировка медийного дискурса, требующего теперь именно такой реакции от своих адептов. Здесь срабатывает тот же принцип: там, где человеку кажется, что вот теперь уж точно он знает правду и окончательно разобрался, кто олицетворяет добро, а кто inferнальность, на самом деле срабатывает одна из версий реальности (как правило, представленная СМИ), призванная канализировать верования – а сле-

довательно, и энергию – своего реципиента в нужное русло.

Склонность следовать моде, как видим, не столь уж и безобидное дело. Однако в ее основе лежит еще более важный – можно сказать, фундаментальный – для культуры принцип: принцип цивилизационного самодвижения, организующего броуновское движение индивидов в систему планетарного масштаба и наделяющего смыслом это поистине космическое действие.

Когда-то Аристотель увидел перводвигатель мироздания в космическом уме как воплощении всех возможных совершенств: выступая желанной целью, к которой стремятся все вещи и процессы, он заставляет мир двигаться от несовершенного состояния к лучшему. Аристотель назвал эту совершенную форму-цель энтелехией. Так воспринимал Вселенную возвышенный разум греков. В наши дни всё выглядит приземленной, но работает по схожему алгоритму.

Место античного перводвигателя или средневекового Бога в современной социальной действительности занимает страна (нация), которая выступает образцом для всех прочих народов, законодателем той самой моды и иконой стиля. Когда-то эту роль играла Франция, затем Британия, а сегодня исполняют США. Вполне устоявшаяся мысль, что современное величие Америки зиждется на военной мощи и долларе как главной резервной валюте. Однако не меньшее, а скорее даже большее значение имеет поддержание образа моральной привлекательности, к которому по аристотелевскому рецепту весь другой мир должен тянуться. Поэтому Hollywood, CNN, iPhone и прочие бренды, которые создают и поддерживают этот образ, пожалуй, важнее, чем F-35, Javelin и FRS. То, с каким трепетом американские СМИ следят за нужной аксиологией (все в мире должны четко понимать, кто олицетворяет добро, а кто выступает на стороне зла), убеждает в правильности данной гипотезы.

Хорошую пищу для размышления дают два сопоставимых события войны против ИГИЛ: освобождение Алеппо и Мосула. В

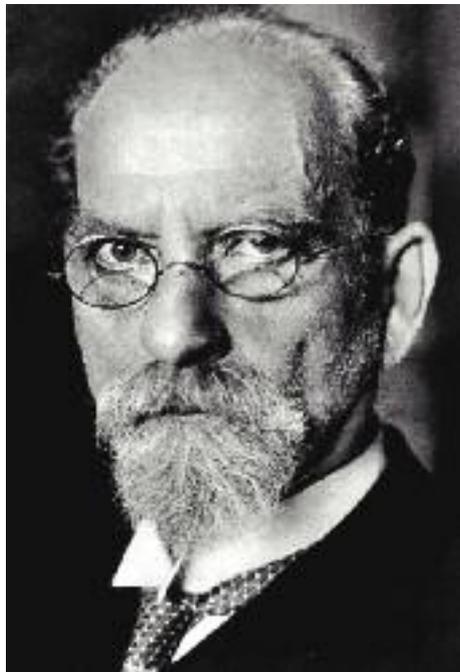
одном случае весь мир узнал о невероятных зверствах со стороны сирийской и российской армий, в другом – о торжестве свободы при тысячах смертей, десятках тысяч беженцев и на фоне мало чем отличимого от Алеппо полуразрушенного города. Бюджеты, которые расходует Hollywood, также подтверждают достоверность данной теории. Тогда понятно, почему, например, Уильям Уоллес – герой Мела Гибсона из «Храброго сердца» – свои последние слова о ценности свободы адресует не шотландцам XIII века, а сегодняшнему поколению, которое не должно сомневаться в том, кто последний защитник свобод в этом мире. А, например, Гарри Стэмпер – герой Брюса Уиллиса из «Армагеддона» – доказывает, что готов на самопожертвование для спасения планеты, в результате чего теперь каждый ее житель знает, какому государству он обязан жизнью. Приведенные примеры подтверждают, что все эти явления не случайные феномены культуры, а эффективные инструменты интеллектуальной стратегии пребывания на вершине пирамиды.

Чтобы убедиться, насколько такая стратегия действенна, стоит повнимательнее посмотреть на вожделения и целеполагания как индивидуальных, так и коллективных субъектов. Для многих людей, желающих эмигрировать, именно США являются пределом желаний, предстают чуть ли не землей обетованной, а Green Card выступает одним из механизмов удовлетворения этого желания. Остающееся же население многих стран, в том числе и Украины, готово идти на откровенное саморазрушение – сознательное и бессознательное – собственной страны, лишь бы не выпустить этот ориентир первоходвиателя из поля зрения.

То же самое замечание справедливо и относительно коллективных субъектов (государств), которые в подавляющем большинстве включены в этот поток. А те из государств, которым всё еще удается сохранять суверенитет, лишь стремятся занять желанное место на вершине геополитической пирамиды, тем самым только подтвер-

ждая историческую инвариантность энтелехийного принципа.

В эти индустрии моды и поддерживающие их технологии вложены такие мощные ресурсы, что простой человек не в состоянии им

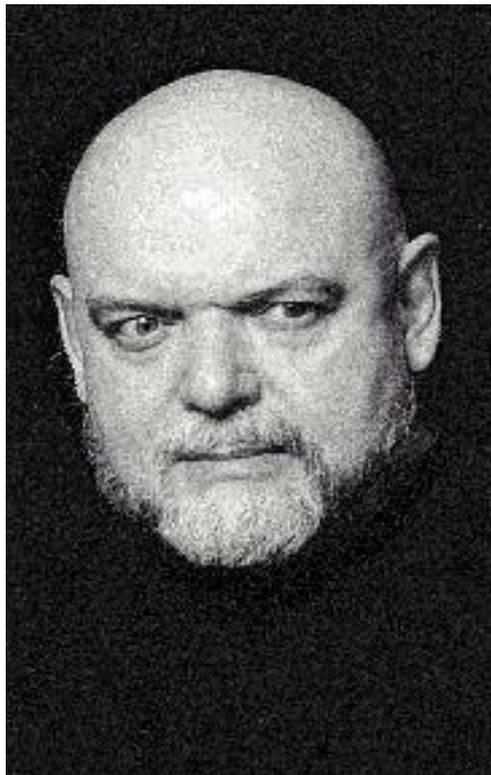

Пользуясь открытием Эдмунда Гуссерля (на фото), можно сказать, что сегодня как никогда нужна редукция, только не феноменологическая, а медийная или даже культурная (культурологическая), в процессе которой в скобки предлагается заключить медийный или – шире – культуриндустриальный дискурс и вступать в коммуникацию без абсолютной уверенности в предзнании «последней истины»

противостоять. Поэтому владелец, например, Mercedes или iPhone будет до последнего убеждать всех вокруг, что приобретение этих вещей явилось его сознательным свободным выбором, а кухонная дискуссия двух друзей превращается в неотслеживаемое простое повторение монологов ведущих воскресных новостей (и это хорошо, когда эти друзья смотрят один и тот же канал). Само-

стоятельное мышление всегда было большой работой – в современном мире оно возможно только вопреки, а не благодаря. Сегодняшние манипуляционные технологии настолько изысканны и утонченны, что позволяют добиться того, чего не удавалось никогда раньше: с их помощью рабство осознается как господство, оно добровольно и желанно, свобода от принуждения (Жан-Франсуа Лиотар) в реальности обернулась свободой от свободы.

Очень похоже, что философские размышления, в том числе подобные этим, мало чем отличаются от других культурных артефактов и смахивают на частички плазмы, из которых состоят «релятивистские струи» – потоки материи, высасываемые из космических объектов черными дырами. Эти струи еще видимы, но вырваться из их космических смерчей уже невозможно. Итогом движения их материи с неизбежностью станет поглощение черной дырой – невидимым центром масс и причиной движения гигантских галактических систем. Наверное, наивно полагать, что существует простой рецепт выхода из сложившейся ситуации, тем более если учитывать, что описанные практики являются стратегиями современного разума как такового. Однако исповедуя принципы идеальной коммуникации (Карл-Отто Апель, Юрген Хабермас), есть возможность, как минимум, постараться самому не впасть в безумие в мире всеобщего безумия. Пользуясь открытием Эдмунда Гуссерля, можно сказать, что сегодня как никогда нужна редукция, только не феноменологическая, согласно которой немецкий философ предлагал воздерживаться от веры в существование объективного мира, а через это – получать доступ «к самим вещам», а медийная или даже культурная (культурологическая), в процессе которой в скобки предлагается заключить медийный или – шире – культуриндустриальный дискурс и вступать в коммуникацию без абсолютной уверенности в предзнании «последней истины». Может, тогда мы сумеем приблизиться к действительной свободе... **Ф**

6 ноября исполняется 70 лет со дня рождения известного российского философа, религиозного и политического мыслителя и исламского общественного деятеля Гейдара Джахидовича Джемали. А 5 декабря будет первая годовщина со дня его кончины. В память об этом

незаурядном человеке журнал Focus.doc помещает подборку его текстов как на религиозно-философскую, так и на политическую тематику, заслуживающих быть представленными читательской аудитории.

Редакция

Метод гностического мышления

Моей задачей здесь являются не историко-академические исследования великих мыслителей – носителей гностического импульса, – которые оставили нам многочисленные ценные следы. Каждое из слов, фраз, тезисов, которые до нас дошли, – это жемчужины, хотя большинство из этих тезисов пересказаны либо противниками гностиков, либо людьми, которые их расслышали, но не поняли. Нам приходится очищать и восстанавливать с огромным напряжением ума и творческого воображе-

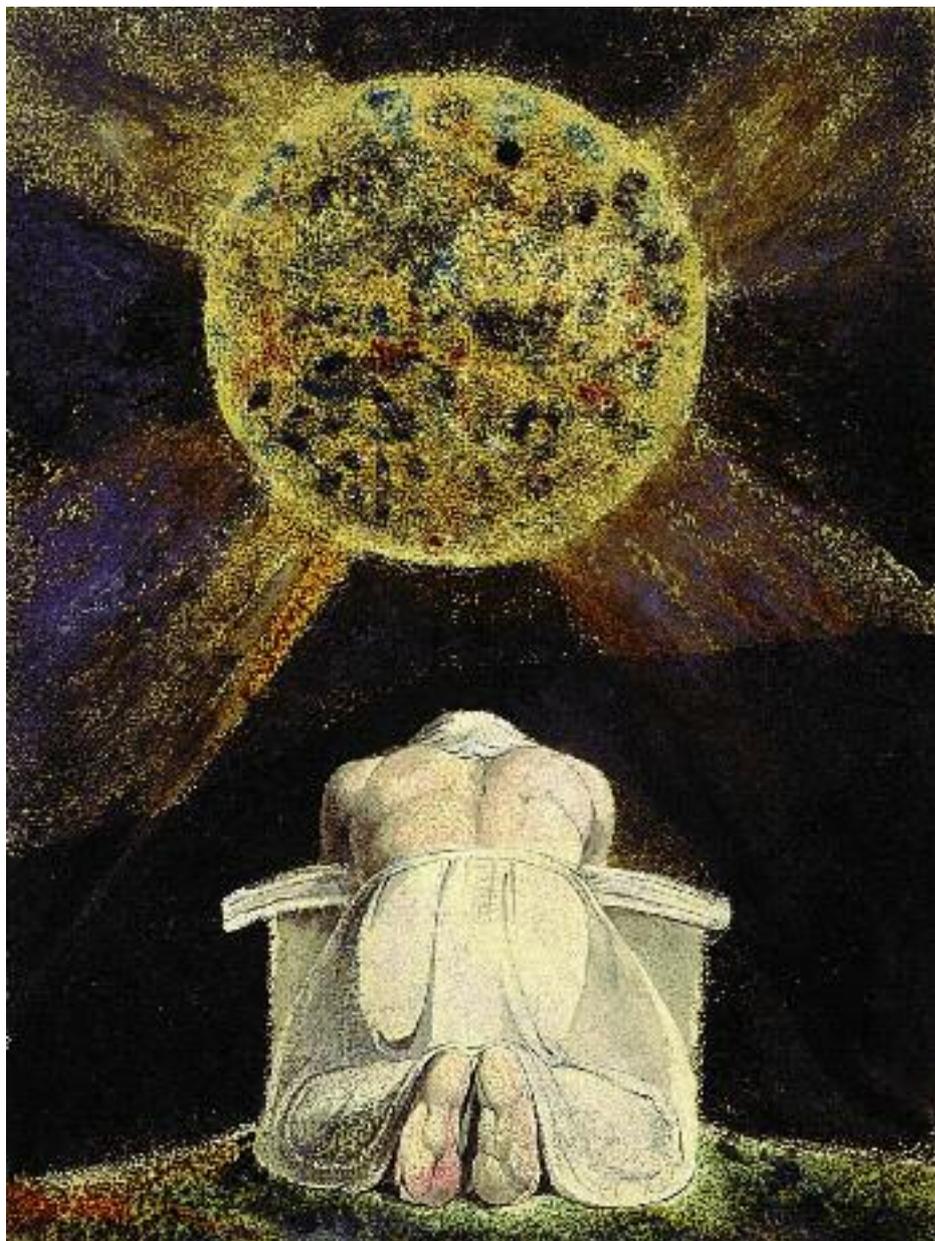
ния первоначальную интенцию этих людей, тем более, что они писали очень закрытым языком, и многие вещи, которые они говорили, строя свои конструкции, имеют непостижимое значение для современного человека, воспитанного в рациональной традиции. Иначе говоря, подразумевания гностиков в те времена были фундаментально связаны с языком, который сегодня в значительной степени утрачен, поскольку язык – это не только словесная оболочка и не только перевод, который можно получить, взяв словарь древнегреческого языка, но и интуитивное семантическое поле, которое гораздо важнее, чем «переводимое зернышко» (последнее может занимать 5 процентов, а 95 процентов есть некое

символично-интуитивное подразумевание, интуитивный посыл). Поэтому когда мы знакомимся с автором, писавшим 200–300 лет назад, существует очень большой риск, что мы просто не ощутим, не почувствуем тех значений, которые испытывали при восприятии этого текста современники. Я поставил перед собой задачу (в рамках короткого доклада она будет реализована ограниченно) коснуться тех импульсов (в их оформлении), которые стоят за гностическим инстинктом, как врожденная воля гностика (а то, что она совершенно определенно врожденная, это здесь уже прозвучало), каким образом она вторгается в ту матрицу, которую гностик неизбежно получает от внешней цивилизации вместе с прису-

щими ей моделями мышления и терминологическими значениями. Гностик имеет дело с чуждым ему плотным миром смыслов, которые он ощущает как враждебные себе и которые должны быть взорваны.

Не у всякого хватит энергии (речь идет об особой энергии, энергии мысли) и мыслительного аппарата для того, чтобы произвести необходимую переделку, перекройку внутреннего интеллектуального космоса и добиться осуществления той мотивации, которая подвигает человека на поход против всего само собой разумеющегося и должного. Это чрезвычайно сложно. Естественно, когда человек начинает оспаривать то, что ему навязано в качестве матрицы сущего, должного, реального, он вынужден пользоваться аппаратом, логическими связями и значениями, заимствованными извне. Если же он создаст на абсолютно пустом месте собственные лексикону и смысловые связи, он рискует, как минимум, быть непонятым даже ближайшими учениками – возникнет коммуникативная пропасть.

Необходимо решить колоссальную задачу: воспользоваться аппаратом, доступным для избранного окружения (даже «избраннейшие» находятся в сходной ситуации, так как погружены в ту же матрицу), и хорошо, если есть некая школа, некий уже созданный, пусть маргинальный, инструментарий, который можно использовать как общую площадку. Но ведь его может не быть. Пример Василида велик и поражающ еще и тем, что мы здесь можем свидетельствовать колоссальную работу по реформатированию матрицы, по созданию абсолютно новых визионов и конструкций, которые, тем не менее, остаются воспринимаемыми за пределами исключительно замкнутого внутреннего космоса гностика, его собственного луча, внутри которого он видит реальность. Поэтому Василид, конечно, это подвиг творческого воображения, родившегося из самых благородных и достойных, из всех возможных интеллектуальных импульсов. И тут я бы хотел поставить вопрос о том, что это за им-

Уильям Блейк. Гравюра из «Песни Лоса». 1795 год

**Человека, рожденного быть гностиком,
интересует Величие в чистом виде, абсолютное
Величие за пределами всяких границ
и сравнений, которое ломает саму идею Величия,
саму линейку, которой меряется Величие**

пульсы и как они преломляются в реальной жизни.

Если идти к сути вещей, то человека, рожденного быть гностиком, жжет внутри его души жажда Величия. Естественно, Величия не собственного (хотя он всегда может сказать: «Мы – люди, вы – свиньи»), Величия не такого, от которого можно получить персональную экзистенциальную вы-

ходу. Его интересует Величие в чистом виде, абсолютное Величие за пределами всяких границ и сравнений, которое ломает саму идею Величия, саму линейку, которой меряется Величие. Его интересует: взорвать то, что является ничтожным, а ничтожным для него является всё, с чем он соприкасается в качестве экзистенциальной монады. →

Уильям Блейк. Призрак блохи. 1819-1820 годы

Если мы говорим о Высшем, о высшей реальности, о той, которая содержится за пределами всего Величия, как о несущем, то мы должны знать о том, что такое сущее и что сущее не есть то материальное бытие, которое для нас всех являет пример предъявленного нам наличия

➔ На самом деле единственной отправной точкой для гностика является ощущение того, что единственно чистым, что он берет как пример и к чему он стремится, является его собственное свидетельствующее сознание. Это

свидетельствующее сознание внутри него горит, как пожар, требующий выхода, реализации, посвящения, трансформационного перехода в нестерпимое и находящееся за пределами всего Величие.

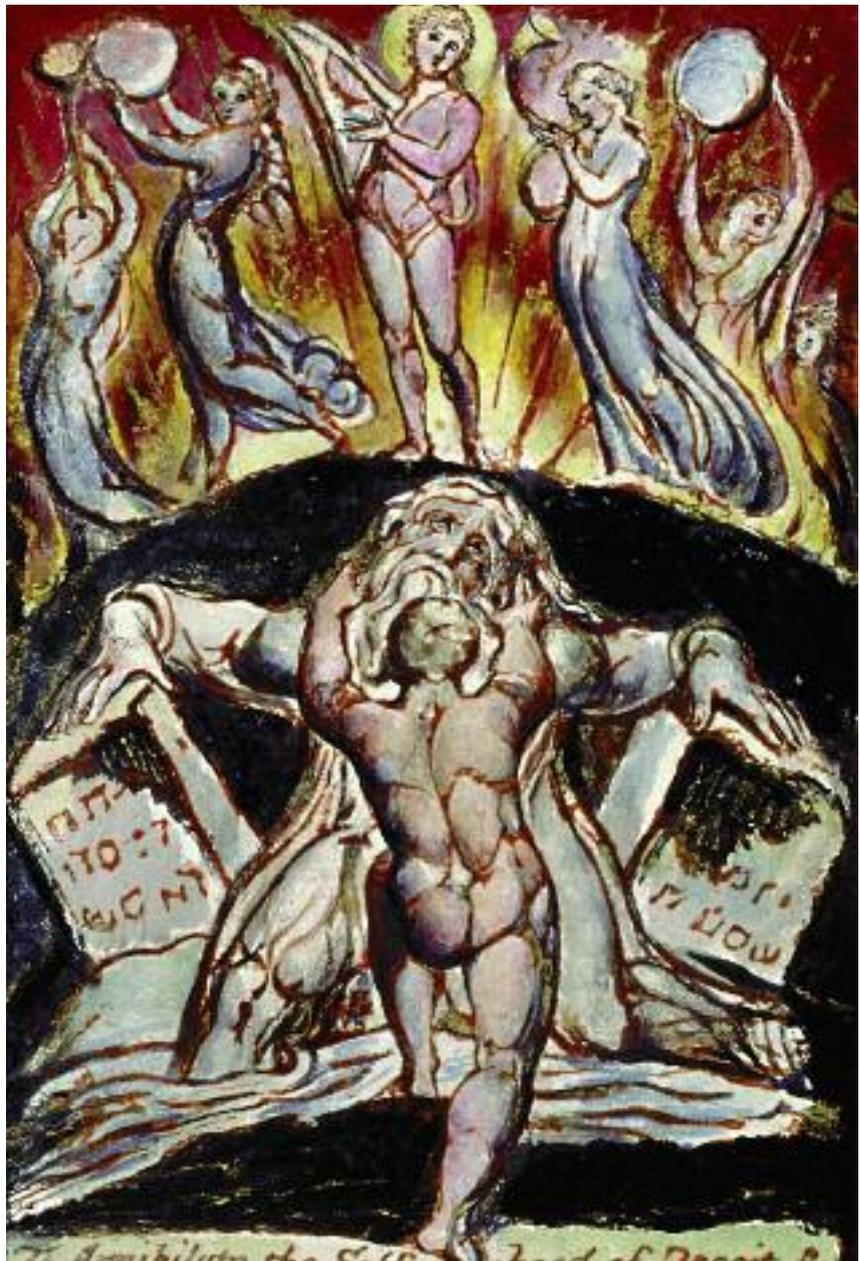
Выводом из этого конфликта является дуализм сознания и бытия, то есть разрыв между бытием и сознанием. С одной стороны, есть сущее, с другой стороны – сверкающая точка внутри него, которая представляет собой некий завет, задел, некое семя Величия, еще не реализованного в этой светящейся точке «тайного Я», которая горит и требует реализации в некоем визионе, сметающем всё, что обычно воспринимается органами чувств и обрабатывается понятийным аппаратом.

Первый выход, который гностик имеет в этом конфликте, – это то, что нужно начинать мыслить Великое как свободное от загрязнения сущим. Но что такое сущее? Нужно понять, в чем качество этого сущего, которое грязнит и пятнает?

Если мы говорим о Высшем, о высшей реальности, о той, которая содержится за пределами всего Величия, как о несущем, то мы должны знать о том, что такое сущее и что сущее не есть то материальное бытие, которое для нас всех являет пример предъявленного нам наличия. Такое сущее было бы слишком ничтожным в качестве отправной точки, площадки. Разве наш материальный мир – предел бытия? И какой смысл так говорить, если гностик старается расширить мир так, чтобы отталкивание от него дало эффект. Гностик должен видеть бытие как можно большее. Великое включено в бытие, потому что в бытие включено всё, что подлежит сравнению. Всё, что подлежит сравнению, – внутри. И нестерпимо грандиозные перспективы, абсолютно альтернативные всему тому, что находятся здесь и теперь, они тоже в бытии. И вот здесь начинается ощущение гностиком того, что такое на самом деле сущее. Сущее – это конгломерат всех планов, перспектив, реальностей и т. д., к чему может быть приставлен, условно говоря, предикат «есть». Предикат «есть» здесь работает как некое указание на семейность всего того, к чему он относится, – то есть эти вещи соотносимы между собой, они родственны, от одного к другому можно перейти. Даже если они разделены по-

лярно, то эти полюса объединены неким стержнем, некоей прямой линией, осью. Одно отрицает другое. Если они антитезны, то всё равно они взаимосвязаны прямой дорогой антитезности. Черное-белое. Без одного не бывает другого. Всё, что есть в бытии, каким-то образом повязано в общий хоровод, даже если мы говорим об очень высоких планах. Бытие пачкает тем, что оно есть. Внутри него содержится этот предикат, и всё, к чему его можно приставить, то есть звезда, джин, ангел, архонт (они есть как некая конструктивная данность, некий концепт, который имеет имя и тем самым заявляет о себе, что он есть). Таким образом, это «есть» является пачкающим «есть». Задача, стоящая перед гностиком, – освободить то высшее, по отношению к чему он горит, от этого пачкающего начала.

И здесь возникает очень много проблем. Если это несущее, освобожденное от пачкающего предиката «есть», оппонентное бытию высочайшее Величие так чисто, то каким образом можно иметь к нему какое-либо отношение? В чем динамическая драма взаимоотношения между огнем сознания, который горит и сжигает всю вселенную вокруг, и чистым, абсолютно свободным от предиката «есть» Величием, которое является целью на выходе. Если гностик находится в некоей среде, то каким образом эта среда является площадкой для его метафизической, гностической драмы? Надо связать реальность, которая есть здесь и теперь и внутри которой гностик вброшен как носитель огня, с тем, чего нет, таким образом, чтобы не загрязнить несущее. Отсюда возникает необходимость очень сложных конструкций, которые опосредованным образом описывают взаимодействия между свободным от предиката «есть» Величием и тем бытием (сущим), которое является, с точки зрения гностика, просто мусорной свалкой. Потому что на этой мусорной свалке рядом, бок о бок лежат выброшенная случайно жемчужина, золотые часы, дохлая курица, рваная подушка с дивана. А суть этой мусорности заключается в том, что это – бытие. Оно-

Уильям Блейк. Уничтожить индивидуальность обмана и ложного прощения. 1804 года

Иное определено через Это. Какая же это трансцендентность, если Иное определяется через Это, то есть здесь уже присутствующее? Здесь и возникает вопрос: где то утверждение, которое оставило бы чистую трансцендентность, но при этом сделало это таким образом, чтобы не было ничего, кроме нее

то и делает всё предьявленное мусором, и наоборот, отсутствие этого освобождает от грязи, от лжи, от общего, потому что ложью, против которой выступает гностик, является глобальное, является универсальное.

Несущее внутреннее само по себе предполагает уникаль-

ность, которая не описывается нумерически. Но всё равно остается некоторая проблема в том, что это Величие существует, но к нему можно иметь отношение, только оказавшись на этой помойке, которая существует наряду с этим Величием. И тут ничего не поделаешь. Тем более, гностик прекрас- ➔

На чем же должна базироваться идеология мусульман? Прежде всего надо восстановить субъектность. Воевать за конец света нельзя, потому что о конце света знает только Всевышний

➔ но знает, что юдоль человеческого сознания – это неистребимая тяга к ощущению и переживанию тождества как совершенно естественного посыла. Глобальное, тотальное тождество малого с абсолютным – это фундаментальная основа всех традиционных метафизик. «Каждая песчинка имеет за собой Абсолют». Эта инстинктивная идея традиционного метафизика представляет собой вызов для гностика. Но как это снять? Когда он говорит, что высший Бог – не сущий, то он вынужден использовать негатив к тому, от чего он

хочет освободиться, к тому, что пятнает. Он вынужден использовать бытие как точку отталкивания для того, чтобы определить то, что должно быть вне всякого сравнения. Но отрицание имманентного не создает трансцендентности как таковой. Мы можем сказать, что мир есть и в этом – его ложь, его мусорность, а Бога нет, и это его Величие, его чистота. Но если мы противопоставили «есть» и «нет», мы не получили реального подразумевания трансцендентного, мы получили всего лишь расширенную тезу и антите-

зу. Это всего лишь негативная имманентность. Гностика это не может устроить.

Гностицизм – это особое состояние поиска, противостояния с реальностью, когда еще не найдены тайные, последние ключи, чтобы взломать эту ловушку. Гностик в поисках Величия забывает о верификаторе, который имеют платоники и все традиционные метафизики. А именно, он упускает из виду то, что тотальное тождество (тотальная схваченность всего Абсолютом) выступает не просто как самодостаточная концепция тождества, но имеет в себе интеллектуальную силу и ценность утверждения. Утверждение – это абсолютный императив духа, императив последнего пневматического центра, который делает человеческое существо оператором, операции которого сами по себе ценны и интересны. Утверждение – это то, к чему пневма имеет абсолютное стремление, даже если это утверждение находится внизу, в грязи, пыли и оказывается на поверку мусорной кучей. Утверждение – это указание на то, кроме чего ничего нет. То есть это абсолютное

утверждение, которое дает достоверность того, что за пределами этого утверждения действительно ничего не остается. Но как это может быть? Ведь даже когда мы говорим об утверждении, которое покрывает всё, то всё равно за пределами остается ложь, ошибка, внешние сумерки, где только «скрежет зубовой». То есть утверждение оставляет некую тень негатива за собой. Но в традиционной метафизике тема того, что утверждение – это проблемная вещь, несколько замалчивается. Просто говорится о великом, всеедином тождестве, об абсолютном всеединстве, которое снимается в неопределенности, неквалифицируемой бездне вечности.

А гностик не может согласиться с этой бездной, потому что эта бездна причастна ко всему, она

присутствует на этой мусорной куче. Мусорная куча схвачена в этой бездне, и поэтому гностик обходит тему утверждения. Классическому традиционалисту легко. Он говорит: сознание – это функция от бытия, бытие и сознание тождественны, акт понимания уничтожает субъект и объект в их противопоставлении. А как быть гностик, который знает, что за пределами всего есть чистое, сияющее Величие, которое не запятнано предикатом «есть»? Тогда получается, что у нас есть здесь мусорная куча, а там – Величие. А что их объединяет? Ничего? А тогда каким образом эта мусорная куча появилась и почему в центре этой кучи горит огонь жажды этого Величия? Все эти вопросы не получают ответа ни в каких схемах прежде всего потому,

что гностик пытается решить проблему и судьбу сознания, субъекта, проводя интеллектуальные операции внутри объекта. Он постоянно, пытаясь деонтологизировать Величие, работает внутри онтологии, которая никуда не исчезает. Недостаточно сказать, что Величие не имеет предиката «есть». Иными словами, ты говоришь, что ко всему сущему есть антитеза, абсолютно Иное. Но что такое Иное? Иное определено через Это. Какая же это трансцендентность, если Иное определяется через Это, то есть здесь уже присутствующее? Здесь и возникает вопрос: где то утверждение, которое оставило бы чистую трансцендентность, но при этом сделало это таким образом, чтобы не было ничего, кроме нее.

Это потрясающий вызов, с которым, я боюсь, гностики как историческая школа не справились, потому что это требует несколько иных исследований. Прежде всего надо было бы погрузиться в вопрос: почему бытие и сознание действительно являются оппонентами? Совершенно понятно, что сознание возникает только в результате своей противоположности бытию, потому что бытие наталкивается на нечто, что не есть оно. Здесь кроется тот самый секрет, открыв который, можно было бы, действительно, начать операцию по отмыванию Величия от предиката «есть».

Этот секрет заключается в тайне нетождества. Потому что простая гносеологическая операция покоится именно на этой тайне. Само нетождество познающего познаваемому отличается от концепции традиционной метафизики о том, что акт познания есть слияние субъекта и объекта. Понятно, что если перцептивное начало является одним из феноменов среди прочих других, то оно не может быть свидетелем. Свидетелем может быть только тот, о которого разбивается внешний мир.

2012 год

Об исламском интеллектуальном методе
Разные эксперты и аналитики часто высказывают мнение, что мусульмане, показавшие большую активность в последние годы, яв- ➔

Сегодняшнее состояние западной цивилизации точно воспроизводит эпоху поздней Античности.

Ее либерализм, религиозный синкретизм, невразумительность – это всё характеристики позднего Рима перед концом

Тома Кутюр. Римляне времен упадка. 1847 год

Для меня всегда было большим вопросом, почему Красная Армия не взяла Варшаву. Падение Варшавы открывало ворота на Берлин, а взятие Берлина означало мировую революцию. Невзятие Варшавы привело к тому, что пришел Сталин, Советский Союз замкнулся в своем контуре, потом – Вторая мировая война и Горбачев с Ельциным на выходе

→ ляются просто темными управляемыми людьми, которых легко можно использовать в своих целях.

Такая установка строится на том, что либеральный мир отрицает субъектность мусульман, не допускает возможности их участия в политической борьбе, и, если брать шире, их участия в истории. Это фундаментальная, записанная в подкорку либеральная установка. Причем это касается не только мусульман, которые ушли в лес, не только тех, кто поехал в Исламское Государство. Даже про Эрдогана писали, что в свете последних событий может сложиться впечатление, что он неуправляемый, при этом совершенно явно подразумевалось, что это является нонсенсом. И это несмотря на то, что он лидер крупной, экономически сильной державы, доказавшей, что у нее есть собственная повестка дня. Но либеральных экспертов и аналитиков ломает признать, что это так.

На самом деле такая реакция является проявлением большого внутреннего страха куфра перед феноменом ислама, который бьется за восстановление своей политической субъектности. Свою высшую метафизическую субъектность ислам никогда не терял, субъектность же низшего уровня была утрачена несколько поколений назад с развалом Османской империи.

Пафос ислама в том, что его субъектность высшего метафизического плана должна быть проведена на самые низшие слои.

И вот сегодня как раз мусульмане бьются за то, чтобы стать субъектом и игроком в большой истории. Той истории, которая имеет дви-

В голове у Сейида Кутбы (на фото) деизм образца французских просветителей, которые еще не окончательно порвали с религией, но уже превратили Бога в гаранта, тикающего, как заводные часы космоса. Этот человек пишет, что неизменность законов космоса доказывает бытие Божье. То есть философская загрузка в голове у мусульман целиком заимствована у западных мыслителей, причем у мыслителей третьего сорта

Школа Филиппино Липпи. Моисей исторгает воду из скалы. Около 1500 года

жение, сюжет и конец. Ислам – единственная идеология, которая выражает этот принцип истории. Дело в том, что либералы не могут интегрировать в себя это понимание, которое одушевляет мусульман, потому что они не могут представить, что можно быть идеологически эсхатологом. Они не могут представить, что можно сражаться за реальное исполнение всех исторических обещаний, за то, чтобы история остановилась, всё в ней было подведено к итогу, чтобы наступил конец этого ветхого мира, воскресение, суд, новая земля и новое небо. Для верующих христиан все эти моменты были актуальны 300 лет назад.

Никакие ссылки на Средневековые мусульман неуместны. Можно однозначно сказать, что сегодняшнее состояние западной цивилизации точно воспроизводит эпоху поздней Античности. Ее либерализм, религиозный синкретизм, невразумительность – это все характеристики позднего Рима перед концом. С другой стороны, в позднем Риме были традиционалисты, представленные неоплатоническими и гностическими школами, всей столбовой линией большой философии. Были и радикалы – христиане, которых пресле-

довали и уничтожали. Сегодня такие радикалы представлены политическим исламом. Вот эти три силы – радикалы, либералы и традиционалисты – были в поздней Античности. Методологически 2000 лет спустя мы воспроизводим ту же картину. Технологические успехи тогда тоже были. Не электроника, конечно, но паровая машина в Риме была изобретена, правда, потом, после коллапса империи, ее забыли.

На чем же должна базироваться идеология мусульман? Прежде всего надо восстановить субъектность. Воевать за конец света нельзя, потому что о конце света знает только Всевышний. Всевышний

является автором сюжета, по которому построено течение времени в событийной жизни нашего человечества. О том, как он будет развиваться, мы ничего знать не можем. Но мы знаем о том, что есть глобальное мировое общество, которое исключает ислам как фактор объективного духа. Для глобального общества религия – это институт. Это папа римский, который является классным руководителем и наставником, хранителем ключей от понятия «добро». И вдруг является сила, которая говорит, что дух абсолютно объективен, он вне человеческого пространства, вне человеческого опыта и восприятия. Дух →

Мы стоим накануне начала сорокалетнего периода. 1440 год по хиджре начнется в 2019 году и будет продолжаться до 1440 года по солнечному календарю, который будет в 2060 году. Эти 40 лет, когда Муса (а. с.) водил свой народ в пустыне, 40 лет одной и той же даты по лунному и солнечному календарям. За это время нужно выстроить новую умму с новым авангардом и новым ядром, которое будет обладать политической философией, объясняющей всё

Фрагмент колонны Траяна

Целью неокон было удержание и развитие монополярного мира в подражание Римской империи периода наивысшего военно-административного расцвета. Неоконны имели в качестве идеала национально-почвенную сверхмощную империю, которая упраздняет всех потенциальных соперников, ликвидирует малейшие противостояния своей воле во всех регионах мира, выступает в качестве арбитра, последней инстанции, принимающей окончательные решения

→ идет вразрез с ожиданиями, воображением, интеллектуальными парадигмами. Это абсолютно не-

известное и запредельное. И он является здесь и теперь главным фактором, ради которого мы, му-

сульмане, будем бороться и умирать. Вот фундаментальная парадигма идеологии.

Эта идеология реализуется практически через утверждение шариата. Мусульмане занимают территорию и заявляют, что у них установлен шариат. Они поднимают это знамя и начинают объединяться с другими территориями, на которых также установлен шариат. Это образование субъекта. В организованное таким образом пространство приезжают разные люди независимо от этнического происхождения, и их объединяет шариат.

Что такое шариат? Шариат – это кодифицированная справедливость, которая не зависит от человеческого произвола. Дальше новому субъекту бросают вызов. Бросают вызов либералы, для которых конец аргументации от тела, от чувственного мировосприятия является непредставимым. Традиционалисты также выступают против, потому что для традиционалистов самое главное – это символизм, это идея тождества, пронизывающая мир. Радикалы отвечают традиционалистам: «Наше понятие справедливости строится на том, что Аллах противоположен всему тому, что вы могли бы вообразить. Вы не можете его понять и не можете его воспринять, он противоположен абсолютно всему созданному. Всё сотворено для того, чтобы обозначать неведение о нём. Но он здесь и теперь, и он является гарантом абсолютной справедливости. Мы парадоксальным образом посвящаем всё сущее тому, что противостоит этому сущему».

Традиционалисты откидываются назад, разводят руками и говорят: ну, ребята, тогда война. Хорошо, отвечают радикалы, – мы здесь застолбили территорию, объявили шариат, подняли черное знамя непостижимой тайны, и мы будем отстаивать то, что смысл истории здесь.

Многие задаются вопросом: почему в Сирии в 2013 году, когда войска Асада уже практически проиграли, появляется ИГ, которое отжимает территорию у победителей и практически вынуждает сирийскую оппозицию воевать на два фронта? Значит,

приходят к выводу эксперты и аналитики, кто-то управляет ИГ и сталкивает мусульман лбами. Но достаточно ли этого, чтобы убедить нас, что есть сговор между ИГ и асадитами? Происходила ли когда-нибудь революция без сговора?

Для меня всегда было большим вопросом, почему Красная Армия не взяла Варшаву. Падение Варшавы открывало ворота на Берлин, а взятие Берлина означало мировую революцию. Невзятие Варшавы привело к тому, что пришел Сталин, Советский Союз замкнулся в своем контуре, потом – Вторая мировая война и Горбачев с Ельциным на выходе. Горбачев и Ельцин были запрограммированы уже в 1920 году. Это сговор? Манипуляция? Предательство Сталина? Почему отказались от мировой революции после 1920 года? Почему слили Коминтерн? Мне кажется, что лидеры ИГ посчитали, что с Асадом вопрос уже решен и надо определяться, кто сядет в Дамаске – Джабхат ан-Нусра, Свободная сирийская армия или собственно ИГ.

Прошла волна исламского пробуждения и революций. Что же получилось в итоге? Тунис на грани банкротства, Ливия лежит в руинах, в Египте – хунта. Почему так получилось? Потому что поднялись антиисламские силы, поднялась широкая полоса противостояний. Либералы внутри Туниса, Ливии, Египта начали подавать голос при поддержке Запада. Ас-Сиси мощно оперся на Саудовскую Аравию, на поддержку Запада. Ведь Запад стоит за Аравией, которая всю дорогу ненавидела ихванов и приветствовала переворот хунты. Важно понять, что такое «арабская весна» и полоса исламских революций. Это же не полоса переворотов, которые должны создать удобное и комфортное общество, где тут же заработает наука, образование, станет дешевле жить, заполнятся прилавки. Это не исламская мечта. Это скорее мечта совка образца 1990 года. Мы находимся в полосе войны, процесс еще не закончен.

Большая часть мусульманской элиты, активной и думающей, вынуждена была эмигрировать из России. Кавказ опустел. И даже

Франсуа Спиринг. Сципион принимает карфагенских послов. 1609 год

Именно многополярность до сих пор вполне логично и была основой мировых конфликтов! Традиционные условия развязывания больших войн – это как раз отсутствие мирового арбитра, зыбкое равновесие между центрами силы или их групповыми объединениями

в этих условиях идет постоянный спор. Даже в таком тяжелом состоянии люди не объединяются. По любому поводу начинаются дискуссии. Эти дискуссии существуют потому, что нет реальной исламской философии, нет политической философии. Нет определенных методик, нет привычки серьезной политической мысли на базе ислама. Есть определенные влияния разных алимов, которые смешиваются с осколками просветительской западной идеологизированности (даже не учености). Это касается не только обычных людей, но и серьезных мыслителей, основоположников целых направлений мысли.

Берем Сейида Кутба и находим у него дискурс западных рационалистических действий. У него в го-

лове деизм образца французских просветителей, которые еще не окончательно порвали с религией, но уже превратили Бога в гаранта, тикающего, как заводные часы космоса. Этот человек пишет, что неизменность законов космоса доказывает бытие Божье. То есть философская загрузка в голове у мусульман целиком заимствована у западных мыслителей, причем у мыслителей третьего сорта, так как неоплатонизм порубили еще во времена монголов, к XVI веку он уцелел только в Куме у шиитов. У суннитов же серьезной большой философии нет, осталась только какая-то ерунда, сочетающаяся тем не менее с обломками шариатского отношения к вопросу.

Конечно, в таких условиях люди будут спорить. Это как после ➔

Фрагмент гобелена из Байо. Конец XI века

В свое время мировой клерикально-монархический альянс развязал Первую мировую войну, используя для этого либерально-рыночные структуры и фасадную электоральную демократию с политическими партиями и прочими элементами нарождающегося «общества»

→ взрыва корабля – все хватаются за что попало, чтобы не утонуть: у кого-то есть доска, некоторые плывут в шлюпке, у кого-то спасательный круг. Общий корабль – это метод, концепция. У нас есть Коран. Это база, это ключ к пониманию мира. Этот ключ должен войти в замок (понимание мира). Вот, к примеру, что думает мусульманин об устройстве материи? Что он думает о биологической жизни? Какое отношение бытие имеет к концепции социума? Если задать мусульманину эти вопросы, он ответит – всё во власти Всевышнего, всё сотворил Аллах, который имеет власть над всякой вещью. А что такое материя? Она есть или ее нет? И если мусульманин образован, то он будет повто-

рять какие-то обрывки западной мысли.

А ведь на самом деле есть замок, в который входит коранический ключ и его открывает. Этот замок должен быть найден, и тогда споры прекратятся. Должна быть идеология и философия, объясняющая всё сверху и донизу с точки зрения Корана. Такой общей идеологией был марксизм. Он объяснял всё с точки зрения переделанного, перекроенного гегельянства. Работа по созданию исламской идеологии – это задача ближайших двух поколений. Сегодня мы стоим накануне начала сорокалетнего периода. 1440 год по хиджре начнется в 2019 году и будет продолжаться до 1440 года по солнечному кален-

дарю, который будет в 2060 году. Эти 40 лет, когда Муса (а. с.) водил свой народ в пустыне, 40 лет одной и той же даты по лунному и солнечному календарям. За это время нужно выстроить новую умму с новым авангардом и новым ядром, которое будет обладать политической философией, объясняющей всё.

Первой нашей задачей должно быть определение роли абсолютного зла как принципа в политической философии ислама. Мы знаем, что зло признается в исламе как фактор, который является частью творения: «Прибегаю к защите Господа рассвета от зла того, что Он сотворил» (Коран 113:1-2). Мусульманин признает, что Всевышний сотворил зло.

Что такое зло? Мы знаем, что есть халяль и есть харам, и то, что в шариате объявлено харамом, – это зло, а то, что он объявил халялем, – к этому надо стремиться. Но мы знаем также, что у предыдущих пророков границы дозволенного и недозволенного были сдвинуты, то есть халяль и харам – это не безусловные определения, не фундаментально выжженные на небесах иероглифы. У метафизиков-язычников есть

объективное добро, которое само по себе существует. Зло при таком подходе является убыванием добра. Но у мусульман это не так. Харам и халяль – это приказы Аллаха. Мы не можем сказать, что убийство как таковое – это зло, потому что при определенных обстоятельствах убийство должно быть. Мы не можем сказать, что присваивание чужой собственности – это зло, при определенных условиях это допустимо. То есть вещи не содержат в себе добра или зла как фундаментальные качества.

В откровении, данном Всевышним Мусе (а. с.) или Исе (а. с.), мы находим такие вещи, которые затем при шариате становятся харамом. Но мы должны знать, что такое зло в чистом виде, само по себе, ведь на него у нас есть указание в Коране. Зло в чистом виде – это Иблис. Иблис соблазняет человечество, а человечество является оппонентом Аллаха. Это и есть метафизическая основа политической философии, которую мы должны понимать. Является недостаточным сказать, что зло – это ночная жизнь большого города с барами и ночными клубами (как это делают некоторые теологи – вроде Али Лариджани). Нельзя раскрывать зло через такие импресии провинциала. Сущность зла безмерно глубже, чем какие бы то ни было «социальные язвы». Ислам борется с реальным злом, а реальное зло неотделимо от акта творения. Акт творения включает в себя творение зла, которое дано нам для преодоления. Преодоление зла связано с работой нашего сознания.

В исламе концептуально нет добра. У нас есть «Свет небес и земли», и у нас есть хак, справедливость. Хак – это высший ориентир. Но нет добра, нет блага. Справедливость на самом деле очень страшна, она бездонно страшна. Справедливость сопряжена со смыслом, с режущим, как бритва, краем, который рассекает бытие, и там пенится кровь. Но хак противостоит злу. Зло – это неотъемлемая часть ветхого бытия, которая будет преодолена только в новой земле и новом небе, когда свет Аллаха будет озарять

лица праведников. Отсутствие этого света, который сегодня не озаряет наши лица, – это и есть фундаментальное зло. Скрытость Аллаха есть фундаментальное зло. Когда мы поднимаем шариатское знамя, мы предвосхищаем на этой земле новую землю уже здесь, в ветхом бытии. Это – идеология, это – ориентир.

2015 год

Кто стоит за проектом Третьей мировой войны?

Одна из самых интересных тем, которая волнует одинаково как «политкорректных» мейнстримовских аналитиков, так и маргинальных «конспирологов», – это тема бенефициара мирового политического процесса. Иными словами, кто является реальным и конечным выгодополучателем исторической интриги, которая разворачивается на наших глазах? Если сформулировать еще точнее, кто несет «уголовную ответственность» за подталкивание современной цивилизации к краху и, стало быть, заинтересован в этом крахе.

На эту тему существует множество устойчивых мифов, в частности, эталоном злодейства в XXI столетии повсеместно считается семейство Бушей и банда неоконков, разработавших и осуществивших на наших глазах самые впечатляющие политические преступления новейшего времени. По списку: 11 сентября, по поводу которого только у совсем ангажированных наблюдателей еще есть запал поддерживать официальную версию; нападение на Афганистан, которое, как выяснилось, было запланировано за некоторое время до 11 сентября в связи с отказом талибов допустить строительство через свою территорию газопровода от Каспийского региона; нападение на Ирак, сопровождающееся наглым и быстро вскрывшимся обманом «мирового сообщества»; бесчисленные преступления против личности, связанные как с похищениями и бессудным содержанием в секретных тюрьмах тысяч людей по всему миру, так и с отменой последних гарантий личной неприкосновенности для самих граждан США, и т. д.

Однако во имя чего неоконки, возглавляемые президентом (по временам заслуженно вызывающим сомнения в собственной нормальности), совершали все эти, бесспорно, преступные деяния? Целью их было удержание и развитие монополярного мира в подражание Римской империи периода наивысшего военно-административного расцвета. Неоконки имели в качестве идеала национально-почвенную сверхмощную империю, которая упраздняет всех потенциальных соперников, ликвидирует малейшие противостояния своей воле во всех регионах мира, выступает в качестве арбитра, последней инстанции, принимающей окончательные решения.

Такая цель требует много малых войн, и они были запланированы администрацией Буша, о чем свидетельствуют многочисленные утечки секретных документов, а также ставшие публичными аналитические разработки. Республиканский Белый дом планировал осуществить атаки, как минимум, на семь стран, среди которых, помимо Ирака и Афганистана, фигурировали Венесуэла, Северная Корея, Сомали, Судан и Сирия. У империи не хватило ни ресурсов, ни времени, ни поддержки союзников. Тем не менее следует признать, что весь этот международный разбой всё-таки не ведет к Третьей мировой войне: как это ни парадоксально, он представляет собой скорее попытку предотвратить такую мировую войну криминальными средствами, то есть серией региональных конфликтов.

Мировая война – это изменение мирового порядка, смена технологического уклада, радикальная трансформация политического фасада управления мировыми делами. Так было после Первой мировой войны, в еще большей степени так стало после Второй. Но если бы неоконкам удалось достичь своей цели и создать Большой Ближний Восток, ликвидировать очаги сопротивления своей воле в Юго-Восточной Азии и в Южной Америке, нейтрализовать антиамериканизм в Европе, то, по мысли бушевских геостратегов, это и означало бы предотвраще- ➔

→ ние тотальной войны, уничтожение самих предпосылок для нее.

Сверхзадача американской империи – ликвидация потенциальных центров силы, способных бросить вызов вашингтонской гегемонии.

С другой стороны, мировое сообщество констатирует, что противники Буша – демократы – не оспаривают, по сути, многополярную картину мироустройства. Правда, эту многополярную картину доверено озвучивать другим сторонам, в первую очередь России, Китаю, Ирану, странам меньшего калибра вроде Венесуэлы и Кубы при молчаливом сочувствии национально мыслящих европейцев. Даже те европейцы, которые присягнули Брюсселю и евроединству, понимают под ЕС не просто продолжение США, а как бы второй полюс атлантизма.

Но ведь именно многополярность до сих пор вполне логично и была основой мировых конфликтов! Традиционные условия развязывания больших войн – это как раз отсутствие мирового арбитра, зыбкое равновесие между центрами силы или их групповыми объединениями типа Антанты или Тройственного союза. Вспоминается, что Рим в эпоху своего расцвета вел, точно по американскому нынешнему образцу, множество колониальных войн, например, в Галлии, Иудее, на парфянском направлении и т. п. Последняя же большая война случилась, когда Рим и Карфаген были равновеликими центрами ойкумены. Впоследствии с крахом моноцентричной Античности история в течение нескольких столетий вновь определялась войнами между Византией и Ираном – в биполярной системе, напоминающей противоборство капиталистического и советского лагерей в XX веке.

Так что же, Демократическая партия США является конспирологическим «менеджером» по подготовке мировой войны? В каком-то смысле при всей остроте таким образом сформулированной проблемы приходится ответить: да! Но лишь потому, что Демократическая партия является всего лишь неким внешним инструментом другой всеце-

ло ответственной за будущую войну силы.

Сегодняшний мировой порядок характеризуется обостренной борьбой между двумя типами бюрократии. С одной стороны, национальные бюрократии, пытающиеся защищать старый классический принцип национального государства, принцип национального суверенитета, традиционное международное право, главным субъектом которого является национальное правительство как независимый игрок, действующий на мировой сцене от имени «избравшего» его народа.

Положение таких суверенных акторов стремительно ухудшается, ибо, с другой стороны, существует международная бюрократия, на нынешний момент гораздо более успешная. Она не зависит от национального электората, она сама придумывает международные правила игры, ей не надо ломать голову над национальным бюджетом, она не отчитывается за свои расходы, у нее нет неприятного оппонента в лице политических партий и публичных политиков, которые постоянно ловят национальных бюрократов за руку на коррупции (эти же национальные политические партии не осмеливаются поднимать голос против международной бюрократии). Речь идет о таких структурах, как корпоративное чиновничество ЕС (пресловутый Брюссель), ООН со всеми своими разветвлениями, включая ЮНЕСКО, и далее аффилированные подконтрольные структуры регионального масштаба типа Лиги арабских стран.

Специфика США на данный момент состоит в том, что национальная бюрократия там представлена Республиканской партией, а интересы международной бюрократии защищает Демократическая партия.

Бюрократия так устроена, что как корпорация обязательно должна иметь хозяина. Она не может выступать как самостоятельная автономная сила. Международная бюрократия не исключение. Она, разумеется, связана с транснациональными корпорациями, а также международной преступностью и глобальными мафиозны-

ми структурами, образуя, таким образом, некую триаду: «незаконная» бюрократия – надзаконные финансово-промышленные структуры – противозаконные сетевые международные организации. К этому стоило бы добавить четвертый вспомогательный элемент: неправительственные организации – международные фонды всякого рода, где аккумулируются и отмываются черные кассы мафий и корпораций.

У всех этих компонентов один хозяин – симбиоз клерикалов и старой традиционной знати (или, как говорили раньше, «аристократия и церковь»). В свое время мировой клерикально-монархический альянс развязал Первую мировую войну, используя для этого либерально-рыночные структуры и фасадную демократическую демократию с политическими партиями и прочими элементами нарождающегося «общества». Тайная цель этой войны состояла в колоссальной мобилизации человеческих ресурсов тогдашних империй, создании нового технологического уклада и переходе к мировому правительству монархов-родственников при ликвидации парламентских демократий, партий, а также политических амбиций большого бизнеса как виновников братоубийственной бойни. Ситуация тогда вышла

Тема хрупкости, уязвимости информационной сети, интегрирующей все системы в общепланетарный искусственный интеллект, уже давно волнует писателей и режиссеров, интригует публику. Наиболее очевидной проблемой представляются не столько роботы, восставшие против человека, сколько, наоборот, коллапс всей технологии, на которой базируются притязания Запада на мировое господство

из-под контроля, и вместо ликвидации либерального фасада Запада предприятие кончилось исчезновением нескольких империй. Однако что бы ни думал современный обыватель, оболваненный либеральными СМИ, класс, державший мир под контролем несколько столетий, не рассосался и не превратился в забавных клоунов, обитающих в светской хронике. Именно этот суперклуб, опираясь на финансово-спекулятивную систему нынешней экономики, в свою очередь, обеспеченную прикрытием со стороны международной бюрократии, сегодня разоряет и шантажирует одну страну за другой, в том числе далеко не последние страны Европы.

Для полноты картины следует добавить, что хозяином национальной бюрократии на протяже-

нии жизни последних поколений выступали классические либералы, которые, казалось, полностью восторжествовали после 1945 года с приходом на европейскую землю американских оккупантов. Не менее 20 лет было потрачено старыми традиционными элитами на то, чтобы оправиться от удара, нанесенного совместными усилиями США и СССР. И уже к 1970 году Традиционалистский клуб перешел в контрнаступление. Вехами восстановления сил «старого режима» (как говорили при якобинцах о монархии) стали приход в политику неоллибералов-ростовщиков, массовый подъем антиамериканизма в Европе, поражение США во Вьетнаме, крах Никсона и начало конца республиканского проекта, программа образования многочисленных постколониальных диаспор на территории Европы,

триумф «зеленого» (экологического) движения и многое другое. Почти всё в этом наборе к сегодняшнему дню является уже отработанным материалом. Традиционалистский клуб теперь нуждается в двух системных катаклизмах – мировой войне в Азии и социальном взрыве, переходящем в контролируемую гражданскую войну, на Западе.

Это необходимые условия для перехода к постпотребительскому мировому порядку, в котором информационно-компьютерное рабство и биологическое истребление излишков человечества станут базовыми элементами Системы.

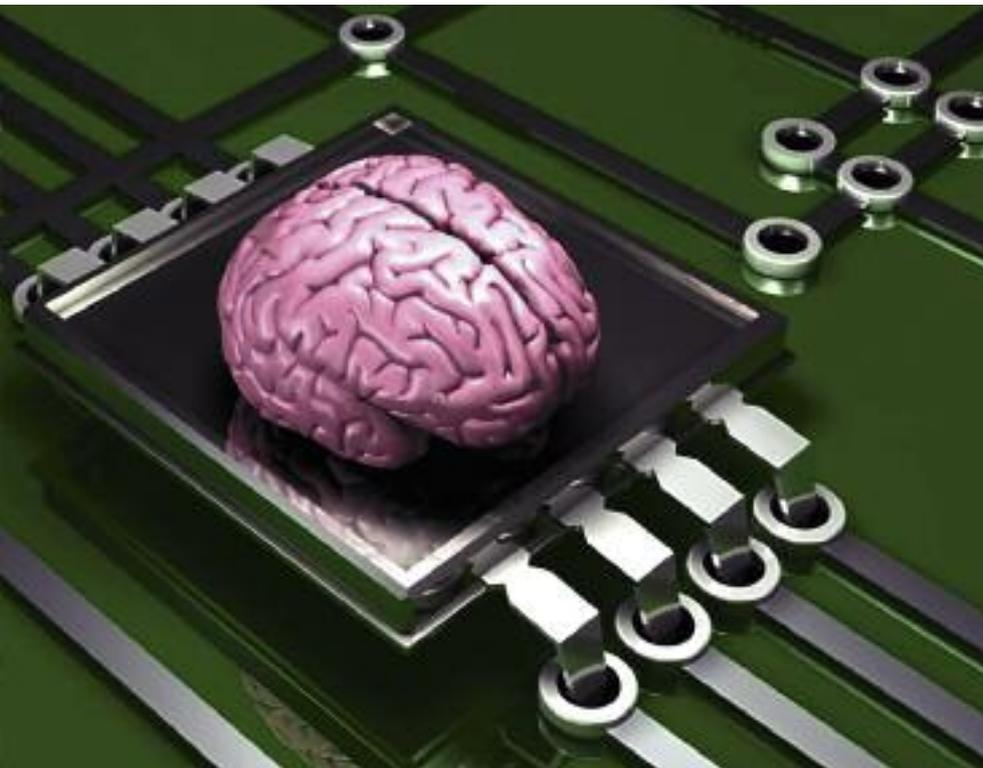
2014 год

Термоядерный Армагеддон уничтожит технологическое превосходство Запада

Свои претензии на глобальный контроль Запад основывает исключительно на возможности опутать земной шар электронно-цифровыми системами слежения и нанесения ударов.

После 1985 года в Америке не производилось автомобилей с карбюраторными двигателями. На западных самолетах авионика уже давно основана исключительно на современном «железе».

Когда в 1976 году Беленко утонул в Токио МиГ-25, профаны потешались по поводу того, что на этой сверхскоростной машине вместо полупроводников использовались лампы бегущей волны. Однако им следовало бы знать, что только приборы с такими лампами (в частности, старые ламповые радиоприемники) сохраняют работоспособность при электромагнитном излучении. Один из советских планов по ведению мировой войны против США состоял в подрыве термоядерного заряда над американской территорией на высоте 500 км. На таком расстоянии ударная волна и световой эффект не действуют, но электромагнитное излучение мгновенно выводит из строя все зависящие от электроники средства связи, транспортные системы и оружие. Советский Союз, кстати говоря, в этом отношении был куда более подготовлен к термоядерной войне: все его системы были в силу ➔

На платформе существующей Сети грядет пришествие интерактивного социума, который действительно явится в роли глобального искусственного интеллекта, опирающегося на «костыли» интеллектов органических

→ своей ориентации на предыдущее технологическое поколение менее уязвимы для ЭМИ.

Тема хрупкости, уязвимости информационной сети, интегрирующей все системы в общепланетарный искусственный интеллект, уже давно волнует писателей и режиссеров, интригует публику. Существует множество ее вариаций: от ошибок в Сети, в результате которых невинный человек становится преследуемой жертвой, до выхода искусственного интеллекта из-под контроля людей с последующим переходом к собственному стратегическому планированию. Хотя наиболее очевидной проблемой представляются не столько роботы, восставшие против человека, сколько, наоборот, коллапс всей технологии, на которой базируются притязания Запада на мировое господство.

Самое интересное заключается в том, что у глобальной цивилиза-

ции нет резервных каналов для подстраховки этой суперструктуры. Точнее, они до недавнего времени оставались, но стремительно демонтировались. Бумажное делопроизводство уступило место компьютерному архивированию. Это касается и хранения бумажных СМИ, относящихся к минувшим эпохам. Они все были переведены в цифровой формат, а оригиналы уничтожены.

Аналогичные процессы происходят не только в гражданской, но и в военной сфере: армии США и их союзников полностью привязаны к кремниевому чипу. Только две страны в мире, США и Япония, производят эту штучку, на которой основана вся сложнейшая машинерия современной цивилизации – от движения спутников до расписания поездов, от полета истребителя до полета «умного» снаряда к цели. Все остальные должны покупать эти чипы у вышеназванных стран или

на свободном рынке. Однако изготавливать, к примеру, самонаводящуюся головку для ракеты ПВО на основе кремниевого сырья, купленного из неизвестных источников, чревато. Нет гарантии качества, а микроскопического сбоя в одном из чипов достаточно, чтобы дорогое и сложное изделие, от которого может зависеть победа или поражение, станет грудой бесполезного металла. Если же эти чипы приобретаются у США или Японии, то неизвестно, какие вирусы или программы отключения вы получаете в комплекте с «покупкой». Достаточно вспомнить, как иракская ПВО, имевшая на вооружении французские ракетные системы, отключилась, едва началась операция «Буря в пустыне».

Интересные истории в том же ключе происходят и с самими хозяевами технологий: «Когда США воевали в Афганистане, американский солдат задавал системе GPS координаты цели, чтобы навести ракеты, и уже задал, но тут в GPS кончились батарейки, и система отрубилась. Солдат вставил новые батарейки, машинка заработала, и он пустил ракеты. И ракеты полетели в него, потому что, когда GPS перезагружается, она автоматически задает свои текущие координаты, вернее, координаты человека, держащего машинку в руках» (из интервью Артемия Лебедева газете «Бизнес»).

Вопреки всем опасениям Запад обречен на прогрессирующую компьютеризацию жизни, причем тотальную. И не только потому, что это дает сиюминутный выигрыш, отрыв от любых существующих на сегодняшний день противников. Дело в том, что компьютеризация планеты должна стать основой нового технологического уклада, иной политэкономической формации мирового общества. На платформе существующей Сети грядет пришествие интерактивного социума, который действительно явится в роли глобального искусственного интеллекта, опирающегося на «костыли» интеллектов органических. Под последними подразумеваются интерактивные пользователи, замкнутые в мировой

Сети и производящие интеллектуальный продукт, который станет главным продуктом будущей экономики. Собственно говоря, финальная стадия политэкономического отношения человечества с окружающей средой и с самой собой есть виртуализация товара, при которой утрачиваются собственно товарные свойства. Будущая политэкономическая модель в основе своей является прямой противоположностью той глобальной постиндустриальной модели, которая пока что торжествует в мире. Будущее за постпотребительским обществом. Мир постпотребления будет одновременно и миром нового энтузиазма, в котором инфантильные молодые мозги погрузятся в бесконечные лабиринты интерактива (как сегодня погружаются в компьютерные игры), решая одну предлагаемую проблему за другой, получая за это очки и обменивая их на минимальные средства поддержания жизни, которые можно будет заказывать в интернет-магазинах. Деньги исчезнут. Интеллектуальная рабочая сила не будет стоить буквально ничего. Прикованных к терминалам интернет-зависимых пользователей дополняют мощные суперпрограммы, которые будут решать любые материальные проблемы через роботизированные системы производства. Вся эта infernalная сеть сведется всего лишь к нескольким процентам от общей доли человечества; масса же тех, у кого доступа к этой сети нет, будет лишена технологий, знаний, способности каким-либо образом повлиять на ход событий. Ее ждут атаки различных эпидемий, голод, дефицит питьевой воды и прямое точечное насилие там, где потребуются купировать бунты. Бенефициаром этого разделения на микросоциум и макроаутсайд станут очень узкие элитные круги, непосредственно ориентированные на приход Антихриста и наступление нового «золотого века».

Какими бы безумными ни казались обывателю эти прогнозы, они точно соответствуют мировоззрению крайне правого крыла западного истеблишмента, и многие элементы новой системы на-

Уильям Блейк. Число зверя – 666. 1805 год

Бенефициаром разделения на микросоциум и макроаутсайд станут очень узкие элитные круги, непосредственно ориентированные на приход Антихриста и наступление нового «золотого века»

чинают функционировать уже сегодня. В частности, существуют компании, использующие добровольных интерактивных пользователей для решения тех или иных проблем. Люди, ориентированные на определенную тему в некоей сети, проводят мозговой штурм и решают вопросы, которые казались неразрешимыми или разрешение которых потребова-

ло бы огромных инвестиций и работы специализированных институтов. Эти пользователи работают на чистом энтузиазме, и оборот компаний от их эксплуатации сегодня составляет сотни миллионов долларов.

Мысль о том, что 90 процентов человечества является биологическим балластом и для того, чтобы человек как вид нормально →

Уильям Блейк. Из цикла «Иерусалим. Эманация гиганта Альбиона». 1820 год

Запад вынужден отбросить фигуральные «молоток» и «гаечный ключ» и обратиться к вещам, которые возникают из царства электрона. Однако на этом пути главной опасностью является возможность развязать термоядерную войну, которая приведет к полной неработоспособности всех основанных на этом самом электроне систем

➔ функционировал, достаточно всего полумиллиарда особей, проходит красной нитью сквозь труды многих праволиберальных футурологов. Имплицитно этой теме коснулся и Фрэнсис Фукуяма.

С точки зрения чистой машинерии, шахматной логики, не обремененной этикой, у Запада нет иного выхода, кроме этого нового порядка. Постпотребительское общество свободно от денег, которые являются средством измерения отчуждаемого от людей жизненного ресурса, превращаемого в капитал. Но одновременно особенность денег в том, что они, в свою очередь, обладают свойством отчуждаться от выпускающих их хозяев в пользу нижестоя-

щей социальной базы. В свое время деньги выпускались клерикальными авторитетами: в древности – императором, который был одновременно верховным понтификом (жрецом), в Средневековье – церковью. Потом право на чеканку монеты присвоили себе короли... Сегодня доллар печатается частным фондом, именуемым «Федеральный резерв».

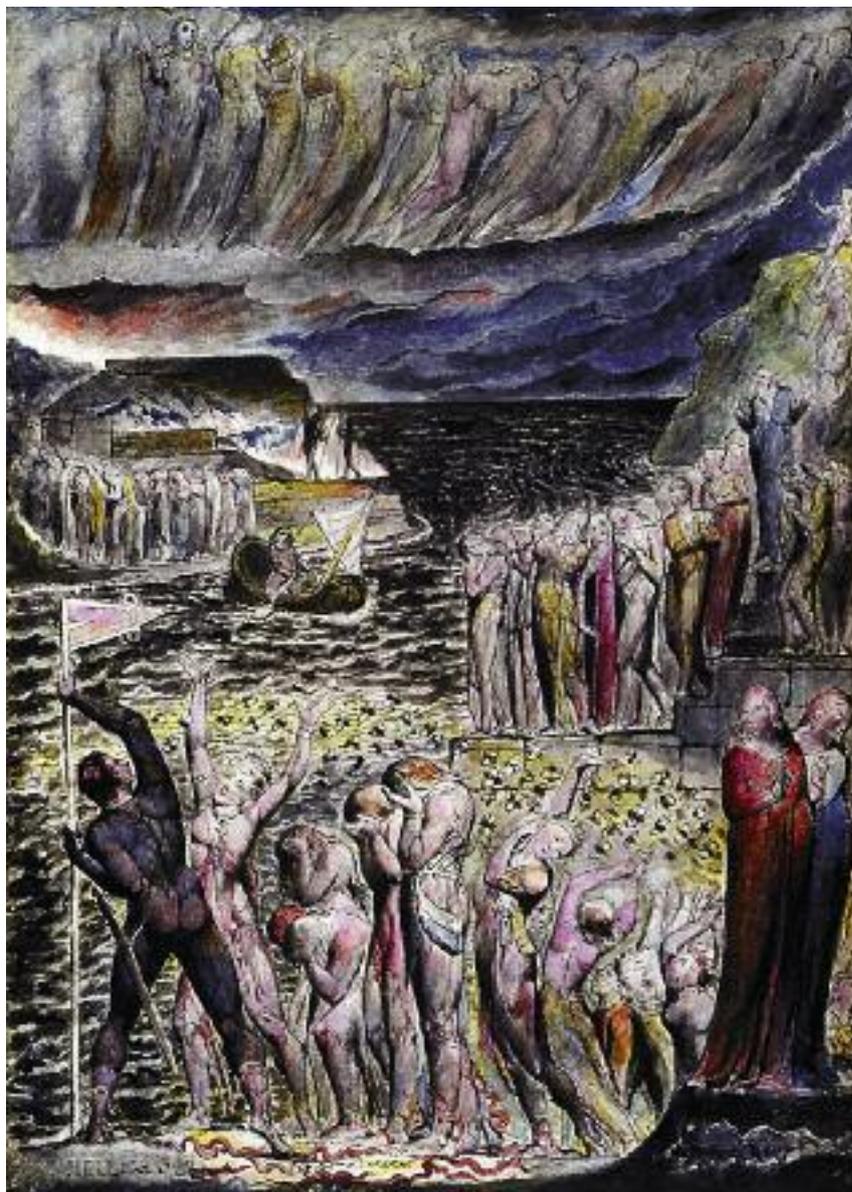
Истеблишмент прошел большой путь, чтобы отнять деньги у населения, сделав их электронными и дополнительно виртуализировав через кредит. Однако это создало класс спекулянтов, которые начали сосредотачивать в своих руках избыточное количество этих виртуальных денег, пре-

вратившихся в огромную обузу для материального сектора экономики. За всю массу денежных единиц, плавающих в «черной дыре» Интернета, можно по ныне действующим ценам много раз купить нашу планету со всем, что на ней есть. Таким образом, в спекулятивном финансовом пространстве деньги теряют смысл как средство управления производством и потреблением и становятся инструментом разрушения экономического пространства через кризис диспропорции между материальным сектором экономики и чудовищно раздутой денежной массой. Следует учесть, что в нынешнем спекулятивном мировом «хозяйстве» к «деньгам» относятся также и различного рода финансовые инструменты второй и третьей степени отвлечения от фактического продукта.

Правящие круги, которые в действительности всегда находились выше денег, поскольку их отношения с миром в основе своей не являлись товарно-рыночными, намерены избавиться от этого инструмента. Ведь он превратился не только в обузу, но и в источник опасности и не может быть вполне контролируемым (кста-

ти, одной из первых попыток избавиться от денег был советский коммунизм, ставший своеобразной лабораторией для грядущего неоимпериализма и в этом, и во многих других отношениях).

Вот почему Запад вынужден отбросить фигуральные «молоток» и «гаечный ключ» и обратиться к вещам, которые возникают из царства электрона. Однако на этом пути главной опасностью является возможность развязать термоядерную войну, которая приведет к полной неработоспособности всех основанных на этом самом электро-не систем. При взрывах нескольких относительно небольших бомб разрушения будут отнюдь не грандиозные, людей погибнет (по нынешним стандартам дегуманизации) не так уж и много. Дело в другом. Спутники, следящие за происходящим на поверхности планеты, превратятся в бесполезные куски железа. Беспилотники попадают на землю. Истребители не смогут летать на боевые задания, транспорт – перевозить пассажиров. Автомобиль, выпущенный после 1985 года, нельзя будет завести. Исчезнет Интернет. Вырубятся экраны телевизоров. Замолчат радиоприемники. Организованный западный мир погрузится в хаос. Конечно, «калашников» и М-16 будут продолжать стрелять, но надо ясно понимать, что в этом случае хозяевами планеты становятся партизаны из Афганистана, Сомали, Ирака, Колумбии. И даже пушка танка «Абрамс» не сможет выстрелить, потому что у нее электронный спусковой крючок. Вот каков важнейший подтекст Договора о нераспространении ядерного оружия, вот почему такую истерику вызывает у Запада сама мысль об использовании ядерных технологий теми, кто не входит в узкий круг «избранных». Факт присоединения к этому «клубу» СССР, а позднее Китая – уже тяжелейшая травма для Запада. Ни Россия, ни Китай не рассматриваются как участники грандиозного строительства новой политэкономической модели. Впрочем, нынешний российский истеблишмент делает всё, чтобы исправить «ошибку» Сталина и Берии и как можно быстрее

Уильям Блейк. Преддверие Ада. 1824–1827 годы

Стекло- хрупкость всемирного «политэкономического электрона» внушает некоторую надежду, что этот ад не будет реализован. Даже если срыв столь головокружительных планов потребует некоторых издержек

избавиться от ядерного наследия бывшего СССР. Китаем же вот-вот займутся всерьез, чтобы закрыть и этот неудобный вопрос.

Будущее «золотого века», основанного на глобальном искусственном интеллекте, пожирающем мозги «сетеголиков», висит на волоске. Ведь ядерное оружие есть у Индии и Пакистана, причем первая – враг Китая, а вторая, наоборот, союзник. Попытка решить китайский вопрос с

привлечением к делу его соседей может оказаться контрпродуктивной (что называется, борясь с перхотью, использовали гильотину).

Стекло- хрупкость всемирного «политэкономического электрона» внушает некоторую надежду, что этот ад не будет реализован. Даже если срыв столь головокружительных планов потребует некоторых издержек. **Ф**

2012 год

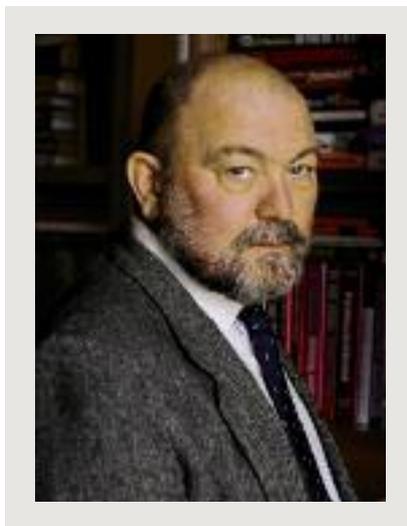
НЕ УКЛОНИ СЕРДЦЕ МОЕ

*Не уклони сердце мое
в словеса лукавствия,
непщевати вины
о гресех с человеки,
делающими беззаконие,
и не сочтуса
со избранными их (Пс. 140:4)*

Я работаю в НИИНОП – Научно-исследовательском институте наиболее общих проблем. Чем мы там занимаемся? Как говорится, «вы будете смеяться», но наш институт действительно занимается «наиболее общими проблемами»... Обо всех темах, которые разрабатываются в институте, говорить не буду, да и не знаю я их, если честно. Наша лаборатория называется «Лаборатория концептуального анализа настроений, настроек и нестроений в социуме». Тема, которой я руковожу, сформулирована так: «Сравнительный анализ вариантов возможного и желательного будущего России».

На эту тему много чего написано, предложены разные модели, а мы, в соответствии с заданием, должны давать им экспертные оценки. Авторы этих моделей – порой целые институты, чаще – отдельные эксперты. Отмечу, что формы, в которых авторы излагают свои результаты, отличаются невероятным разнообразием: прогнозы, проекты, концепции, предвидения, пророчества, видения, откровения, угрозы, манифесты, доклады и даже поэмы. То есть чокнутых среди авторов тоже немало. Мы решили называть все эти тексты общим термином – «сценарии».

Первая группа сценариев рекомендовала правительству России сформировать дружественные блоки с теми или иными «центрами силы»: США («англосаксонский вектор»), Евросоюзом («европейский вектор»), Китаем («китайский вектор»), «Азиатскими драконами» – Японией, Сингапуром, Южной Кореей, Вьетнамом («ЮВА-вектор»), Ираном («исламский вектор – 1.0»), арабскими странами («исламский вектор – 2.0») и др. Во всех таких подходах роль России рассматривается в лучшем случае как паритетно равная, а в большинстве случаев – на уровне младшего послушно-го партнера.

Сергей Николаевич Белкин –
главный редактор журнала
Focus.doc, председатель клуба
«Цивилизационная динамика»

Вторая группа сценариев ориентировалась на формирование собственного российского «центра силы». То есть Россия воспринимается как центр сборки устойчивого военно-политического и финансово-экономического конгломерата стран и народов, играющего самостоятельную роль в мировом процессе как равнозначный региональный субъект, вступающий в равноправные отношения с другими «центрами силы». Выяснилось, что здесь имеется множество подходов, отличающихся базисом сборки: на какой основе этот российский «центр силы» формируется? Базисами сборки объявлялись: этнический («славянское единство»), религиозный-1 («православная цивилизация»), религиозный-2 («союз авраамических религий»), ценностно-социологический («союз справедливости», «коллективистский мир»), климатический («союз отрицательной изотермы января»), идеологический («демократический выбор», «социалистический выбор», «строители коммунизма» и т. п.), экономический («геоэкономисты», «финансисты», «ресурсники», «энергетики» и др.), географический («мостовики-транспортники»), метафизический («циклисты», «софийники», «небополитики») и еще ряд базисов, сочетающих в себе различные подходы, в частности, такие проекты, как «Красная империя» и «СССР-2.0».

Третья группа сценариев принципиально отбрасывала концепцию «центров силы» как ложную систему координат. К этой группе можно было условно отнести несколько совершенно разных подходов: от вариантов автаркии до полумистического ухода общества как целого в «иную реальность», то есть до своего рода общенационального эскапизма. Наряду с маргинальными, экстравагантными и просто бредовыми подходами здесь имелись и глубокие философские концепты пересмотра базовых оснований нашего взгляда на мир и место челове-

Кадр из фильма «Игра в имитацию»

ка в нем. Некоторые из этих сценариев вызвали интеллектуальное восхищение глубиной и точностью наблюдений – наряду, однако, с полной беспомощностью в отношении перспектив практической реализации чего-либо.

Четвертая группа сценариев рассматривала варианты распада России. При этом в одних сценариях распад виделся как благо, как цель, в других – как неотвратимое несчастье. Благом распад считали «уменьшительные националисты», стремящиеся «сбросить балласт» и зажечь «как нормальное европейское государство». К распаду призывали также и сепаратисты разных сортов: «националы», «сибиряки», «исламисты» и прочие разные. О неотвратимом несчастье пишут многие, видящие реальные тенденции и реальные устремления «врагов внутренних и внешних». Их сценарии во многом совпадали с теми, кто считал распад благом, – отличалась лишь оценка результатов и, соответственно, рекомендации по замедлению, а не ускорению тенденций.

Наша задача состояла не только в систематизации сценариев – это важно, и результат в общих чертах я описал, – но и в рекомендациях по выбору «наилучшего» и реалистичного сценария. Поскольку заказчиком выступал не абы кто, а администрация президента, мера ответственности была велика: а вдруг наши рекомендации пойдут в дело! Это же означает, что мы определим судьбу страны, судьбу поколений! А к такой ответственности исследователи-эксперты, как правило, не готовы: это удел авантюристов, политиков и поэтов «не от мира сего». Наряду с чувством ответственности – что, в общем, дело привычное – нарастало чувство бессилия перед сложностью проблемы: не удавалось найти и обосновать «наилучший» сценарий, не удавалось даже выработать хотя бы неполный набор критериев «лучшего» и «худшего». Словом, у меня и еще у некоторых сотрудников возникло серьезное умственное и нравственное напряжение, приведшее меня как руководителя темы на больничную койку реанимационного отделения кардиологического центра. Теперь

Наряду с чувством ответственности нарастало чувство бессилия перед сложностью проблемы: не удавалось найти и обосновать «наилучший» сценарий, не удавалось даже выработать хотя бы неполный набор критериев «лучшего» и «худшего»

вот – спустя два месяца, уже в периоде реабилитации – вместо отчета написал рассказ, что-то вроде опыта самоанализа.

Дней пять врачи колдовали над моим заблудшим «не туда» телом. О наступивших и сгущавшихся сумерках моего сознания они при этом мало заботились. Им надо было, чтобы сердце билось, легкие дышали, выделительные системы выделяли... Я же, находясь из-за действия лекарств почти всё время в состоянии полудремы, страдал от неотвратимой безжалостности одних и тех же настойчивых, непрекращавшихся мыслей-вопросов, требовавших от меня указаний о немедленном выборе дальнейшего пути развития России. Лишь на седьмой день я смог хоть иногда думать уже не только о «судьбе Родины» ...

Лечащий врач-кардиолог оказался, к удивлению, весьма продвинутым в вопросах психологии и психосоматики. Поговорив со мной, он понял, что причина телесных недугов вовсе не только в возрасте, перегрузке, неидеальной пище, нечистых воде и воздухе, а в мыслях и эмоциях.

– Видите ли, если неподготовленный человек – вернее, не профессиональный действующий политик, а эксперт-политолог – всерьез взваливает на себя ответственность за судьбу Родины, у него лишь два исхода: инфаркт-инсульт либо психиатрическая клиника. У профессионального политика возможны и другие исходы – казнь, например, или убийство. У экспертов с этим всё-таки пока как-то менее напряженно. Я шучу. Но скажу: одно дело профессиональная аналитика, и совсем другое – переживание проблемы как собственной ответ- ➔

Кадр из фильма «Игра в имитацию»

«Вы присвоили ожидаемым от вас результатам анализа высочайший ранг и высочайшую ответственность. Вы сами назначили себя ответственным за судьбу Родины. Вы на уровне подсознания загнали себя в положение последней инстанции, последнего защитника, от которого некто – царь, президент, главнокомандующий и так далее – ждет безупречно точных, ответственных рекомендаций»

→ ственности, как сути и смысла нашей жизни. Если бы я вместо исследования состояния органов пациента перевоплощался в него самого и погружался в мир его ощущений, я бы давно умер и никому как врач не мог бы оказать помощь.

– Но, доктор, – отвечал я, – я на самом деле переживаю за судьбу Родины. Я это говорю вам как пациент врачу, а вовсе не для придания тому, что я делаю, ореола гражданского подвига или героического патриотизма. Я просто реально переживаю и хочу, как могу, помочь. Но вот не получается...

– Хорошо, что вы склонны к самоанализу. Однако вы только что, сами того не заметив, вторглись в одну из самых сложных, тонких и малоизученных сфер психологии. Вы вот сказали – «переживаю». А могли бы вы попытаться продвинуться чуть глубже и найти ответ на следующий вопрос: что вы переживаете и что вами переживается? Поясню и сразу предупрежу, что это совсем не простой вопрос. Вам предстоит осознать, что именно происходит в вашем уме, когда вы что-либо переживаете: страх, обиду, зависть, досаду, наслаждение и так далее.

– Понятно... Видимо, вы имеете в виду, что при переживании каких-то эмоций в организме проте-

кают определенные физико-химические процессы. Выделяются определенные гормоны, ну и так далее. Так?

– Нет, не так, сэр, – доктор с улыбкой повеличал меня на английский манер, – физико-химические процессы, разумеется, происходят, только ни вами, ни мной, ни микробиологами, занимающимися их изучением, не переживается выброс, скажем, эндорфинов или захват серотонинов. Это нам не дано: нет у нас столь тонких рецепторов, не предусмотрены.

– Ну, так что же? Тогда подскажите. Не буду больше гадать.

– Подсказываю. Переживаем мы с вами определенную последовательность умственных операций, отражающих и определяющих наше поведение. Вот только что в палату заходила медсестра Инна. Она вошла, взяла пустую мензурку, положила на столик новые таблетки и ушла. Я видел взгляд, которым вы ее проводили. Сразу скажу – меня как лечащего врача этот взгляд радует: проявление жизненных сил – вещь плодотворная. Вы взглядом ощупали ее уходящую фигуру и, несомненно, получили от этого удовольствие.

– Ну, знаете... В моем возрасте это просто эстетическое чувство.

– Да-да, пусть эстетическое. Я не осуждаю, а, повторю, рад за вас, тем более что объект и в самом деле достоин гормонального волнения. Но я об этом заговорил для того, чтобы пояснить свою мысль о различии переживаний и того, что переживается. Вы переживали эстетическое удовлетворение, удовольствие, а в вашем мозгу на уровне подсознания выстраивалась примерно следующая последовательность умственных операций: вот молодая женщина – операция опознания; она привлекательна – операция оценивания; это хорошо – операция присвоения ранга. В результате этой мгновенно и неконтролируемо произошедшей цепочки умозаключений, умственных действий ваш ум сам, без вашего прямого участия дает ко-

Лев Каменев. Монастырь. 1860 год

манду на автоматический запуск подходящего, привычного для вас эмоционального поведения: удовольствие от созерцания эстетически привлекательных форм. Если бы вместо Инны зашла другая медсестра – например, тетя Полина, – уже на первой стадии опознания мозг определил бы для вас иную линию эмоционального поведения, причастующего реакции на женщину пожилую. Понятно?

– Да, вполне... Вы удивительно умный и проницательный человек.

– Ну, умным и проницательным был покойный профессор Орлов, а я лишь прилежный его ученик. Вернемся теперь к тому, что привело вас на эту койку. Мы говорили о переживании за судьбу Родины. Действительно, есть такая проблема и такое переживание. Только переживали вы на самом деле какую-то последовательность умственных операций, оказавшихся для вас не просто вредными, а смертельно опасными. Попробуем их смоделировать?

– Давайте попробуем.

– Давайте. Поскольку вы мне рассказывали о том, что и для кого делает ваша лаборатория, предложу такой возможный алгоритм. Анализируя предложенные вам варианты, сценарии, вы совершили ряд умственных операций, которые я сейчас не буду выстраивать в цепочку, на данном этапе можно обойтись без этого. Прежде всего следует осознать, что вы присвоили ожидаемым от вас результатам анализа высочайший ранг и высочайшую ответственность. Вы сами назначили себя ответственным за судьбу Родины. Вы на уровне подсознания загнали себя в положение последней инстанции, последнего защитника, от которого некто – царь, президент, главнокомандующий и так далее – ждет безупречно точных, ответственных рекомендаций. А проведенный анализ имеющихся вариантов стратегий не выявил ни одного, который вы могли бы назвать верным, точным, единствен-

Я оказался в подмосковном санатории, расположенном на берегу реки с видом на стоящий на высоком холме старинный монастырь. Я человек неверующий, но хорошо, по-доброму относящийся и к религии, и к церкви. А уж к русской церковной архитектуре, музыке, живописи и всему прочему я всегда относился просто трепетно! <...> Я даже молился Богу, прося у Него сперва здоровья, а потом, когда пристыдил себя мыслью о том, что просить у Того, в существование Которого не веришь, как-то неприлично, я поменял молитву и стал просить даровать мне веру в Бога

но правильным и так далее. Вы оказались в ситуации неразрешимого дискомфорта, вы себе присвоили ранг или статус несостоятельного эксперта, человека, который не может дать то, что от него ожидают. Причем в обстоятельствах экзистенциального характера. Это второй важный пункт: вы действительно подсознательный патриот, способный на чашу весов при определенных условиях положить свою жизнь ради спасения Родины. У вас не сработало чувство самосохранения, которое должно было остановить чрезмерный выброс «гормонов ответственности», «гормонов профессиональной чести» и тому подобное. Здесь возникает третий объект оценки: инстанция, перед которой вы хотите любой ценой выгладеть на уровне высочайшей профессиональной оценки. И вы не справились с управлением – в буквальном смысле. Вы оказались во власти, под управлением букетика своих эмоций, это они далее управляли работой организма: выбросом гормонов, спазмом сосудов и всем остальным, приведшим вас сюда, ко мне. Ну, вот где-то так... Похоже? →

- – М-да... Очень похоже... Выходит – побольше эгоизма?
- Это упрощение, к тому же неверное. Необходимо освоить методику осмысления своего эмоционального мира, механизмов запуска эмоций – вот что нужно. Мышление должно приносить пользу здоровью. И тогда, чтобы не попадать во власть эмоций, не надо становиться эгоистом – они,

Уильям Блейк. Моление о чаше. 1799-1800 годы

Я не мог не сказать о волнующей меня роли церкви как нравственного регулятора общества, указав при этом на то, что роль эту она не исполняет. Более того, по моему мнению, и не может исполнять, поскольку ее забота – отдельный человек, его душа и его спасение, а не общество в целом

кстати говоря, ничуть не менее альтруистов подвластны собственным эмоциям, в том числе и губительным.

– А как же эту методику освоить?

– Я вам расскажу об этом, посоветую нужные книги и даже, возможно, курсы обучения, если они сейчас работают.

Вскоре меня выписали из реабилитационного отделения, перевели в общее, а потом и домой отправили. Ссылки на умные книги, в которых рассказывалась методика самоанализа, доктор мне дал, кое-что из этого удалось скачать в Интернете и существенно продвинуться в умении управлять своими эмоциями, а не подпадать под их всевластие. Но сами проблемы при этом никуда не делись.

После перенесенного приступа мне был предписан период восстановления здоровья. Так я оказался в подмосковном санатории, расположенном на берегу реки с видом на стоящий на высоком холме старинный монастырь. Я человек неверующий, но хорошо, по-доброму относящийся

и к религии, и к церкви. А уж к русской церковной архитектуре, музыке, живописи и всему прочему я всегда относился просто трепетно! Поэтому в монастырь ходил каждый день и, чтобы не противоречить устоявшейся традиции, всякий раз прилежно крестился при входе и выходе, а также в процессе богослужения, если случалось на него попадать. Я даже молился Богу, прося у Него сперва здоровья, а потом, когда пристыдил себя мыслью о том, что просить у Того, в существование Которого не веришь, как-то неприлично, я поменял молитву и стал просить даровать мне веру в Бога. Мне такой подход показался честным: я как бы Бога не обманываю, можно сказать – предупреждаю, что не верю в Него, но при этом с готовностью приму веру, ежели сподоблюсь ее обрести. А еще я любил сидеть на скамейке с наружной стороны монастыря: оттуда открывался бесконечный простор на извивающуюся внизу пойму речки, на лежащие вдоль ее берегов деревеньки и застраиваемые, к сожалению, дачами луга.

Как-то раз мое одинокое любование этими красотами было неожиданно нарушено обращенным ко мне вопросом: «Можно подле вас посидеть, полюбоваться пространством?» И я даже еще не успел

выйти из своего умиротворения и понять, кто меня об этом спросил, как задавший вопрос, не дождавшись моего ответа, присел рядом на скамейку. Это был пожилой, можно сказать, старый монах этого монастыря, которого я уже не раз и не два видел в предыдущие дни. Лицо его было очень красиво, интеллигентно, благородно. Уже потом – в ходе наших разговоров – выяснилось, что отец Александр, так звали этого монаха, – человек не только огромной, отзывчивой души, но и всеохватной эрудиции, изощренного аналитического ума и небывалой прозорливости, причем в тех самых вопросах, которыми я занимался профессионально и поиск ответов на которые привел меня сперва к пограничному между жизнью и смертью состоянию, а теперь вот – в монастырь.

Мы не сразу пришли к обсуждению вопросов о судьбе России и о возможных вариантах реализации этой судьбы. Сперва мы просто любовались окрестным видом и обсуждали его, потом поговорили о монастыре, его древней истории, его особом положении среди прочих монастырей. Отец Александр перечислил мне княжеских и царственных особ, побывавших здесь, напомнил и о сложной судьбе обители в послереволюционные годы. Наверное, именно эта страница русской истории привела нас к разговорам на политические темы. Я был удивлен взглядам отца Александра на советский период. Ожидал я услышать или самую примитивную агитационную ненависть к советской власти, или ее же – но в более сдержанных формулировках. Надо сказать, что меня эта распространявшаяся в православной среде беспардонная ненависть и примитивизация сложной, трагической

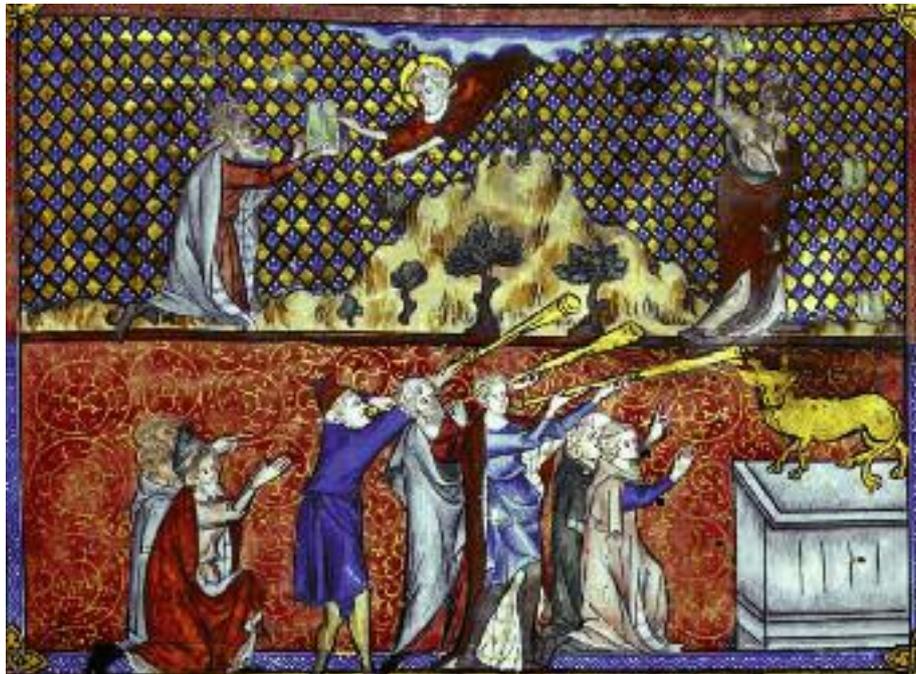
страницы нашей жизни огорчала, и говорить об этом со священнослужителем не хотелось. Выяснилось, однако, что отец Александр не просто «тоже всё понимает», а знает и понимает все перипетии политической истории гораздо глубже меня. Рассуждая, скажем, о марксизме и религии, он говорил примерно так:

– Объединение в широком смысле марксизма и метафизики остается насущной и нерешенной проблемой. В марксизме много верного, но многое было превращено в догматы. КПСС омертвила марксизм, превратив его из научного метода в квазирелигиозный догмат. В результате общество было лишено и эффективного метода познания изменяющейся действительности, и метафизики утешения, снятия давящего противоречия между конечностью жизни, неотвратимостью смерти и бесконечностью бытия, его осмысленностью. Это было большой, трагической ошибкой, погубившей страну. Попытка перенести вопрос о личном бессмертии, о бессмертии души в сферу общественного, говорить о том, что мы продолжаемся в наших делах, творческих и иных свершениях, в наших детях и памяти людской, – направление верное, но его недостаточно. Нужен и метафизический социальный регулятор.

Я высказал предположение, что, по всей видимости, ни в КПСС и ее институтах, ни в академической сфере не было не то что людей, а даже намерений помыслить в этом направлении. И тут открылась удивительная для меня новость – прежде всего о самом отце Александре.

– Ну, – сказал он, – и люди, и намерения там были самые разные. Я сам был не последним человеком в партийных органах, вел научную работу в области политических наук, правда, тогда таких наук в номенклатуре не было, защищались или по историческим, или по философским. Я дважды защитился по философии. Но вы правы в том, что намерения так и остались втуне. Срастить религию с марксизмом-ленинизмом было, увы, не суждено. Хотя сами по себе религиозные настроения, религиозная терпимость потихоньку становились пусть скромными, пусть стесняющимися самих себя, но фактами. Например, супруга Брежнева была верующей, об этом все знали, и проблемы из этого никто не делал.

Я не мог не сказать о волнующей меня роли церкви как нравственного регулятора общества, указав при этом на то, что роль эту она не исполняет. Более того, по моему мнению, и не может исполнять, поскольку ее забота – отдельный человек, его душа и его спасение, а не общество в целом. Отец Александр не полностью, но согласился, сравнил

Поклонение золотому тельцу. Средневековая миниатюра

Реакции попов-пропагандистов на проблемы, их ответы сводятся к примитивной религиозной – даже не религиозной, а церковной – пропаганде.

Ну, скажем, в ответ на попытку обсуждения какой-нибудь конкретной социально-экономической задачи они горячо, но банально талдычат, что вот, мол, пока народ Израиля жил по заповедям Божиим, всё у него был хорошо, «молочные реки и кисельные берега», а когда отступил и поклонился золотому тельцу – стало всё плохо

православие с исламом – религией, не просто вторгающейся в жизнь общества, но полностью регламентирующей всю, в том числе и государственную, жизнь. Поэтому исламские государства, рассуждал он, были, есть и будут, а православное государство – вещь сомнительная, хотя, быть может, в какой-то форме и возможная. В связи с этим был упомянут Афон – монашеская республика. Я также посетовал на недостаточно активную, по моему мнению, позицию церкви в решении социально-политических проблем. Находясь под впечатлением от не очень плодотворной недавней дискуссии, в которой участвовал известный священник, договорившийся в своей запальчивости до того, что «Гитлер лучше Сталина», я высказался довольно резко. Сказал я что-то примерно такое:

– Знаете, от нынешних попов-пропагандистов вообще трудно услышать что-то вменяемое о политике властей. Они никак не осмысливают текущую политику, слишком буквально воспринимая мысль, что «всякая власть от Бога». Их реакции на проблемы, их ответы сводятся к примитивной религиозной – даже не религиозной, а церковной – пропаганде. Ну, скажем, в ответ на попытку обсуждения какой-нибудь конкретной социально-экономической →

Лукас Крапах Старший. Десять заповедей. 1516 год

«Знаете ли, сказанное насчет заповедей и воли Божьей, на мой взгляд, совершенно верно. Несомненно, что если бы люди жили в соответствии с заповедями, их жизнь стала бы прекрасной. Но поскольку этого не происходит, вы и сами этот призыв считаете неверным. Он верен, но это – заповеди, а не технологическая карта по их повсеместному внедрению в жизнь»

➔ мической задачи они горячо, но банально талдычат, что вот, мол, пока народ Израиля жил по заповедям Божьим, всё у него было хорошо, «молочные реки и кисельные берега», а когда отступил и поклонился золотому тельцу – стало всё плохо. Вывод: следуйте заповедям Моисеевым – и всё у вас будет хорошо. Или эта вечная песня про то, что «даже волос с головы не упадет без воли Господней». Всё, мол, от Него, всё через Него. Это ли не призыв к безвольному фатализму, в то время как надо действовать, а не ждать милостей от природы? Пардон, от Бога.

– Знаете ли, сказанное насчет заповедей и воли Божьей, на мой взгляд, совершенно верно. Несомненно, что если бы люди жили в соответствии с заповедями, их жизнь стала бы прекрасной. Но поскольку этого не происходит, вы и сами этот призыв считаете неверным. Он верен, но это – заповеди, а не технологическая карта по их повсеместному внедрению в жизнь. А вы хотите именно карты, инструкции, технологии. И я хочу, но найти ее пока не удалось. И «о попах». Далеко не все священнослужители готовы решать те задачи, о которых вы говорите. Они и своему прямому делу не все хорошо обучены. А уж управление обществом – церковь от этого давно и далеко ушла. Я считаю, что – к сожалению, но пока это факт. «Попы», как вы говорите, не злонамеренны, когда отвечают вам словами, которые вы воспринимаете как баналь-

ность. Ну, например, вы же не станете обижаться на пожилую соседку, которая, увидев, что у вас простуда, посоветует попить чайку с малиной и ножки попарить? Что может быть банальнее? И в то же время не так уж и неверно, хотя, быть может, и недостаточно. Так и ответы священнослужителей на сложнейшие социально-политические вопросы. Ведь и среди тех, кто этим занимается профессионально, очень мало разбирающихся в глубинной сути проблемы и способных дать ответственные рекомендации. Вы сами это на себе испытывали.

Я согласился с низкой эффективностью научного и экспертного сообщества. Политологи всё больше напоминают зазывал из букмекерских контор. Их заявления, как правило, слабо аргументированы. Взяв любую из вероятных, возможных, даже наблюдаемых тенденций, они объявляют ее доминирующей, не предьявив никаких аргументов. «Я считаю, что Россия к 2030 году будет порабощена Китаем». – «А я уверен, что Америка сюда Китай не пустит, Россия будет под Америкой». – «Нет никаких сомнений в том, что Россия распадется на куски: часть – Китаю, часть – исламскому миру, остальное, никому не нужное, быть может, и останется у русских, и они начнут проситься в Евросоюз, как туда сейчас просятся Украина и Молдавия». – «Знайте: заканчивается кондратьевский цикл, Россия оседлает повышательную волну шестого технологического уклада и станет сильнейшей державой в мире» ... Нет предела этой пестроте мнений, которыми питается поповская журналистика. Отец Александр разделил мое мнение и сказал:

– Даже само множество обсуждаемых сценариев свидетельствует о неблагополучии в интеллектуальной оценке происходящего. Немудрено, что ваш организм воспротивился требованиям выдать необходимые рекомендации и решил приболеть. А ведь наряду с интеллектуальной существует еще и нравственная оценка, она есть всегда, даже когда мы о ней совсем не думаем. Совесть! Ее голос может быть очень тихим, даже совсем без-

звучным, но он никогда не умолкает, куда есть душа. Но об этом поговорим, если вы не против, как-нибудь потом. Сейчас же снова отмечу отсутствие в среде политических экспертов профессиональной дискуссии – как это было и в период перестройки. Вы правы: сонмища «экспертов» обрели возможность пророчествовать, никак не соотносясь ни с остальными «экспертами», ни с научной истиной, вообще ни с чем и ни с кем. Возможно, лишь на того, кто оплачивает их деятельность, они еще оглядываются.

Отец Александр, смеясь, наклонился вперед и снизу заглянул мне в глаза, как бы давая понять, что для него и мое вполне зависимое положение не является тайной.

– По поводу мучающих вас проблем – куда идти России, к какому берегу прибиться – я скажу совсем немного. Наверное, это будут какие-то банальности, но я уж всё равно скажу. Вот Тютчев – помните: «Умом Россию не понять... в Россию можно только верить». Это ведь, мне кажется, верно сказано. Я это так понимаю: Россия – сложная целостность, состоящая, как и человек, из тела и духа. «Тело» России – это ее земля, народонаселение, ресурсы, государственный строй с его законами, экономика. А дух, точнее, душа России – это нечто столь же сложно определяемое, как и душа человеческая. Люди религиозные, православные говорят о России небесной, говорят о неведомом «замысле Божьем о русском народе» – всё это попытки обозначить душу России. Музыканты говорят, что музыка – душа народа. Русская литература потому и всемирно велика, потому и столь философична, что пытается выразить и отразить эту неуловимую душу русского народа и России. «Загадочная русская душа»... М-да... И правда – загадочная. Икона Божией Матери «Чистая Душа».

– Но, отец Александр, разве не у всех стран есть свои души – хотя и не вполне ясно, что мы этим словом описываем? Или же спрошу иначе: сможет ли Россия жить без этой загадочной души?

Отец Александр умолк, откинулся на спинку скамьи, закинул руки за голову, подхватывая скуфейку, слегка покачался, как бы обдумывая ответ, и продолжил:

– Может ли Россия жить без души, одним телом? Может, я думаю. Есть страны и народы, у которых нет души, а тело – есть. И тело может быть при этом и весьма могучее, и отменно прожорливое, и долгоживущее. И душа такому телу вовсе ни к чему. Россия, ежели утратит свою «загадочную» душу, тоже может стать просто телом: жить, пить, есть, потреблять и производить. Стать, как говорят многие и многие ревнители подобного проекта, «нормальной страной». «Нормальной», то есть без всяких там романтических и мессианских завих-

«Политологи всё больше напоминают зазывал из букмекерских контор. Их заявления, как правило, слабо аргументированы. Взяв любую из вероятных, возможных, даже наблюдаемых тенденций, они объявляют ее доминирующей, не предъявив никаких аргументов»

рений. Так что жить-то Россия без души может – живут же, например, грибки и даже более сложные организмы. Только для научной точности надо будет это живое образование более Россией не именовать. Если продолжить аналогии с человеком и его душой и взглянуть с православной точки зрения, то такая судьба России – в чистом виде продажа души дьяволу. После чего тело получит на некоторое время вожделенное наслаждение, а потом – муки вечные. Но православные образы не всем близки. Так что можно о том же самом сказать и на языке светском: утратив то, что мы назвали душой России, ее тело, то есть государство со всеми людьми и ресурсами, станет так или иначе перевариваться окружающим миром, распавшись на удобные для пищеварения куски, цепляясь при этом за некие квазидуховности, выделяемые пищеварительной системой едоков.

– Едоков? Вы имеете в виду другие государства?

– Их тоже, но не только государства, а и своих собственных, родненьких, кровь от крови, плоть от плоти народной всевозможных политиков и заблудших их последователей – властные элиты, вернее, властные кланы.

– То есть нас пожирают или хотят сожрать многие? Кто же из них ближе всех нас к своей глотке подтянул?

– Мне кажется, что наиболее продвинутый, причем не просто реалистичный, а похоже, единственный находящийся в стадии реализации проект – это та или иная форма поглощения России Америкой. Субъектом в нем являются транснациональные финансово-промышленные группы, которые мы упрощенно называем атлантическим миром. Этот проект под разными названиями и масками реали- ➔

Икона Божией Матери «Чистая Душа»

«Дух, точнее, душа России – это нечто столь же сложно определяемое, как и душа человеческая.»

Люди религиозные, православные говорят о России небесной, говорят о неведомом “замысле Божьем о русском народе” – всё это попытки обозначить душу России»

➔ зуется уже не первое десятилетие, у него есть не просто сторонники, а действующие институты, планы, ресурсы, профессиональные сплоченные команды и ясные цели. Причины, по которым процесс не завершился вчера и не завершается прямо сейчас, лежат в основном в Америке, в США. А во все не в России, как мне кажется: здесь реально-го сопротивления этому процессу нет.

– Ну почему же нет... Довольно много сильных политических течений с открытой антиамериканской направленностью, вообще много патриотов. И их интеллектуальный уровень очень высок, я в этом просто каждый день убеждаюсь, мы же их читаем, изучаем, даже общаемся.

– Я же не говорю, что сопротивления нет. Я сказал – нет реального, то есть сопоставимого по силе, по организованности, по управленческой эффективности. Я говорил, что во время оно работал в международном отделе ЦК КПСС и очень обстоятельно знакомился со многими такими вещами. Да: перед вами священник-коммунист, не удивляй-

тесь. Противоречий не то чтобы нет, но они мною, в моем внутреннем мире сняты. Так вот, слабость США, ослабление субъектности США как мирового лидера вызвано как внутренней борьбой кланов, так и постепенным разрушением всей системы жизнедеятельности этой великой страны, ее базовых принципов. Но это, как говорится, отдельная тема. США умирают, это будет идти еще долго, американские и международные элиты это понимают и не только ищут, но и находят пути смягчения болезненного процесса в надежде разработать и выстроить новые суть и форму жизнеобеспечения. Конкурируют различные внешнеполитические подходы, но расхождений в том, что все ресурсные источники, принадлежавшие СССР, должны быть взяты под контроль США, нет – расхождения лишь в том, кто именно и как «от имени США» это будет осуществлять. Есть, конечно, менее значимые тактические разногласия по поводу формы российского социально-политического ландшафта, который должен будет обрамлять фактическое господство США в регионе. Среди факторов, не позволяющих обеспечить адекватное сопротивление американскому поглощению России, – разногласия российских кланов в вопросе о том, как «правильно» лечь под клиента, кто будет «национальной буржуазией», кто – «компраторской», а кто – «гауляйтером».

– Так что же – мы обречены быть кем-то сожранными?

– Не хочу быть беспросветным пессимистом, но ситуация зашла очень далеко. Позиционной борьбой, похоже, положение уже не спасти.

– Позиционной борьбой? Что вы имеете в виду?

– Поясню на примерах. Февральская революция 1917 года – это типичная позиционная борьба: отречение государя, формирование Временного правительства, программа реформирования и ее исполнение. Фигуры по доске перемещаются, стараются улучшить или удержать свою позицию, но прямых смертельных атак друг на друга до поры до времени нет. То же самое было в период перестройки – от Горбачева до Ельцина: попытка улучшить систему социализма. Ельцин же ничего не улучшал, он взялся всё дотла уничтожить. И уничтожил.

– Но разве Путин не меняет курс, не производит очевидные и очень важные действия по укреплению страны, по повышению ее реального суверенитета – и всё такое прочее?

– Хм... Делает, конечно, кое-что. Да только и Временное правительство делало немало, а вышло совсем другое. Вышло именно то, о чем я говорил: позиционное маневрирование себя исчерпало, для спасения страны понадобились меры хирургические. Это как в шахматах: жертва фигуры, вскрытие позиции и хорошо организованная атака на короля путем развития своих сильных позиций и доведения до капитуляции слабых позиций соперника.

– Вы, отец Александр, и в шахматы играете?

– Теперь уж нет. А когда-то был мастером, чемпионом университета.

– А в каком университете вы учились?

– В Московском... В послевоенные годы...

Отец Александр поднялся, сказав, что часть разговоров надо обязательно оставить на завтра, а сейчас ему надо уже идти. Я решил пойти вместе с ним по тропинке, что бежала вдоль могучей стены, окружавшей монастырь, венчавший крутой холм, напоминающий и в самом деле стража в шлеме. По дороге отец Александр говорил:

– Стена, что за нашей спиной, много видела и много хранит в себе не каких-то мистических тайн, а пуль и снарядов. Иные сидят в ней четыреста лет, другие – двести. Тут есть пули польские, оставленные двумя Ажедмитриями, есть пули и осколки французские, выпущенные в нее наполеоновскими дикарями, есть и свои собственные, русские, братоубийственные, не застрял в ней только немецкий свинец последней войны, что сродни чуду. Клубится вокруг обители и зло, и добро, мнутся народы. А в революцию тут, как и по всей стране, творилось всякое. И грабили, и раки вскрывали, и попов били да в тюрьму сажали. Впрочем, попов и настоятелей и в прежние времена часто карали и казнили. Потому что всегда было противоречие между властью духовной и властью светской. Даже в атеистические времена, после «полной победы над церковным мракобесием», это противоречие никуда не исчезло, только приняло оно иные формы: между партийными и советскими органами. Как раз противоречие между ними, борьба за власть погубили страну и сами боровшиеся институты вместе с нею.

Мы попрощались и расстались. Я еще довольно долго сидел на лавочке и всё яснее понимал, что к своей работе возвращаться не хочу, что анализировать «настроения, настройки и нестроения» в нашем родном обществе у меня пока еще нет желания.

Вечерело, и я отправился обратно в санаторий. Не знаю, думал ли обо мне отец Александр, а я уходил с надеждой увидится с ним еще и еще. По дороге я зашел в древний храм Успения, стоявший вне монастыря на отдельном крутом холме. Как магнитом меня влекли туда старые иконы деисусного чина.

Три доски, сплоченные воедино. Лишь на средней есть живописный слой, боковые – просто струганое дерево. Да и на срединной сохранилась лишь часть левкаса и красочного слоя – зато самая главная: лик! Светится вокруг лика золотистая охра, власы его обрамляют, как сень, мягкое тепло источают лицо и шея. И вот – глаза. Правый слегка поврежден трещинами времени, а левый цел и невредим. Смотрит Он на нас с этой доски вот уже шестьсот лет, и мы на Него столько же. И вот я всеми своими нейронами и аксонами, молекулами и атомами, электронами и лептонами, непрерывно рождающимися и исчезающими во мне и вне меня, соединяюсь со всем миром и вижу в нем свою бабушку, зимой студеной пробивающую корку замерзшего колодца, и вижу свою другую бабушку, чистящую крупную рыбину, пойманную в море, шелестящем за ее спиной, вижу своего отца в химической лаборатории, определяющего кислотность почв методом титрования, вижу мать, читаю-

Я вижу свою бабушку, зимой студеной пробивающую корку замерзшего колодца, и вижу другую бабушку, чистящую крупную рыбину, вижу своего отца в химической лаборатории, определяющего кислотность почв методом титрования, вижу мать, читающую своим сыночкам журнал «Семья и школа», вижу Георгия Свиридова (на фото), глазами полными слез взирающего из своего окна на улицу Большая Грузинская, слышу его так и не рожденную музыку и запах цейлонской ванили, а потом все образы сливаются, и остается тихий серебристый звон-шорох и мерцание света...

щую своим сыночкам журнал «Семья и школа», вижу вице-короля Италии Евгения Богроне, трепещущего перед святым Саввой, вижу Георгия Свиридова, глазами полными слез взирающего из своего окна на улицу Большая Грузинская, слышу его так и не рожденную музыку и запах цейлонской ванили, а потом все образы сливаются, и остается тихий серебристый звон-шорох и мерцание света... Я – дома, душа – дома, и дом этот цел. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго! Да исправится молитва моя, яко кадило, пред Тобою: воздеяние руку моею – жертва вечерняя». **☩**

клуб

Цивилизационная динамика

Экспертная сессия 18 октября 2017 года
«РУССКИЙ МЕНЕДЖМЕНТ»

Клуб «Цивилизационная динамика» является учебно-образовательным, исследовательским и общественно политическим проектом, призванным анализировать про-

Сергей Николаевич Белкин – председатель клуба «Цивилизационная динамика», главный редактор журнала Focus.doc

цессы, происходящие во всех сферах жизнедеятельности с цивилизационной точки зрения, для которой характерны язык ценностей, внимание к фундаментальным свойствам личности и общества, к взаимодействию традиционного и нового. Целью проекта является поиск модели развития России, отвечающей как вызовам времени, так и социально-культурным основаниям российского общества.

Этот проект стал складываться в начале года – в феврале. У его истоков стояли Валерий Николаевич Кустов – глава Группы компаний «ЭФКО» – и ваш покорный слуга.

Наш замысел состоит из нескольких направлений.

Одно из них – это сотрудничество со Школой менеджмента «Бирюч», которая прошла путь

от учебной структуры подготовки управленцев для «ЭФКО» до одного из крупнейших и авторитетнейших центров, выпускающих менеджеров широкого профиля и высокого уровня. И я должен сказать, что в этой школе, в отличие от многих других, ставятся не только утилитарные задачи возвращения управленцев, но и гораздо более глубокие – подготовки человека и специалиста, способного ориентироваться в реальной жизни страны и мира. Там формируют личностей, обладающих осознанно сформированным мировоззрением. Такой подход и такие цели требуют непрерывного роста, непрерывного развития самой школы – и в этом одно из направлений реализации нашего проекта.

Второе направление – это исследовательская, аналитическая, экспертная и, можно сказать, общественно-политическая деятельность. Я имею в виду издание журнала и поддержку интернет-портала. Журнал находится в поиске – в поиске самого себя, содержания, образа и всего прочего, но три номера сделаны, четвертый сейчас в работе. Интернет-портал тоже действует, он доступен по ссылке, которая находится на последней обложке журнала.

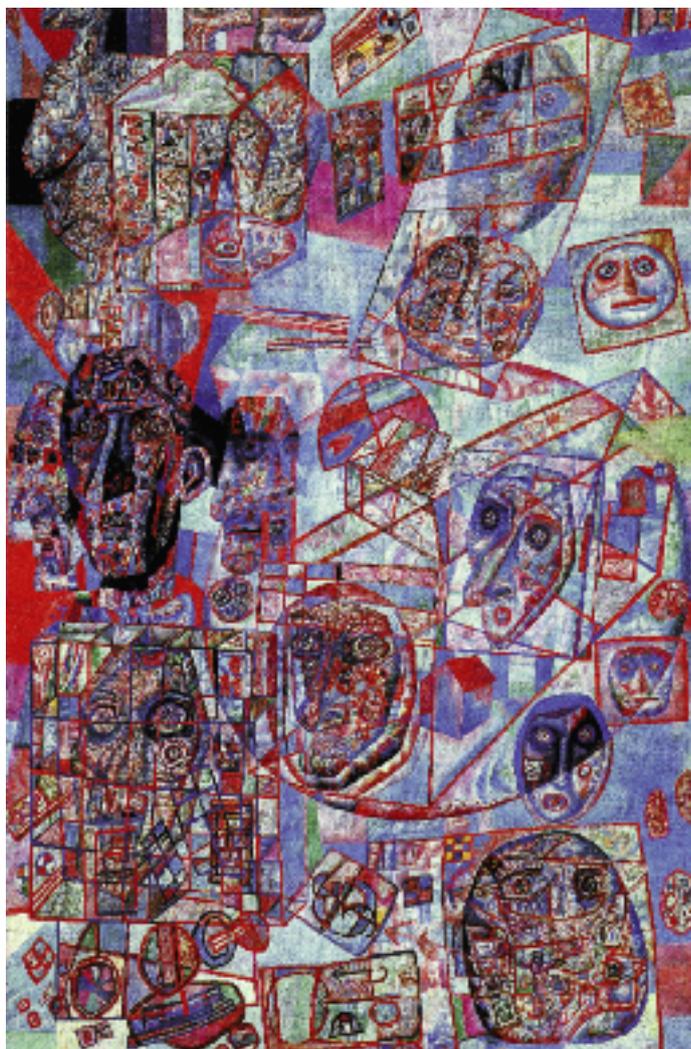
И наконец, третье направление – собственно сам клуб «Цивилизационная динамика». О содержании этого проекта, о том, каким он виделся несколько месяцев назад, я написал в первом номере журнала – изложил свое понима-

ние того, что такое цивилизационный выбор, цивилизационный подход и почему необходимо анализировать происходящие в стране и мире события именно в цивилизационном аспекте. Имеет смысл кратко повторить основные мысли того текста, особенно сосредоточившись на вопросе: почему «цивилизационная» и почему «динамика».

Цивилизационный поход – это описание общества на языке ценностей этого общества и других устойчивых качеств, политических принципов и иных основополагающих критериев, которые являются наиболее устойчивыми и даже кажутся неизменными. Но откуда же тогда динамика? Динамика возникает, например, тогда, когда происходит отказ от прежней религии и принимается религия новая. Подобное решение влечет за собой фундаментальные цивилизационные перемены, которые иногда называют цивилизационным выбором. Есть менее очевидные изменения в элементах культуры, которые происходят под влиянием самых разных факторов: от влияния новых политических идеологий до воздействия в результате развития науки и техники. Или, например, когда в стране происходит захват власти лицами, которые начинают ее рассматривать единственно как источник собственного обогащения и для успешной реализации поставленной задачи принимаются за реформирование менталитета народа.

Словом, изменения на цивилизационном уровне, безусловно, происходят, и их необходимо вовремя замечать, оценивать и измерять, понимать их причины и прогнозировать последствия, наконец, делать вывод об их приемлемости или неприемлемости, чтобы понимать, ведут ли они к утрате цивилизационной идентичности как таковой или нет, – и либо принимать вырисовывающийся исход и соглашаться с ним, либо сопротивляться ему. Смердяков считал, что, вроде бы, хорошо, когда умная нация побеждает нацию глупую. Но сейчас смердяковы работают на высоких должностях, у них есть рычаги власти, и они пытаются всех нас реформировать в соответствии с собственными идеалами и представлениями о должном.

Мы хотим создать интеллектуальный центр, который объединил бы лучшие умы и силы для разработки и формирования того экспертно-аналитического продукта, который должен стать базисом жизнедеятельности государства. У нас амбициозные планы: мы хотим изменить судьбу России и даже мира в целом. Все проигрыши и неудачи нашей страны – это прежде всего интеллектуальные проигрыши и интеллектуальные неудачи. Людям даны свобода воли и интеллект. Интеллекту – как инструменту – необходимо нечто, способное направлять его, оце-

Павел Филонов. Человек в мире. 1925 год

Изменения на цивилизационном уровне происходят, и их необходимо вовремя замечать, оценивать и измерять, понимать их причины и прогнозировать последствия, наконец, делать вывод об их приемлемости или неприемлемости, чтобы понимать, ведут ли они к утрате цивилизационной идентичности как таковой или нет, – и либо принимать вырисовывающийся исход и соглашаться с ним, либо сопротивляться ему

нивать результаты его работы и делать выводы, правильно ли он работает или неправильно. Это нечто – совесть, или этическая система. А значит, все проигрыши и неудачи нашей страны – это не только интеллектуальные, но и этические проигрыши и неудачи. Осознав это, выработав соответствующие технологии, мы в нашем клубе создадим тот инструментарий, с помощью которого можно будет изменить траекторию развития страны.

→ Мы начинаем не на пустом месте, потому что то, о чем я говорю, делают очень многие в разного рода интеллектуальных центрах, имеются колоссальные заделы и впечатляющие результаты, которые, однако, не удается выводить на уровень лиц, принимающих решения, навязывать политической системе. Это отдельная проблема, и мы будем пытаться ее решать.

Для того, чтобы взяться за обозначенный круг проблем, у нас – благодаря партнерству с Группой компаний «ЭФКО» – имеются все необходимые ресурсы – материальные и моральные, – налицо единодушие и единомыслие, есть возможности влиять на продвижение того продукта, который мы будем создавать.

По своей форме деятельность клуба – это работа постоянно действующих семинаров, публикация статей, подготовка обобщающих трудов, коллективных монографий, аналитических докладов и даже учебно-методических пособий. Потому что пришла пора писать учебники. Причем учебники не только для учащихся, для молодежи, но и для всего высшего управленческого слоя государства, для деятелей культуры и искусства, а также для самих учителей и профессоров. Сегодня крайне востребован междисциплинарный синтезирующий учебник, который можно было бы назвать учебником мировоззрения.

Мы начинаем эксперимент по собиранию лучших сил, способных сконцентрировать творческую мощь, волю и голос совести для создания базы тех смыслов, которые смогли бы стать основой, опорой, рычагом для выбора Россией правильного направления развития. Развитие же складывается из действий конкретных людей и в первую очередь тех, кто занят реальным производством. И тут мы уже непосредственно подходим к теме сегодняшней экспертной сессии, которая называется «Русский менеджмент».

О том, насколько удачно или неудачно слово «менеджмент» в сочетании со словом «русский», мы еще сегодня, надеюсь, поговорим. Но

Люди действуют исходя из субъективных и не всегда осознанных мотиваций и представлений о должном, поэтому, занимаясь управлением, нельзя не учитывать индивидуальную, групповую и социальную философию

сразу могу сказать, что когда мы думали над формулировкой темы экспертной сессии, было найдено понятие, которое гораздо более точно, ёмко и верно очерчивает круг интересующих нас проблем. Это понятие – русский способ производства. Мы все хорошо помним концепты из марксистской политэкономии – производительные силы, производственные отношения, общественно-экономические формации, наконец, понятия азиатского, античного и иных – привязанных к определенным историческим эпохам и географическим ареалам – способов производства. Но в догматизированном марксизме производственные отношения практически целиком сводились к отношениям собственности, хотя совершенно очевидно, что производственные отношения включают в себя и психологические, и ментальные, и культурные, и религиозные, и прочие нематериальные факторы. И если воспринимать производственные отношения именно в таком – расширительном – смысле, то не распространить ли эти марксистские концепты на нашу культуру и не задаться ли вопросом: существует ли русский способ производства? Если существует, то каков он? Как он соотносится с марксистским учением о формациях? В какой мере для этого способа производства значимы мотивации и управление ими? Ричард Талер только что получил Нобелевскую премию по экономике 2017 года за «исследование поведенческой экономики», а значит, роль психологии, смыслов, целеполагания должна учитываться в гораздо большей степени, нежели это обычно делается в нашей экспертно-аналитической среде. Люди действуют исходя из субъективных и не всегда осознанных мотиваций и представлений о должном, поэтому, занимаясь управлением, нельзя не учитывать индивидуальную, групповую и социальную философию.

Итак, не будем сторониться высоких целей и уклоняться от решения сложных и вместе с тем чрезвычайно важных задач.

Итак, не будем сторониться высоких целей и уклоняться от решения сложных и вместе с тем чрезвычайно важных задач.

Вообще словосочетание «русский менеджмент» звучит как оксюморон: если «русский», то может ли это быть «менеджментом», и если «менеджмент», то правомерно ли применять к нему определение «русский»? Существует мнение, что этимологически слово «менеджмент» восходит к итальянскому глаголу *maneggiare*, что означает уметь управлять лошадью. Но для такого умения не требуется никаких нравственных интенций. Отсюда и цель менеджмента – это получение прибыли, эффективное распоряжение ресурсами ради получения максимального эффекта. Менеджмент стремится к минимизации издержек производства, чтобы добиться получения максимально возможной прибыли. В России же традиционно совершенно другой подход к управлению. Сами слова «управление», «править» восходят к слову «правда». Управлять – значит утверждать свою правду. Отсюда и управленческая цель в нашей культуре совершенно другая, нежели на Западе, а именно: не получение прибыли, а реализация ценностно-смысловых оснований управления. Поэтому, говоря о русской модели организации производственной жизни, необходимо разграничивать оба этих слова – «менеджмент» и «управление» (слайд 1).

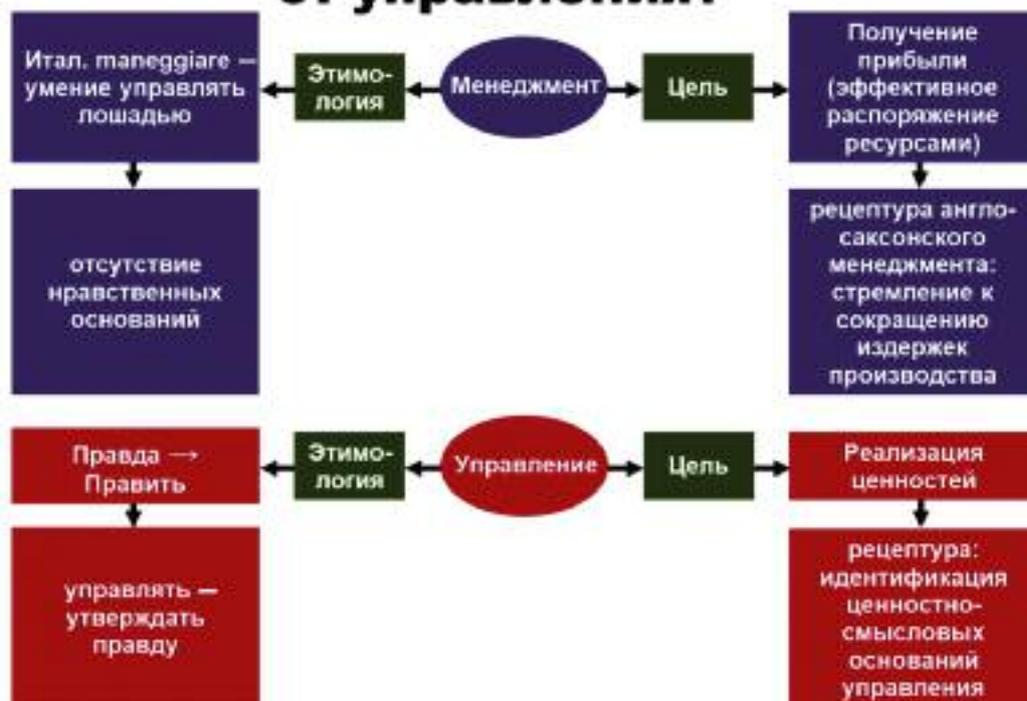
Сложилось два основных подхода, две основные школы менеджмента. Одна из них – точнее, целый ряд направлений, которые придерживаются одной ориентации, – исходит из аксиоматического утверждения универсальности экономических рычагов управления. На каком-то этапе возникла оппонирующая ей школа, первоначально апеллировавшая к японскому опыту, в котором большое внимание уделяется именно психологическим и культурным основаниям деловой активности. Эту школу можно назвать школой человеческих отношений. Но для русского управления совершенно не годится первый подход и явно недостаточен подход второй, поскольку он игнорирует смыслы, идеологию управления (слайд 2).

Вардан Эрнестович Багдасарян – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета

Чем менеджмент отличается от управления?

Слайд 1

Школы менеджмента в перспективе формирования отечественной школы управления

Слайд 2

→ Странники менеджерской парадигмы, оценивая русскую модель управления, делают сходные выводы. Так, руководитель известного либерального мозгового треста – Института современного развития – Игорь Юргенс утверждает: «На Западе люди переселились из деревни в город уже давно, поэтому у них в сознании закрепились индивидуальность: нужно пробиваться, надеяться на себя, развиваться, расти. Русские еще очень архаичны. В российском менталитете общность выше, чем личность. Поэтому “государство всё, а мои усилия – ничего”. Пускай кто-то что-то делает, борется, а у меня своих проблем хватает». Отсюда делается весьма симптоматичный вывод: «Модернизации России мешают русские – основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет». Либеральный экономист и декан экономического факультета Московского университета Александр Аузан дает более развернутую аргументацию: «Примеры успешных переходов крайне редки, чаще всего страны прыгают вверх, но затем ударяются о потолок и снова съезжают вниз. Именно это и есть “эффект колеи”. И именно к такому типу стран относится Россия. <...> Все попытки перехода с низкой траектории развития на высокую в России вот уже несколько столетий неизменно срываются, и страна раз за разом возвращается к застою. Жить в стране, которая заклинивается в развитии, – очень непростая задача. <...> Мы можем наблюдать не только колею, по которой движется Россия, но даже и точ-

ку, в которой была совершена ошибка первоначального институционального выбора, – XIV-XV века, когда начали зарождаться институты самодержавия и крепостничества. <...> Первоначально Россией был сделан неправильный выбор, который породил неправильные институты. Крепостничество и самодержавие дали очень неожиданные результаты, но вместе с тем никак не отпускают нас. Они продолжают жить в призывной армии, в промышленности, применяются по отношению к гастарбайтерам и так далее. Закрепляются они культурой и воспроизводятся через культурную трансмиссию.

В концентрированном виде все эти объяснения причины якобы имманентного отставания России от Запада можно свести к трем утверждениям. Первое утверждение находится вполне в рамках теории модернизации: Россия запаздывает, и то, что происходит в России, – это болезни роста, но всё равно путь развития для всех единый. Второе утверждение делается в рамках неошумпетеровской теории: из русских институтов – как бы их ни комбинировать друг с другом – никогда ничего путного не выйдет, то есть причина в их генетическом дефекте. Третье утверждение сводится к теории институциональных изменений: из-за какой-то исторической ошибки, некогда неправильно сделанного выбора всё последующее развитие пошло неверным путем – например, из-за принятия Россией православия. Но из всех трех утверждений делается один и тот же вывод: культурная спе-

Современный западный дискурс о «незападной отсталости»

Слайд 3

цификация России является препятствием для развития, и отсюда однозначно вытекает указание на необходимость ее цивилизационной самоликвидации (слайд 3).

Приходится констатировать, что в настоящее время у нас не только корпоративное, но и государственное управление в той или иной степени следует тому или другому из трех приведенных утверждений и исповедует систему представлений, которую можно назвать философией несuverенной экономики. Эта философия исходит из представления о том, что развиваться можно только на основе комплекса определенных парадигм – таких, как: рыночная экономика и свободный рынок, открытое общество и внешняя открытость, недопустимость мобилизационной экономики, преимущество частного перед государственным, страновая спе-

циализация, международное разделение труда, неэффективность монополии, конкуренция как мерило успешности и др. Эта философия неминуемо ведет к признанию не просто неизбежности, но и благотворности несuverенного положения экономики и внешнего управления ею со стороны глобальных или просто зарубежных акторов (слайд 4).

Между тем русская модель не только возможна, но неизбежна. Стоит вспомнить слова одного из авторов экономических реформ в России первой половины 1990-х Джеффри Сакса, которые он произнес спустя несколько лет после активного сотрудничества с российским правительством: «Мы положили больного (Россию. – В.Б.) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Что же это за такая «другая анатомия»? →

Философия несuverенной экономики

Слайд 4

Условная классификация деловых культур

Слайд 5

- Во многие учебники по сравнительному менеджменту вошел хрестоматийный пример с американцем-работодателем и греком-работником.

Американец: «Сколько необходимо времени, чтобы закончить отчет?» При этом американец думает: «Я прошу принять участие в деле». Грек думает: «Его поведение не имеет смысла. Он – босс».

Грек: «Я не знаю, сколько у меня есть времени». Американец думает: «Он не хочет брать ответственность на себя». Грек думает: «Пусть он даст распоряжение».

Американец: «Вам лучше знать, сколько необходимо времени».

Грек отвечает: «10 дней». При этом грек думает: «Дам любой ответ, только бы отвязался». Американец думает: «Он не может правильно оценивать время, предложение неадекватно».

Американец: «Пусть будет 15 дней. Согласны? Вы сделаете это за 15 дней?» Американец думает: «Я предлагаю ему контракт». Грек думает: «Это приказ».

Грек: «Окей».

На самом деле для выполнения отчета требовалось 30 дней. Так что греку пришлось работать круглыми сутками, но к концу 15-го дня ему оставалось работы еще на один день.

Американец: «Где отчет? Американец задается вопросом: «Выполнил ли грек отчет?» Грек думает: «Он требует отчет».

Грек: «Будет завтра».

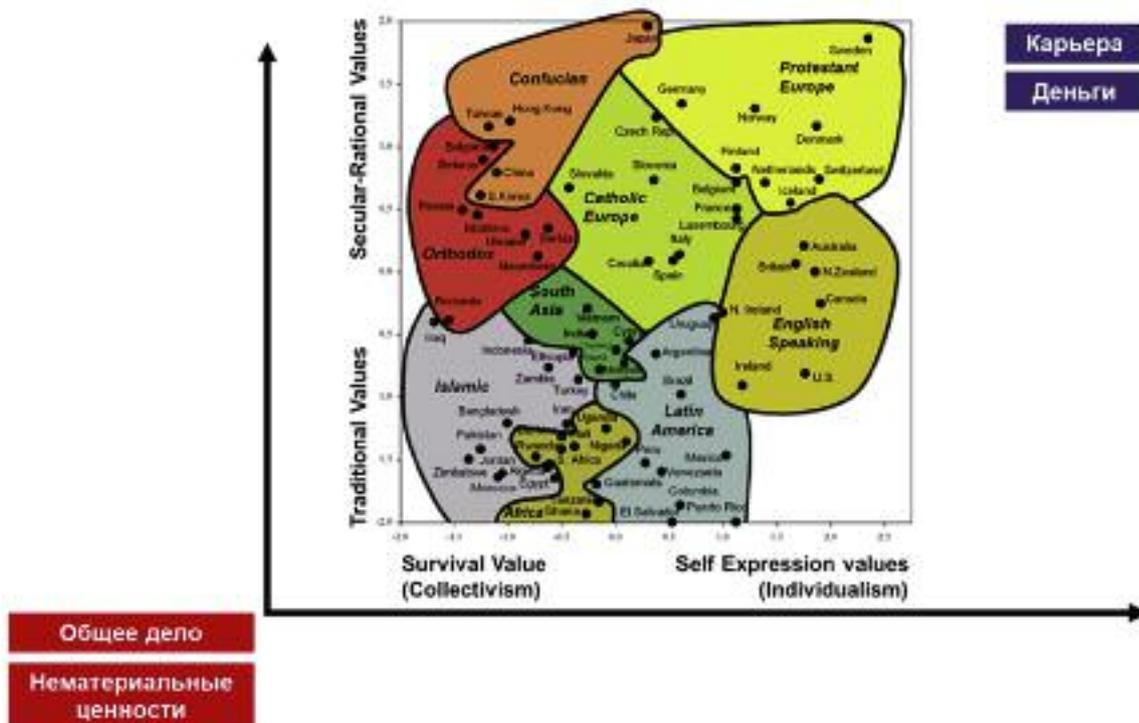
Американец: «Но мы договаривались на сегодня». Американец думает: «Я должен научить его соблюдать контракт». Грек думает: «Какой глупый и некомпетентный начальник! Отдал неверное распоряжение, так еще и не в состоянии оценить, что работу, на выполнение которой требовалось 30 дней, я выполню за 16 дней».

В итоге грек подал заявление об увольнении. Американец был удивлен таким решением. А грек говорил себе: «Я не могу работать с таким человеком».

Это – яркий пример несовместимости, нестыковки разных деловых культур, которые, в свою очередь, напрямую зависят от культур общих, цивилизационных (слайд 5).

Сослюсь на достаточно интересное и перспективное исследование, выполненное в рамках школы Герта Хофстеде. В нем выстраивается рейтинг стран по критерию развития в них рыночных отношений. Но вместе с тем получается, что верхние позиции в этом рейтинге занимают протестантские страны, а нижние – страны православные. То есть цивилизационно-культурная ориентация страны непосредственно влияет на уровень развития в ней рыночных отношений. А значит, и менеджмент в разных по своей культурно-религиозной принадлежности странах должен быть разным, а не единственным – обязательным для всех в качестве эталона.

Ценности и организационные мотиваторы

Слайд 6

Наглядно подтверждает неэффективность западного менеджмента для незападных стран и графическая модель ценностей и организационных мотиваторов, которая разработана школой Рональда Инглхарта. Из этой модели следует, что хотя мы и сдвинулись в последние годы в направлении Запада, всё равно – Россия движется своим путем, а значит, и управляться она должна иначе (слайд 6).

Интересно сопоставить социальную вариативность традиционного аграрного общества в Западной Европе, России и Китае. Анализ показывает, что под вывеской того, что определяется во всех случаях как община, функционируют разные социальные институты. В российском случае община-мир – это институт коллективного трудового вспомоществования с соответствующей сакрализацией самого принципа коллективности (слайд 7).

Казалось бы, когда человек высвобождается из общинных пут и становится свободным, он – если следовать концепции экономического человека – должен стремительно становиться успешным и процветающим. Но русский публицист Михаил Меньшиков, оценивая крестьянскую реформу 1861 года, утверждал обратное: «На великий акт освобождения от неволи народ <...> ответил <...> быстрым развитием пьянства <...> быстрым развитием преступности <...> быстрым развитием разврата <...> быстрым развитием

безбожия и охлаждением к церкви <...> бегством из деревни в города, прельщавшие <...> притонами и кабаками <...> быстрой потерей всех дисциплин – государственной, семейной, нравственно-религиозной – и превращением в нигилиста».

То, что действительно и работает в рамках одной культуры, не всегда оказывается успешным и эффективным в рамках культуры другой. Причем под культурой в данном случае следует подразумевать не только национальные, религиозные и цивилизационные различия, но и непреодолимую пропасть между традиционным и модернизированным обществами. Макс Вебер говорил о существовании ограничителей денежной мотивации для традиционных обществ: «В ряду случаев повышение расценок ведет за собой не рост, а снижение производительности труда, так как рабочие реагируют на повышение заработной платы уменьшением, а не увеличением дневной выработки. <...> Увеличение заработка привлекло его (жнеца. – В.Б.) меньше, чем облегчение работы; он не спрашивал, сколько я смогу заработать за день, увеличив до максимума производительность моего труда; вопрос ставился по-иному: сколько мне надо работать для того, чтобы заработать те же 2,5 марки, которые я получал до сих пор и которые удовлетворяли мои традиционные потребности? Приведенный пример может служить иллюстрацией того строя мышления, который мы →

Социальная вариативность традиционного аграрного общества (Западная Европа, Россия, Китай)

Критерии сравнения	1	2	3
Цивилизация	Западная Европа	Россия	Китай
Наименование социальной единицы	Civitas	Община	Цзя
Землевание	Частная собственность	Фактическая общинная собственность (при юридической собственности помещика)	Распоряжение рода при собственности государства
Состав	Коллектив собственников земли	Коллектив, объединенный совместной хозяйственной деятельностью и государственным тяглом	Члены клана
Право собственности и правосознание	Частное право	Трудовое право	Родовая традиция
Управление	Группа выборных лиц	Сход	Старейшины клана
Взаимопомощь	Индивидуальные кредиты	Помочи (коллективная трудовая помощь)	Обязательное общинное кредитование
Ментальная парадигма	Индивидуализм	Коллективизм	Родовая традиция

Слайд 7

→ именуем “традиционализмом”: человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, всё больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пы-

тался повысить “производительность” труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду».

В русском корпоративном управлении ни в коем случае нельзя делать того, что, напротив,

Иерархия мотиваторов в русском менеджменте

Слайд 8

Характеристики персонала оборонной промышленности СССР (1990-1991 гг.)

Широко распространенные качества:

Стремление к совместной, коллективной работе
Чувство причастности к общему делу
Профессиональная универсальность, стремление к совмещению профессий
Склонность к оригинальным решениям, новаторству, рационализаторской и изобретательской деятельности
Готовность бескорыстно оказать помощь
Быстрая реакция на смену обстоятельств
Готовность подчиниться неформальному лидеру
Предпочтение свободного индивидуального ритма работы
Престижность индустриального труда
Непривязанность к "высочкам", быстрому карьерному продвижению

Мало-распространенные качества:

Способность к монотонному, стереотипному труду
Предпочтение технологий с заданным ритмом
Приверженность индивидуальным формам труда
Высокий уровень личных притязаний, честолюбие

Слайд 9

сейчас делается повсеместно и воплощается в рецептуре «эффективного контракта», а именно: преимущественно мотивировать отношение работника к труду зарплатой и – как заход с противоположной стороны – штрафами. Такая «растяжка» приводит к культурной разбалансировке: руководитель лишается в глазах работника образа хозяина, происходит десакрализация отношений работника с его коллегами, которые теперь становятся конкурентами. В результате начинается латентный саботаж, происходит подавление мотиваторов общего дела.

На вершине иерархии мотиваторов в русском управлении вовсе не деньги, а потребность решения сверхзадачи. Но если главный мотиватор – решение сверхзадачи, то в соответствии с ним должна быть выстроена и вся управленческая система: мировоззрение – философия общего дела; культура – подготовка мыслителя, а не исполнителя; культура – эмоционально-психологическая мотивировка на свершения; идентификация – дихотомия «мы»–«они», образ врага, а не только конкурента; модель управления – идеократия (слайд 8).

В последние годы существования Советского Союза с участием западных социологов было проведено комплексное исследование культурного мира и мотиваций персонала предприятий оборонной промышленности. Исследование нагляд-

но показало онтологическую чуждость советскому человеку исходных принципов отношения к труду и вознаграждению труда на Западе (слайд 9).

Всё это позволяет говорить об особом типе организации, построенной на принципах русского управления. Из распространенных в западном менеджменте моделей ни одна применительно к России не функциональна. Ближе к российским реалиям восточная модель корпорации как патриархальной семьи, но и она не соответствует в полной мере русскому типу управления. Этот тип управления выстраивается по аналогии даже не с семьей, а с церковью. Отличительная его особенность – наличие системообразующей идеи.

Специфика русского управления – в формировании у работников убежденности и ощущения сопричастности к выполнению какого-то общего дела, причем такого общего дела, которое обладает высоким морально-этическим смыслом. А значит, в пространстве русского управления нет и не может быть конкуренции как некоего универсального двигателя прогресса. Историческая, цивилизационная миссия России как раз и заключается в том, чтобы доказать всему миру возможность развития не за счет конкуренции, а благодаря солидарному труду и соответствующим – возвращаемым таким трудом – индивидуальным и коллективным качествам (слайд 10). →

Альтернативные модели развития

Слайд 10

→ Наконец, русское управление идеократично по своей сути. Поэтому для этого типа управления чрезвычайно актуальной, острой и значимой является задача формирования такой антропологической природы, которая была бы ориентирована не на потребительские ценности, а на высокие смыслы (слайд 11).

Поэтому русская модель управления – это такой способ организации жизни – индивидуальной, общественной, государственной и цивилизационной, – который только и способен предложить действенную альтернативу западному менеджерскому подходу и в итоге дать миру перспективу достойного и солидарного развития.

Потребность в идеократии

Слайд 11

У

же давно меня стал занимать вопрос относительно не то чтобы истинности, но, во всяком случае, соответствия политической экономики, ее выкладок существующей реальности. И чем больше я об этом думал, тем дальше расходились, разбегались в моем представлении друг от друга реальность и политэкономика. Я стал искать выход из этого тупикового положения. Сначала, как это обычно бывает, пытался найти выход в новой аксиоматике для политической экономики. Но из этого у меня ничего не вышло, и в конце концов я оказался за пределами сначала политической экономики, а потом – и науки как таковой, перешел, так сказать, в метанаучную сферу и обратился к философии хозяйства, причем вполне независимо от классического труда Сергея Николаевича Булгакова «Философия хозяйства» (1912 г.), тогда мне неизвестного. Было это на рубеже 1970–1980-х годов, когда Булгаков был еще мало кому известным в СССР. И когда я познакомился с этим трудом, я понял, что он не менее фундаментальный и сложный, чем «Капитал» Маркса. И вот уже несколько десятилетий я занимаюсь философией хозяйства, издаю журнал, который так и называется.

София Премудрость Божия. Около 1580 года

Эта область с полным основанием может быть названа постнаучной метафизикой, то есть областью, предполагающей безусловное существование трансцендентного, запредельного

Эта область с полным основанием может быть названа постнаучной метафизикой, то есть областью, предполагающей безусловное существование трансцендентного, запредельного. И так я постепенно – вслед за Булгаковым – подошел к необходимости постижения, насколько это вообще возможно, Софии Премудрости Божьей, к осознанию того, что София была до сотворения мира, о чем нам известно от библейского царя Соломона. То есть София была до появления этого мира – мира, в котором потом появился и человек. Я считаю себя наследником русской софийной философии, которая разрабатывалась русскими философами начала XX века. Поэтому всё остальное, чем сегодня занимается современная наука, представляется мне уже некоей частностью, причем частностью, которая даже самой наукой трактуется как частность, не слишком и соответствующая реальности. То есть научный гнозис не соответствует реальному онтосу, а онтос принципиально ненаучен, его можно схватывать только через метафизику, на высшем уровне – через софийный подход.

Подобный взгляд позволяет иметь свое собственное мировоззрение и осуществлять самостоятельный концептуальный поиск, раскрывающий неочевидные стороны реальности, трактующий реальность. Поиск не просто концептуальный, но и прогностический, управленческий – не в смысле менеджериализма, а в смысле постижения тех процессов, которые происходят в мире. Это не поиск экономической эффективности, а постижение концептуальных замыслов, которые реализует человечество. Например, концептуального замысла русской цивилизации. Ведь русская цивилизация, как матрешка, состоит из разных цивилизаций. То есть подход к России как к обычной заурядной цивилизации – недостаточный, неполный. Русская цивилизация – это мир, который существует в борьбе с анти-Россией и никак этой анти-Россией не смывается, не уничтожается. Россия всё время возрождается. Значит, у России существует некое начало, которое выходит за рамки тех представлений, которые обычно бытуют в человеческом сознании.

Юрий Михайлович Осипов – экономист, философ, писатель, доктор экономических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Напомню одно замечательное выражение, которое в Интернете приписывается Станиславу Ежи Лецу, но в реальности принадлежит Антуану де Сент-Экзюпери: «В действительности всё совсем не так, как на самом деле».

Михаил Леонидович Хазин – экономист

Как человек, который немножко разбирается в том, как устроено государственное управление, могу сказать, что все научные концепции вообще не имеют ничего общего с реальным управлением. Не то чтобы они были совсем уж неправильными, но они другие – находящиеся в перпендикулярном простран-

стве к тому, которое они формально должны описывать и характеризовать. Когда я работал в Министерстве экономики, то тогдашний глава этого ведомства Евгений Ясин время от времени приглашал к себе профессоров и других ученых мужей для обсуждения тех или иных острых социальных проблем. Эти профессора очень интересно высказывались, что-то говорили, что-то объясняли, какие-то концепции строили. А потом выходил один старый госплановский дедушка по фамилии Голубев – он умер, когда я уходил из министерства, – и на пальцах в течение двух минут объяснял, что на самом деле происходит в экономике. И это производило всегда невероятно сильное впечатление на профессоров, которые – в отличие от представителей гайдаровского правительства – в общем-то не были людьми злонамеренными.

Мне было очень интересно выслушать предыдущие доклады, и я могу сказать следующее. Мы с Сергеем Ильичом Гавриленковым, кото-

рый, к сожалению, вышел на пенсию и уехал из страны, разработали концепцию глобальных проектов, в которой объяснили, что любая система хозяйствования определяется базовым набором идей, по которым живет общество. Скажем, современная либеральная система хозяйствования основывается на свободе, понимаемой в качестве права любого человека выбирать себе собственную систему ценностей. Поэтому никакого коллективизма там быть не может по определению, потому что он противоречит базовому набору идей этой системы хозяйствования. Здесь в принципе не может быть объединения людей на основе общих ценностей. Это запрещено, это немедленно преследуется на проектном уровне, и такого рода объединение целенаправленно разрушается. А советская система хозяйствования основывалась на «Красном» глобальном проекте, который построен на библейской системе ценностей.

В своем последнем тексте, посвященном юбилею Великой Октябрьской социалистической революции, я объясняю, что в реальности после октября 1917 года у нас началась схватка двух группировок. Одна группировка пыталась реализовать марксовскую концепцию – по определению западную. А другая стремилась адаптировать «Красный» проект к ценностям русской цивилизации.

Современная либеральная система хозяйствования основывается на свободе, понимаемой в качестве права любого человека выбирать себе собственную систему ценностей. Поэтому никакого коллективизма там быть не может по определению, потому что он противоречит базовому набору идей этой системы хозяйствования

Победила вторая группировка, но через 20 лет очень жесткой схватки.

Если мы посмотрим на сегодняшнюю ситуацию, то увидим, что западная модель хозяйствования, соответствующая «Западному» глобальному проекту, построенная на либеральных ценностях, закончилась. Это очевидно даже по теперешнему состоянию теоретической базы западной модели – экономикс. Ведь «Красному» проекту и «Западному» проекту соответствуют две экономические науки – политэкономия и экономикс. Это разные науки, они идеологически противоречат друг другу, потому что цель экономикс – объяснение экономических процессов в рамках табуирования темы конца капитализма. По этой причине экономикс не в состоянии описать нынешний кризис, экономикс этого кризиса просто не видит. Тема фундаментальных оснований этого кризиса в экономикс табуирована изначально. Поэтому выход из кризиса возможен только после того, как сам кризис будет описан в рамках другой науки – то есть политэкономии.

Отличие капитализма от феодализма состоит в том, что при капитализме впервые в истории в систему хозяйствования в качестве одного из факторов себестоимости включили инновации. При феодализме все инновации шли из сбережений. При капитализме они уже включены в себестоимость. Покупая сегодня изделие, мы оплачиваем инновации той компании, которая нам продает это изделие. В этом смысле СССР перенял ту модель, которая была у русских старообрядцев и у первых немецких протестантских общин. Это модель солидарного способа концентрации капитала. С мира по нитке – и образуется некоторый капитал, который можно использовать для модернизации. Собственно, сила СССР и состояла в том, что он использовал всё население, до которого реально мог дотянуться, для участия в мобилизации.

СССР перенял модель, которая была у русских старообрядцев и у первых немецких протестантских общин. Это модель солидарного способа концентрации капитала. С мира по нитке – и образуется некоторый капитал, который можно использовать для модернизации. Собственно, сила СССР и состояла в том, что он использовал всё население, до которого реально мог дотянуться, для участия в мобилизации

А модель хозяйствования, на которой основывается «Западный» либеральный проект, больше не работает. Ее последний рывок был в начале 1980-х, и он был связан с рейганомикой, когда перешли к стимулированию спроса через рефинансирование частного долга. Но этот механизм сломался в 2008 году. Дальше начинается эмиссия, но и эмиссия тоже заканчивается. Поэтому нужна не просто альтернативная модель, но альтернативная модель в рамках другой ценностной базы. В противном случае Запад распадется на отдельные валютные зоны, которые между собой будут сложным образом конкурировать. Исчезнет то преимущество, которое было у Запада изначально и которое было связано с тем, что там раньше начали. Да, Запад сильно вырвался вперед за счет усиленного спроса. И теперь он должен упасть. Приведу такой пример. Средняя заработная плата в Соединенных Штатах Америки сегодня по своей покупательной способности находится на уровне 1958 года. Потом она упадет в 1920-е годы. Сейчас, конечно же, состояние российской экономики намного лучше, чем было в СССР в 1920-х годах. Поэтому нам необходимо правильно выстроить новый хозяйственный механизм, разработать систему хозяйствования, основанную на библейской системе ценностей, но позволяющую осуществлять научно-технический прогресс.

Я не использую термин «менеджмент» и тем более «русский». Более богатым по содержанию является термин «управление». Я полагаю,

Владимир Евгеньевич Лепский – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН

что некорректно использование и термина «русское управление». Потому что невозможно поднять Россию автономно – ее можно поднять, поставить на новый путь развития только вместе с остальным миром. Мы не поднимем Россию, если не поднимем весь мир.

Итак, из чего должна сегодня исходить наука управления с точки зрения философских оснований?

Академик Вячеслав Стёпин предлагает классификацию этапов развития науки и типов научной рациональности. Все они между собой связаны, и каждый последующий является рамочной

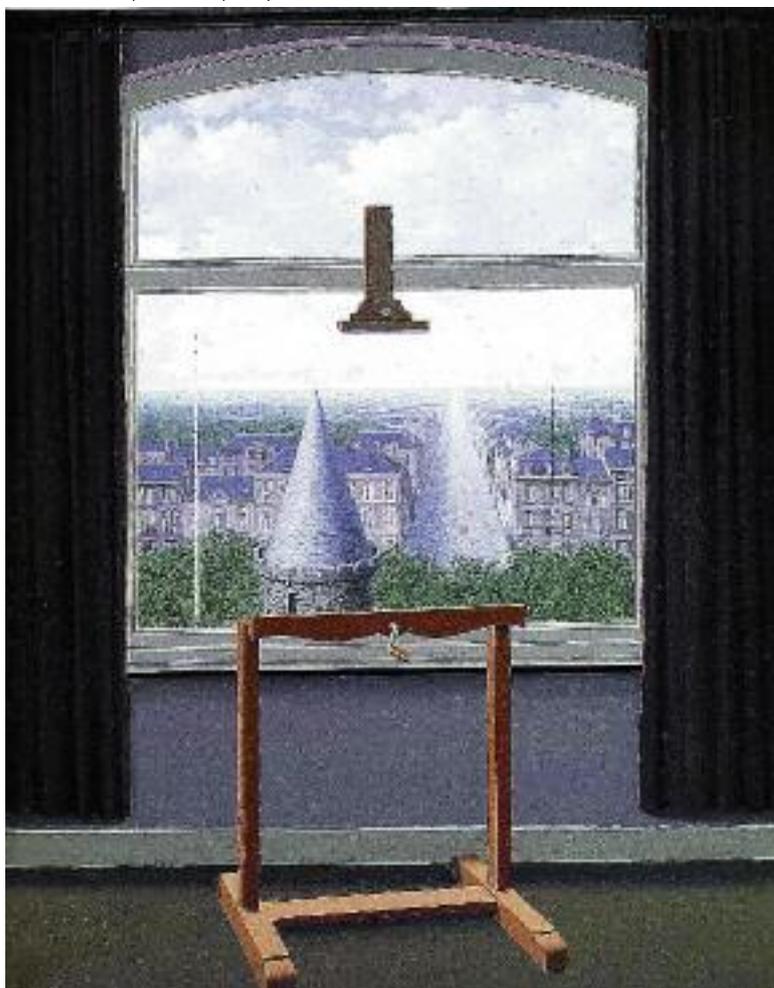
конструкцией по отношению к предыдущему. В этой классификации выделяются классическая, неклассическая, постнеклассическая научные рациональности. В чем суть постнеклассики? В постнеклассике введены не только внутренние механизмы и ценности развития науки, но и внешние – социальные. Субъект, ученый, исследователь оказывается фактически и управленцем. Он должен руководствоваться социальными ценностями, и этот принцип должен быть включен в интерпретацию получаемых знаний.

В своих разработках концепции управления я основываюсь на четырех взаимосвязанных базовых ценностях. Это:

- сохранение и развитие человека;
- сохранение и развитие человечества;
- сохранение и развитие биосферы;
- сохранение и развитие техносферы, в которой сегодня всё большую роль играет цифровая реальность.

Если мы хотим создать современную науку управления, то мы должны одновременно охватить все эти четыре базовые ценности и ориентироваться на их гармонию. Только на основа-

Рене Магритт. Прогулки Евклида. 1955 год

**Мы не поднимем Россию,
если не поднимем весь мир**

нии перечисленных ценностей мы в состоянии разработать современную кибернетику. Это социогуманитарная кибернетика третьего порядка, создаваемая в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка – Норберт Винер), к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка – Фон Ферстер) и далее к социогуманитарной кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных сред» (третьего порядка). Почему рефлексивно-активных? Потому что мы таким образом уходим от морфологии носителей различных форм активности. Важно, чтобы там были активные элементы не только естественного интеллекта, но и искусственного и между ними выстраивались бы разнообразные соорганизованности.

Уточнение сходства и различия философских оснований видения кибернетики будущего на Западе и в России было проведено на мировом конгрессе WOSC2017 в январе 2017 г. в Риме и на XI международном симпозиуме «Рефлексивные процессы и управление» в октябре 2017 г. В Москве. В международном на-

учном сообществе одобрены предложенные нами идеи кибернетики третьего порядка и намечены пути дальнейшего сотрудничества. Есть основания полагать, что кибернетика третьего порядка могла бы стать локомотивом перехода к социогуманитарной цивилизации и седьмому социогуманитарному технологическому укладу.

Кибернетика третьего порядка ориентирована на преодоление бессубъектности развития. Фактически создание современной науки управления связано с переходом от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации, что предполагает формирование целей и механизмов управления с учетом указанных выше базовых ценностей. Нужно перейти от рыночного эгоизма к гармонии субъектов развития, которая будет способствовать сборке субъектов развития и преодолению бессубъектности развития.

На повестке дня отказ от техногенной возгонки технологических укладов, которые несут человечеству всё более серьезные и непреодолимые угрозы, и переход к седьмому социогуманитарному технологическому укладу в рамках социогуманитарной цивилизации. Такая стратегия позволит России выйти на передовые рубежи развития, никого не догоняя. Социогуманитарный уклад гармонизирует человечество и дает России шанс стать мировоззренческим лидером планеты. То есть для нас единственный способ оторваться вперед в своем развитии – это перейти в принципиально другой социогуманитарный технологический уклад.

Настало время формирования не только социогуманитарной кибернетики как науки, но и ориентированной на практику управления и развития области – социогуманитарной эргономики.

Указанные направления конструирования нового социогуманитарного уклада и его локомотивов – кибернетики третьего порядка и социогуманитарной эргономики – согласуются с четко проявляющимися в настоящее время социогуманитарными трендами в проблематике управления, в частности:

- тренд философский – переход от позитивизма к философскому конструктивизму в его гуманистической трактовке;

Социогуманитарная кибернетика третьего порядка создается в логике восхождения от кибернетики «наблюдаемых систем» (первого порядка), к кибернетике «наблюдающих систем» (второго порядка) и далее к социогуманитарной кибернетике «саморазвивающихся рефлексивно-активных сред» (третьего порядка)

- тренды базовых научных подходов (деятельностный, субъектно-деятельностный, субъектно-ориентированный);
- тренды базовых видов активности (деятельностный, коммуникативный, рефлексивный);
- тренд механизмов интеграций знаний (монодисциплинарный, междисциплинарный, трансдисциплинарный);
- тренд видов управления (классический, рефлексивный, через полисубъектные среды);
- тренд механизмов управления (иерархии, сети, среды);
- тренд этических регуляторов (этика целей в классической науке, коммуникативная этика, этика стратегических субъектов, которые регулируют свою деятельность с учетом интересов целого).

Изложенные идеи в основном родились в 1980-е годы, когда я занимался автоматизацией управления страной, отвечал за человеческий фактор. Сегодня же наступило время их философского осмысления, развития и продвижения в практику. **Б**

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

В Новой Третьяковке на Крымском валу
до конца новогодних каникул 2018 года будет проходить
выставка с интригующим названием «Некто 1917»

Михаил Нестеров.
На Руси. Душа народа.
1914–1916 годы

Юбилейные даты притягивают к себе внимание даже тех, кто живет спустя много времени после самих событий, которые имели место какое-то круглое число лет назад. Кажется, что такие события даже ближе и понятнее нам, нежели то, чему мы являемся свидетелями. В свой юбилей тот или иной исторический факт, как комета Галлея, снова пронесется мимо нас, осеняя своим шлейфом. Всё это сполна относится и к Революции 1917 года, юбилей которой продолжается на протяжении всего текущего года. Наверное, неспроста в политическом пространстве этот юбилей как-то не прозвучал. Можно назвать разные причины, почему так вышло, но, наверное, главная из них – это исчерпанность революционного пафоса, его неуместность в наше время, усталость от перемен, особенно если эти перемены фундаментальны и меняют сами основы социального бытия. Поэтому 100-летие Революции 1917 года – это для нашего времени, скорее, даже не праздник, а некая мистическая дата, своего рода воспоминание о том «золотом» времени, когда – иллюзорно или нет – перед Россией, ее народом и ее искусством открывалась новая эпоха, которую можно было придумывать с чистого листа. О подобных ощущениях начавшихся тектонических перемен в истории, о предчувствии пришествия чего-то никогда прежде не бывшего, пока что совершенно непонятного и неведомого, о том, как люди искусства век назад воспринимали события 1917 года, – выставка в Новой Третьяковке на Крымском валу, которая называется «Некто 1917».

Название выставки – это строчка из произведения Велимира Хлебникова, которое называется «Взор на 1917 год». Это произведение было опубликовано в знаменитом поэтическом сборнике кубофутуристов «Пощечина общественному вкусу», который вышел в 1912 г. «Взор на 1917 год» поэтическим сочинением можно назвать только очень условно: это «стихотворение» представляет собой перечень стран и империй с указанием дат величайших исторических катастроф, которые эти государства пережили в своей истории. Например, «Рим 476» – это падение западной Римской империи в 476 г. н. э. «Византия 1453» – разгром Константинополя турками в 1453 г. и окончательное падение Византийской империи. «Россия 1237» – вторжение на Русь Батые, которое положило начало монгольскому игу. Завершается этот перечень Хлебникова как раз надписью «Некто 1917». Приня-

Кузьма Петров-Водкин. Две. 1917 год

Кузьма Петров-Водкин. Полдень. Лето. 1917 год

то считать, что в этой надписи – гениальное предвидение Хлебникова Революции 1917 г. в России.

Выставка поделена на тематические кластеры, которые, однако, выглядят довольно искусственно – как, впрочем, и сами неоднократно предпринимавшиеся попытки систематизировать и периодизировать эту революцию.

Открывается экспозиция подборкой картин, озаглавленной как «Мифы о народе», а конкретно – картиной Михаила Нестерова «На Руси. Душа народа». Сам художник говорил об этом своем полотне следующее: «У каждого свои “пути” к Богу <...> но все идут к тому же самому, одни только спеша, другие мешкая, одни впереди, другие позади, одни радостно, не сомневаясь, другие, серьезные, умствуя». Картина была завершена в 1916 г., поэтому в ней революция еще не присутствует как факт свершившийся. Ужасы красного террора, Гражданская война, резня в Крыму, голод – всё это еще впереди. Революция пока – это некое предчувствие, причем предчувствие какого-то очищения и обновления, когда красный цвет воспринимается как цвет пасхальный, а не цвет крови. Смысловой центр картины – почерневшая икона, которую несет народ. Для переломных моментов истории вообще характерно обращение к традиции как чему-то проверенному, выстраданному и наверняка правильному.

В этом смысле симптоматично, что многие художники отображали революцию на языке религиозных символов и иконописных традиций, причем даже в таких специфических произведениях искусства, как пропагандистский плакат. Например, представленные на выставке плакаты «Заем Свободы» не просто отсылают зрителя к символизму и проблематике иконы, но буквально копируют их – Святой Георгий на коне, апостольские лики, цвета. В этой же стилистике выдержаны и картины Кузьмы Петрова-Водкина. Например, его полотно «Две» вообще читается как иконописные образы фресок Дионисия или Андрея Рублева – те же красно-розовые, синие и небесно-голубые тона. Оба лица явно контрастируют друг с другом. Композиционно эта картина повторяет его более ранние работы – «Две девушки», «Девушки на Волге». Но картина «Две», написанная в 1917 году, смотрится уже совсем по-другому. Похоже, что революционные события подтолкнули Петрова-Водкина глубже и символичнее представить своих старых персонажей. На картине «Две» изображены девушки. Одна из них – белокурая, типично европейской внешности, одетая в синюю рубашу. Другая девушка – с неудовимо монгольскими чертами лица, карими глазами, носом с горбинкой и в красной рубаше. Обе девушки как бы ведут между собой внутренний, бессловесный диалог. О чем? Не о разбухенной ли революционными событиями многонациональной России?

Другая картина Петрова-Водкина, также написанная в 1917 году, – «Полдень. Лето». Здесь революция, да и какие бы то ни было другие политические катаклизмы не ощущаются. Это мирное сонное убежище, где всё идет своим чередом среди холмов и роц Центральной России. Зритель смотрит на весь пейзаж слегка сверху – как будто расположившись на яблоне. Перед ним открывается зеленая даль и река – скорее всего Волга. А внизу под яблоней проходит вся человеческая жизнь. Куда-то едет бричка, кто-то колет дрова, пасутся коровы, отдыхают косцы, гуляют влюбленные, мать кормит младенца, движется погребальная процессия. Какие бы революции ни происходили, главное в человеческой жизни всегда останется неизменным. →

Кузьма Петров-Водкин. 1918 год в Петрограде (Петроградская Мадонна). 1920 год

Марк Шагал. Венчание. 1918 год

→ Еще одна хрестоматийная картина Петрова-Водкина – «1918 год в Петрограде». Эта «Петроградская Мадонна» недаром считается символом тех лет. Пейзаж за спиной «Мадонны» напоминает Венецию (в конце концов, Петербург ведь – Северная Венеция). В самом центре картины – и геометрическом, и смысловом – глаза женщины. Этот взгляд – один из немногих взглядов с картин того времени – как будто не только прозревает надвигающееся будущее, но и непосредственно знает о нем, и во взгляде этом – глубокая жалость.

Революция понимается и художниками, и героями их картин как нравственное преобразование, как воскресение – о политике они, кажется, уже не думают. Их мироощущение напоминает героев «Коня бледного» Бориса Савинкова или стихи Сергея Есенина (достаточно посмотреть на названия его стихов времени революции – «Пришествие», «Преображение», «Иорданская голубица»).

Особняком стоят картины Марка Шагала. На них – не столько подъем и ликование, сколько робкая надежда на лучшее, но вместе с тяжелым ощущением сгущающегося мрака. На картине «Венчание» две человеческие фигуры кажутся крайне уязвимыми, чувствуется, что с ними скоро случится беда. Небо затянуто тяжелыми тучами, и у ангела, соединяющего новобрачных, крылья красные, и это уже – цвет крови, а не обновления.

Другой способ восприятия революционных событий – это попытка слиться с ними в одно целое. Революция сама по себе рассматривается не как разрушение, пусть даже и необходимое, но как чистое творчество и созидание. Такой взгляд на революцию как нельзя более полно воплощен во второй картине, открывающей выставку наряду с «Душой народа» Нестерова. Это – «Смутное» Василия Кандинского. Откуда-то из глубины, из зеленой дали надвигается, врывается в реальность, пестрый карнавал цвета, света и формы. Он агрессивно движется на зрителя и одновременно куда-то вверх. В искусстве тоже началась революция – революция против формы. Любые рамки, создающие замкнутое пространство, благотворно сказываются на том, что внутри этих рамок. Замкнутость уютна. Это касается не только архитектуры и человеческого бытия внутри нее, но и в целом искусства как такового. В спокойные эпохи искусство существует плавно и размеренно. Оно, конечно, не делает качественных рывков, но зато и не испытывает никаких деструктивных потрясений. В революционное время искусство, напротив, лишается всевозможных рамок – а следовательно, и стен, защищающих его от ветра истории.

Примером такого вышедшего за рамки искусства является супрематизм. На выставке представлены работы Казимира Малевича, Ольги Розановой, Ивана Клыона. Супрематисты, пожалуй, наиболее ярко выразили художественным языком идею освобождения от каких бы то ни было рамок. Они признавали только цвет – цвет как таковой. Большинство абстрактных композиций супрематизма выполнены на белом фоне. Здесь белый цвет – и символ обновления, и знак преобразования, и даже необходимое условие стерильности экспериментальной площадки принципиально

Василий Кандинский. Смутное. 1917 год

Ольга Розанова. Композиция. Распыление цвета. 1917 год

нового искусства. Из фигур преобладают квадраты и прямоугольники – сакральные для супрематистов геометрические объекты, которые, пропитавшись духом времени, выглядят динамично, но в то же время устойчиво.

Еще один способ реакции художников на революцию – это ее игнорирование, своего рода творческий эскапизм. Не желая уходить в дремучую старину, но и не имея желания воспевать революцию, такие мастера стремились отгородиться от окружающего их внешнего мира, становившегося всё более и более пугающим. Они уходили в пейзажную живопись и даже в эротику, но дух времени, в котором было всё меньше супрематистского оптимизма и всё больше свинца, заглядывал к ним в окна. То, чего человек долго и искренне ждет – неважно, со страхом или с надеждой, – он часто просто не может разглядеть, прочувствовать, понять, когда это что-то проходит мимо него, а понимает, что ожидаемое им событие всё же свершилось, только спустя какое-то время. С революцией произошло то же самое. Ее вполне можно было пропустить мимо себя, не заметить, но когда перед ней закрывали дверь, она неизменно появлялась в окнах – как на картине Сергея Виноградова «Алупка», где темная и неприветливая реальность заглядывает в окно домашнего уюта.

Сюда же можно отнести и обильно представленного на выставке Бориса Кустодиева. Всё его творчество глубоко контрреволюционно по самой своей сути. Это – художник-символист, но его символы не оторваны от реальности, не перенесены в древность и не сведены к геометрическому бунту. И еще – Кустодиев ни в коем случае не бытописец. Каждый его образ преисполнен внутренней жизни и фонтанирующей жизненности. Он видит старую Россию, любит ее и, как никто другой, понимает. Достаточно посмотреть не его портрет Николая II. Так – красочно, живо и с любовью – портрет государя удался еще только Валентину Серову. Его картины не жанровые сценки из жизни купцов и не иллюстрации к пьесам Островского – это самостоятельная цельная русская метафизика. Поэтому эскапизм Кустодиева – агрессивный и наступательный. «Свадебный пир» и «Масленица» – открытый вызов новому миру, добровольный уход из мира современного художнику искусства. А иногда Кустодиев идет и на прямое противостояние новому режиму – как, например, в картине «Большевик»: красный флаг в руках центральной фигуры застилает небо, как зарево пожара, глаза ее остановившиеся, остекленевшие. Нельзя не отметить композиционного сходства с его же картиной «Москва. I. Вступление. 1905», где смерть с окровавленными руками и ногами надвигается именно из переулков, занятых восставшими, на фоне пожаров и красного флага.

Картина Аркадия Рылова «Закат», пожалуй, наиболее явственно выражает невозможность эскапизма и всю бесперспективность этой творческой стратегии. Более тревожного и тягостного пейзажа представить себе невозможно. Здесь солнце не уходит на покой, чтобы пробудиться следующим утром, – оно умирает, заливая своей кровью всю землю и низкие фиолетовые облака. Деревца на берегу озера – чахлые и пожухлые, а само озеро тоже – не то кровавое, не то огненное. ➔

Борис Кустодиев.
Масленица. 1916 год

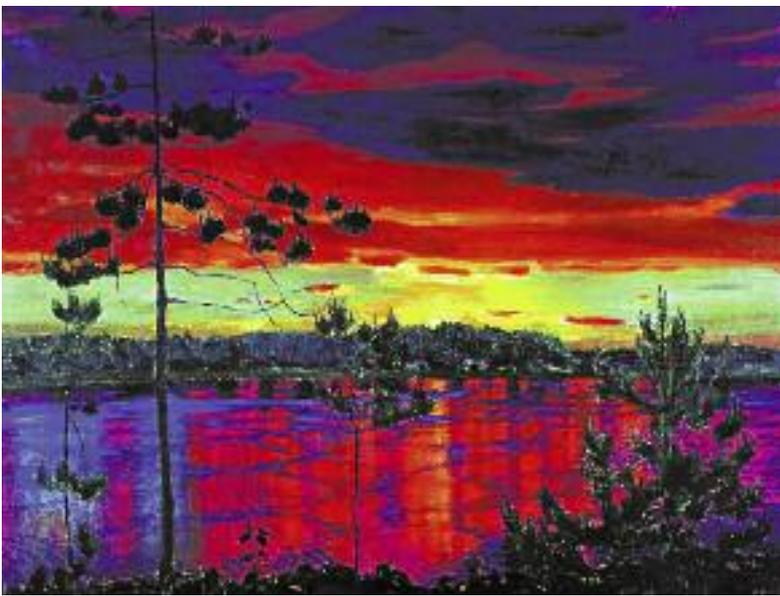
- Пройгнорировать революцию невозможно, можно уйти от нее в глубину веков, как Нестеров, примкнуть к ней, как супрематисты, или выступить против нее. Три этих пути мы видим на трех представленных на выставке картинах. На первой из них – полотне Нестерова «Философы» – Паввел Флоренский и Сергей Булгаков погружены в себя и в тихий, заливающий их точно изнутри свет русского христианства. Они как будто идут навстречу мальчику с картины «Душа народа». Другая картина – портрет Керенского работы Исаака Бродского. Несмотря на свою жалкую историческую роль, на портрете Керенский смотрится фундаментально. Он сам похож на революционера – облачен не то в гимнастерку, не то в ватник. Взгляд спокойный и суровый, поза уверенная. Очевидно, самим художником Керенский был воспринят как одно из значимых порождений русской революции. Наконец, третья картина – это «Большевики» Ильи Репина. Картина не оставляет сомнений в отношении Репина к Октябрьской революции и ее героям. Страшные босхианские лица, изогнутые тела, мутный сивушный колорит. Другое название картины – «Красноармеец, отнимающий хлеб у ребенка». Или, в другой трактовке, – «Солдаты Троцкого отнимают у мальчика хлеб».

В числе художников, внутренне не принявших революцию, следует назвать и Леонида Чупятова. Его работа «Голова с пейзажем» 1919 года пропитана каким-то народным сатанизмом. Красное лицо, осоловелые глаза и вилы в руках – как рога. Сюда же можно отнести и цикл «Расея» Бориса Григорьева. Все лица его героев отмечены печатями алкоголизма и всевозможных пороков, злые, бездушные – одним словом, изуродованные революцией. Сам Борис Григорьев в 1919 году вместе с семьей бежал из революционной России, переплыв на лодке Финский залив.

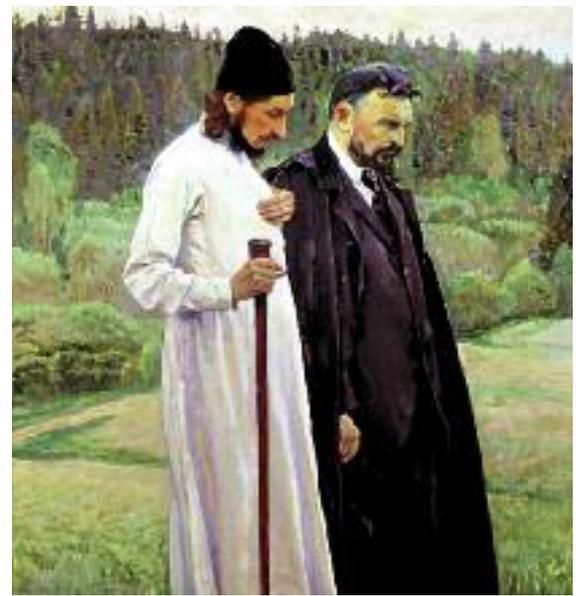
Есть на выставке картины, которые вообще очень опосредованно соотносятся с революционным 1917 годом. Например, «Божьи люди» Владимира Кузнецова. Мрачные образы старообрядцев с неприятными выражениями на лицах – озлобленные, запуганные, тупые. На рубеже веков в старообрядческих кругах, особенно у тех из них, кто занимался предпринимательством, накопился большой капитал, который подчас пускался на борьбу против «власти антихриста» – борьбу, которая понималась весьма специфическим образом: как поддержка любых видов протестной активности, причем даже после того, как по указу императора старообрядцам были возвращены храмы Рогожской слободы с правом совершать в них службы.

Еще одна обособленная, ни на что не похожая работа – картина Николая Рериха «Три радости». Сам художник писал о картине: «Хожалый гусяр повещает поселянину о трех радостях. Сам Святой Егорий коней пасет, сам Николай Чудотворец поля уберет, а сам Илья Пророк рожь зажинает». Краски по-рериховски волнующие, но не тревожные. Русский дом под надежной охраной всех святых, с ним ничего плохого не произойдет, какие бы катаклизмы вокруг него ни случились.

Интересно представлено на выставке и городское пространство революционной поры. Так, на картине Николая Ульянова «Кафе» посетители с газетами и

Аркадий Рылов. Закат. 1917 год

Михаил Нестеров. Философы. 1917 год

зеркало за их спинами напоминают скорее искореженные футуристические дома, чем людей.

У выставки очень специфический официальный рекламный ролик. По полю на коне мчится человек. Его преследуют. Конь пронесется по сжатому полю мимо коровы и старухи-молочницы, как будто сошедших с другой картины Григорьева, написавшего упомянутых выше «Божьих людей». Старуха медленно поднимает взгляд, раздастся звук выстрела. Тогда она берет ведро с молоком и медленно переходит между. Камера фокусируется на белом коровьем боку с изображенной на нем черной супрематистской конструкцией, и корова начинает медленно взлетать. Этот короткий ролик очень точно и с подлинным глубинным символизмом рисует картину-схему революции. При всей страсти, при всём желании быть вовлеченным в политику искусство – к добру ли, к худу ли – осталось самим собой. На ролике между зеленым лугом искусства и выжженной солнцем, вытопанной травой политики лежит четкая граница. По этой выжженной земле во весь опор мчится старый порядок, его настигают и убивают. И только тогда молочница, медленно неся с собой драгоценный груз молока, переходит в реальность политическую, в реальность актуального. А тот мимолетный, призрачный, несвоевременный и оттого такой уязвимый мир искусства, существующего ради себя самого, мир, давший полное ведро вдохновения, тихо и сюрреалистично поднимается в воздух.

Даже самые кровавые революции начинаются с задумок достижения всеобщего счастья. В то же время и самые возвышенные, насыщенные исканиями Бога религиозные движения приводят в итоге к резне и рекам крови. В отличие от так называемых профессиональных революционеров, людям искусства, художникам, поэтам, писателям было чуждо прагматичное восприятие революции. Для них это была не очередная веха в борьбе классов, а идеал, долгожданное пришествие чего-то великого, даже нечто антропоморфное. Сейчас, по прошествии ста лет, может показаться удивительным, что даже наиболее чуткие и прозорливые люди того времени – за редчайшим исключением вроде Максимилиана Волошина – не поняли сразу всего трагизма случившегося: осознание этого пришло к ним спустя годы. Мы же веком позже знаем, как тогда развернулись события, как запыхала страна, как были убиты лучшие ее люди. Художники же той поры – опять же за редким исключением, например, Кустодиева – не могли знать грядущего и приняли цвет крови за цвет Пасхи. Это не характеризует их каким-то негативным образом – они просто остались в своем времени. Оттиск личности в любом случае навсегда запечатлевается в истории, бесконечность прямой времени отнюдь не отменяет существования ее отрезков – человеческих жизней. Само собой, нельзя забывать и о религиозном восприятии русской революции. Это и пресловутая святость бунта, после которого прямая дорога к покаянию, и крайний надрывный выплеск души, как говорит об этом герой «Коня бледного»: «... и другой путь – путь Христов... Слушай, ведь если любишь, много, по-настоящему любишь, то и убить тогда можно... Пойми: нужно крест- ➔

Исаак Бродский. Портрет А.Ф. Керенского. 1917 год

Борис Григорьев. Старуха-молочница (из цикла "Расея"). 1917 год

→ ную муку принять, нужно из любви, для любви на всё решиться, но непременно, непременно из любви и для любви... Вот я живу. Для чего? Может быть, для смертного моего часа живу. Молюсь: Господи, дай мне смерть во имя любви. А об убийстве ведь не помолишься. Убьешь, а молиться не станешь. Верую во Христа, верую, но я не с Ним. Недостойн быть с Ним, ибо в грязи и крови. Но Христос в милосердии своем будет со мною... Если крест тяжел – возьми его. Если грех велик – прими его. А Господь пожалеет тебя и простит».

Революция, безусловно, была всплеском, который никоим образом не мог продлиться дольше нескольких лет, поэтому неудивительно, что попытки сделать революцию постоянным, естественным состоянием для страны были обречены на провал. Конечно, тот заряд, тот импульс, который был дан искусству революцией, никуда не исчез, но даже самая сверхъестественная концентрация на совершении качественного рывка вперед не могла принести плодов, потому что для того, чтобы произошли изменения качественные, недостаточно одних лишь количественных трансформаций.

Завершается экспозиция выставки весьма символично. Перед зданием Моссовета, на месте разрушенного памятника Михаилу Скобелеву, была установлена аллегорическая фигура Свободы. Эта фигура плыла по воздуху, ее одежды развевались, как знамя, в руке она держала сферу, которая скорее всего должна была символизировать земной шар, другая рука была указующе поднята вперед и вверх. При выполнении работы скульптор Николай Андреев руководствовался примером Ники Самофракийской. К 1940-м годам фигура – как и идеи, которые она воплощала собой, – обветшала, и было принято решение снести ее. Единственный уцелевший фрагмент скульптуры – ее голова – была, по музейному преданию, увезена на санках работницами Третьяковской галереи, а позже на месте статуи Свободы был установлен памятник Юрию Долгорукому. Революция закончилась. Наступала пора государственного строительства. Революция повергла сама себя, преодолела сама себя и смогла, обуздав свои разрушительные силы, обезглавив анархические мечты, пойти единственно возможным путем – путем укрепления и возрождения имперской составляющей.

Абсолютную власть революции, ее власть над умами мы яснее всего видим через гигантскую лупу искусства, и это увеличительное стекло, вставленное в музейное пространство Третьяковской галереи, – отличный подарок для тех, кто хочет понять суть того, что произошло с нами сто лет назад. Юбилей революции миновал, и выставка «Некто 1917» в полной мере отразила как судьбу самой русской революции, так и судьбу ее восприятия.

Николай Андреев

КАДРОВЫЙ НАБОР ТВОРЧЕСКИХ ЛЮДЕЙ

СЕГОДНЯ В КОМПАНИЮ «ЭФКО» ТРЕБУЮТСЯ БРЕНД-МЕНЕДЖЕРЫ, ДИЗАЙНЕРЫ, АРТ-ДИРЕКТОРА
МЫ ИЩЕМ КРЕАТИВНЫХ, ТВОРЧЕСКИХ ДЕВУШЕК И ЮНОШЕЙ, ЖЕЛАЮЩИХ ОБУЧАТЬСЯ И
РАЗВИВАТЬСЯ В РАЗЛИЧНЫХ СФЕРАХ, СВЯЗАННЫХ С ТВОРЧЕСТВОМ – ВЫБЕРИ ТО, ЧТО
БЛИЖЕ ТЕБЕ, И ПОПРОБУЙ СВОИ СИЛЫ

8 800 505 03 02

КРЕАТИВНЫЙ ДИЗАЙНЕР

- разработка дизайна этикеток, логотипов, буклетов, наружной рекламы и полиграфии
- разработка имиджа новых брендов
- разработка фирменного стиля компании

БРЕНД-МЕНЕДЖЕР

- разработка креативных идей для рекламных роликов
- разработка креативных идей и сценариев, которые будут «цеплять» людей
- отбор рекламных роликов в интернете и на улице

АРТ-ДИРЕКТОР

- разработка стратегии бренда компании
- участие в отборе рекламных роликов в качестве стратега, от которого зависит, как продукт будет воспринят на рынке

ДИЗАЙНЕР ИНТЕРЬЕРА ДИЗАЙНЕР-АРХИТЕКТОР

- разработка дизайна интерьера и экстерьера для офисов и предприятий компаний
- уверенное владение специальными программами (AutoCAD, ArchiCAD и т.п.)

LIONGALA GALA

УСЛОВИЯ:

- оформление согласно ТК РФ
- официальная заработная плата (согласовывается с кандидатом по итогам собеседования)
- конкурентивная мобильная связь
- интересная командировка по России и за рубежом
- возможность профессионального и карьерного роста
- возможность обучения в учебном центре компании

ТРЕБОВАНИЯ:

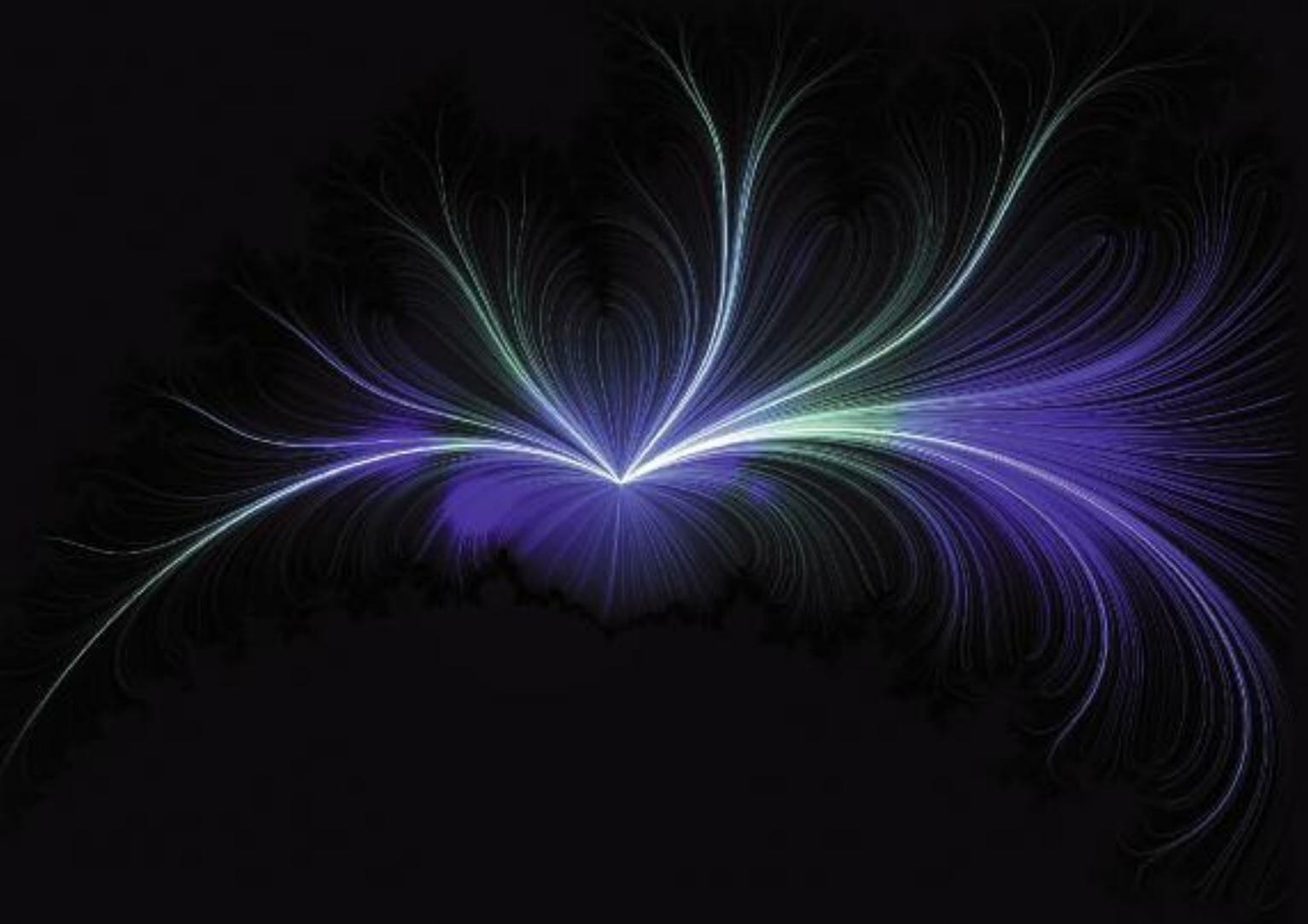
- высшее образование
- опыт работы в области творческих редакторов
- знание Photoshop, Adobe Illustrator
- умение работать с клиентами
- творческий подход к выполнению задач, инициативность

МАСТЕР ПРЕДПЕЧАТНОЙ ПОДГОТОВКИ

- проверка и подготовка макетов в соответствии с требованиями технического задания
- работа с печатными техниками
- интересные поездки и командировки

Cessante causa, cessat effectus

**интернет-портал
«Цивилизационная динамика»**

dynamic-of-civilizations.ru